
ИВЛИН
ВО
Победитель получает все
АЗБУКА-КЛАССИКА

Победитель получает все

Ивлин Во

Аннотация
Ивлин Во. Победитель получает все
Коротенький отпуск мистера Лавдэя и другие ранние рассказы
Равновесие. Канитель из старого доброго времени широких штанов и джемперов с высоким горлом
Благородное семейство
Хозяин «Кремля»
Любовь на спаде
Избыток терпимости
Вылазка в действительность
Происшествие в Азании
Бал Беллы Флис
Морское путешествие. (Письма дочки богатых родителей)
Человек, который любил Диккенса
Не в своей тарелке
По специальному заказу
Историческая зарисовка
На страже
Коротенький отпуск мистера Лавдэя

Победитель получает все
Дом англичанина
Родственная душа
Ювенилия
Проклятье лошадиных скачек
Глава I
Глава II
Глава III
Глава IV
Глава V
Глава VI
Глава VII
Глава VIII
Глава IX
Признание Фидона
Глава I
Глава II
Глава III
Глава IV
Глава V
Multa Pecunia
Глава I
Глава II
Глава III
Глава IV
Отрывок из романа

Зарисовка
Дом: Падение
Оксфордские рассказы
Портрет молодого карьериста
Антоний, который искал утраченное
Эдвард великолепный
Фрагменты: ужин с прошлым
Покушение
Неакадемический экзерсис: О сущности
Национальная игра

Аннотация

Ивлин Во (1903–1966) – выдающийся британский писатель, биограф и журналист, один из самых тонких английских стилистов, а также признанный мастер черного юмора и убийственно едкой сатиры, нередко пронизанной скрытым лиризмом; создатель гротескно-смешных фантазий, где причудливо преломляются жизненный уклад и идеологические парадоксы уходящей в прошлое Британской империи. Помимо романов (среди которых такие известные произведения, как «Возвращение в Брайдсхед», «Незабвенная» и др.), творческое наследие писателя включает несколько сборников рассказов; они были написаны в разные годы жизни и в миниатюрной форме соединили элементы, которые составили автору репутацию величайшего прозаика XX века. По отзывам критиков, рассказы Ивлина Во – это своего рода квинтэссенция стиля, «наброски и фальстарты к более длинным произведениям», а также убедительное свидетельство того, что один из самых почитаемых и лю-

бимых английских романистов был еще и непревзойденным мастером малой формы.

В настоящем издании представлены произведения Ивлина Во, объединенные в сборник «„Коротенький отпуск мистера Лавдэя“ и другие ранние рассказы», а также «Ювенилия» и «Оксфордские рассказы».

Ивлин Во
Победитель получает все

Evelyn Waugh
THE COMPLETE SHORT STORIES OF EVELYN WAUGH. VOLUME 1
Copyright © 1998, The Estate of Evelyn Waugh
© Л. Н. Житкова, перевод, 2022
© Е. Ю. Калявина, перевод, 2022
© М. Ф. Лорие (наследник), перевод, 2023
© А. А. Лысикова, перевод, 2022
© В. С. Муравьев (наследники), перевод, 2023
© Р. Е. Облонская (наследник), перевод, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Ильи Кучмы

* * *

Коротенький отпуск мистера Лавдэя и другие ранние рассказы

Равновесие
Канитель из старого доброго времени широких штанов и джемперов с высоким горлом

Интродукция

— Знаете, пожалуй, я все же не смогу прочесть свое. Это довольно жестоко.

— Надо, Бэзил, надо.

— Пожалуйста, Бэзил.

И так всякий раз, когда Бэзил играл в «Ассоциации»[1].

— Да не могу я, — видите, как тут все перепуталось.

— Ну, Бэзил, голубчик, не томи!

— Ну пожалуйста, Бэзил!

— Ты должен, дорогой Бэзил.

— Нет. Имоджен рассердится.

— Не рассердится. Правда, Имоджен?

---

[1] Notes: 1

«Ассоциации» — Занимательная психологическая игра, основанная на свободных ассоциациях. Согласно правилам, один из участников называет какое-либо слово, а остальные пишут на своих карточках слова, с которыми оно ассоциируется. По завершении сеанса каждый из участников должен зачитать свои ассоциации. — *Здесь и далее примеч. переводчика.*

— Имоджен, скажи ему, что не рассердишься.

— Да читай же, наконец, Бэзил!

— Ну ладно, только если вы пообещаете, что не возненавидите меня. — И он разгладил бумажку:

«Цветок — кактус.

Спиртное — ром.

Материя — сукно.

Мебель — качалка-лошадка.

Еда — оленина.

Город — Дублин.

И животное — удав-констриктор».

— О, как чудесно, Бэзил!

— Бедняга Адам, я никогда не связывал его с Дублином, — просто идеально!

— А почему кактус?

— Похож на фаллос, моя милая, и вдобавок с колючками.

— И с этими вульгарными цветками.

— Удав-констриктор — блеск!

— Да уж, с его-то пищеварением.

— И ужалить не может — только удавить.

— И гипнотизирует кроликов.

— Надо мне будет написать портрет Адама, гипнотизирующего кролика.

И тут же:

— Имоджен, ты не идешь?

— Не могу. Меня дико клонит в сон. Не напивайся, хорошо? И разбуди меня утром.

— И все-таки ты на меня сердишься, Имоджен.

— Я слишком устала, милый мой, чтобы на кого-то сердиться. Спокойной ночи.

Дверь закрылась.

— «Милый мой»… Она в бешенстве.

— Так и знал, зря вы заставили меня это читать.

— Она весь вечер была какая-то странная, я считаю.

— Мне она сказала, что, перед тем как спуститься, обедала с Адамом.

— И надеюсь, переела. У Адама все переедают, ты не находишь?

— А всё либидо.

— Но, знаете, я все равно очень горжусь этим персонажем. Интересно, почему раньше никому из нас не приходила мысль о Дублине?

— Бэзил, ты и правда считаешь, что у Имоджен может быть роман с Адамом?

Обстоятельства

ПРИМЕЧАНИЕ. Помимо пропуска некоторых согласных, никаких попыток передать фонетические особенности речи Глэдис и Ады, кухарки и

горничной из небольшого домика в Эрлс-Корте[2], предпринято не было, и, надо полагать, так они и говорят.

Смысл диалогов в фильме опытный киноман угадывает по жестам актеров, реальными же «субтитрами» являются только фразы, выделенные прописными буквами[3].

КЛУБ «КОКАТРИС»[4], 2:30 Ночи.

СРЕДОТОЧИЕ ЛОНДОНСКОЙ НОЧНОЙ ЖИЗНИ

На «титульной заставке» натюрморт с бутылкой шампанского, бокалами и комической маской — или она зевающая?

— Ой, Глэдис, началось! Так и знала, что опоздаем.

— Пус'яки, милая, я хорошо вижу в темноте. Ой, простите… Честное слово, думала, места не заняты!

Эротическое хихиканье и легкая потасовка.

---

[2] Notes: 2

Эрлс-Корт — район в западной части центрального Лондона, округ Кенсингтон и Челси.

[3] Notes: 3

Рассказ написан в эпоху немого кино, за два года до премьеры первого полнометражного звукового фильма «Певец джаза» 6 октября 1927 года в Нью-Йорке.

[4] Notes: 4

Кокатрис — мифическое существо из средневековых бестиариев в виде двуногого дракона с головой петуха, иначе — Василиск.

— Да отстань ты, нахаленыш, дай пройти!

— Сюда, Глэдис, ‘он там два места!

— Не, ну надо же… пытался усадить меня к себе на колени!

— Да ланно, Глэдис, проехали! Что хоть за картина-то? Комичная?

Экран почти весь затемнен, будто пленка сильно передержана. Прерывистый, но яркий луч кинопроектора высвечивает густую толпу танцующих, болтающих, жующих.

— Нет, Ада, — это гроза. Я бы даже сказала, песчаная буря. Видела на днях с Фредом похожий фильм.

Всем по нраву моя крошка[5]

Крупный план: голова девушки.

— А ‘от и его крошка. ‘Мотри, не она ль?

Довольно милая головка, стрижка «фокстрот»[6], превосходная посадка. Только начинаешь оценивать изысканность ее формы (пленка слишком плоха, чтобы составить хоть какое-то

---

[5] Notes: 5

Популярный хит Фэтса Уолера (1904–1943) «Everybody Loves My Baby».

[6] Notes: 6

Стрижка «фокстрот» — короткая стрижка с высоким затылком, один из вариантов стрижки «шингл-боб», популярной в 1910–1920-е годы; разновидности этой стрижки получали названия модных танцев.

впечатление о текстуре) — а в кадре вместо головы уже тучный пожилой мужчина с саксофоном. Пленка мутнеет — в духе авангардных киностудий континентальной Европы: саксофонист уже превратился в воронку вихревого движения, лица высвечиваются и снова исчезают, а обрывочные субтитры не дожидаются, когда их прочтут.

— Ну а я буду считать, что он легкий.

Голос с кембриджским акцентом с более дорогих мест:

— Экспрессионизмус!

Глэдис пихает Аду в бок и шепчет:

— Иностранец!

После нескольких переключений перспективы фокус внезапно становится стереоскопически ясным. Девушка сидит за столом, наклоняясь к молодому человеку, который подносит зажигалку к ее сигарете. К ним подсаживаются еще трое-четверо мужчин. Все в выходных костюмах.

— Нет, Ада, он не комичный — это из жизни «общества».

— «Общество» тоже бывает комичным, тебе ли не знать!

Девушка настаивает, что ей надо идти.

— Адам, я должна. Мама думает, что я пошла

в театр с тобой и твоей матерью. Не знаю, что будет, если она узнает, что я не там.

Общее прощание и оплата счетов.

— *По-моему, Глэдис, он слегка перебрал, тебе не кажется?*

Герой и героиня садятся в такси и уезжают. На полпути до конца Понт-стрит[7] героиня останавливает машину.

— Пусть дальше не едет, Адам. Леди Р. услышит.

— Доброй ночи, Имоджен… любимая.

— Доброй ночи, Адам.

Секунду она колеблется, но все же целует Адама.

Такси с Адамом уезжает.

Адам крупным планом. Молодой человек лет двадцати двух, гладко выбрит, с очень темными густыми волосами. Его бесконечно грустный вид выводит Аду из равновесия. Она потрясена.

— *И это называется смешно?*

— *Бастер Китон*[8] *тоже иногда выглядит*

---

[7] Notes: 7

Понт-стрит — фешенебельная улица в Королевском квартале Кенсингтон и Челси, проходит по районам Найтсбридж и Белгравия, на северо-востоке упирается в площадь Белгравия.

[8] Notes: 8

Бастер Китон (1895–1966) — американский комедийный актер, режиссер, сценарист, каскадер.

грустным, и что?

Ада веселеет.

У Бастера Китона грустный вид, но Бастер Китон смешной. У Адама грустный вид, но Адам смешной. Яснее некуда!

Кеб останавливается, Адам отдает ему все свои деньги. Тот желает Адаму «доброй ночи» и растворяется в темноте. Адам отпирает входную дверь.

Поднимаясь к себе, он попутно забирает почту со столика в вестибюле: два счета и приглашение на танцевальный вечер.

Заходит в свою комнату, раздевается и некоторое время сидит, с отвращением пялясь на себя в зеркало. Затем ложится в постель. Он не решается выключить свет — знает, что, если он это сделает, комната сразу же начнет вращаться; он должен лежать пластом и думать об Имоджен, пока не протрезвеет.

Затемнение пленки. Комната плывет и вскоре встает на место. Тьма сгущается. Оркестр очень тихо наигрывает первые аккорды песенки «Всем по нраву моя крошка». Полный мрак.

Крупный план: героиня.

Крупный план: герой спит.

Затемнение.

Следующее утро, 8:30

Герой все еще спит. Свет все еще горит.

Входит мымристого вида горничная, выключает свет и поднимает жалюзи. Адам просыпается.

— Доброе утро, Парсонс.

— Доброе утро, сэр.

— Ванная свободна?

— Кажется, туда только что прошла мисс Джейн.

Она поднимает с пола вечерний костюм Адама.

Адам снова ложится и размышляет о том, какое из двух зол меньше: не попасть в ванную или не успеть занять место в студии.

Мисс Джейн у себя в ванной.

Адам предпочитает встать.

Измученный, хотя сна ни в одном глазу, Адам одевается. Затем спускается к завтраку.

— Какое же это «общество», Глэдис? Они не едят грейпфрут.

— И дом совсем маленький.

— И дворецкого нет.

— А ‘он и старушка-мать. Спорим, в конце она сделает из него человека!

— Да и одежда у них совсем не шик-модерн, если

хочешь знать.

— Но если этот фильм не смешной, не про убийства и не про высшее общество, то какой же он тогда?

— Може', еще и до убийства дойдет.

— Ладно, будем считать, что он легкий.

— Гляди-ка, получил от графини приглашение на танцевальный вечер.

— Не кино, а не пойми что какое-то!

Приглашение от графини.

— Ха! Еще и конверт без коронетки!

Старушка-мать наливает Адаму чаю и пересказывает сообщение из газеты «Таймс» о смерти какого-то знакомого, а когда он допил чай и доел рыбу, выпроваживает его из дома.

Адам доходит до поворота и там садится в автобус. По всем признакам это район Риджентс-парка[9].

ЦЕНТР
ЛОНДОНСКОГО ЛАТИНСКОГО КВАРТАЛА.
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ШКОЛА МОЛТБИ

Ни одна мелочь не была упущена продюсерами

---

[9] Notes: 9

Риджентс-парк — один из главных королевских парков Лондона, разбит в 1811 году на границе между Вестминстером и округом Камден; назван в честь регентства принца-регента, будущего короля Георга IV.

для создания аутентичной атмосферы. К приходу Адама главная студия школы Молтби уже наполовину заполнена студентами. Работа еще не начата, но в помещении бурлит жизнь, все заняты приготовлениями. Одна молодая женщина в рабочем халате, больше похожая на хористку, чем на художницу, отмывает палитру, вымазываясь в краске; другая по соседству устанавливает мольберт; третья затачивает карандаш; четвертая курит сигарету, вставленную в держатель на длинной ручке. Молодой человек, также в рабочем халате, держит рисунок и, чуть склонив голову набок, оценивает его с расстояния вытянутой руки; с ним полемизирует длинноволосый молодой человек. Старый мистер Молтби, внушительная личность в потрепанном шелковом халате, выговаривает заплаканной студентке, что если она пропустит еще одно занятие по композиции, то ее исключат из школы. Секретарша мисс Филбрик прерывает спор между двумя молодыми людьми и напоминает им, что ни тот ни другой не внес плату за следующий месяц. Девушка, которая устанавливала мольберт, пытается раздобыть какого-нибудь «фиксатива»[10]; его

[10] Notes: 10

Фиксатив — в рисовании жидкость для укрепления рисунка, выполненного карандашом или углем на бумаге.

одалживает ей девушка с сигаретодержателем. Мистер Молтби сетует на то, что нынешний уголь сильно крошится. Ну чем не Латинский квартал, право слово?

«Декорации» тоже разрабатывались на совесть. Стены увешаны горшками, сковородками и картинами: последние — это главным образом остатки серии довольно упитанных ню, которые не сумел распродать молодой мистер Молтби. Над помостом в дальнем конце болтается чрезвычайно загорелый скелет.

— *Слушай, Глэдис, а его натурщиц покажут? Как ты думаешь?*

— Ой, не смеши, гуля моя!

Входит Адам и устремляется к стенду со схемой расположения мольбертов; к нему подходит девица, одолжившая «фиксатив». Она все курит.

— У МЕНЯ СВОБОДНО СОСЕДНЕЕ МЕСТО, ДУР, ИДЕМТЕ ТУДА.

Крупный план девушки.

— *Она в него влюблена.*

Крупный план Адама.

— *А он в нее — нет!*

Место, на которое указывает девушка, лучшее во втором ряду; другое такое, помимо крайнего спереди и крайнего сзади, только одно, рядом с

печью, закругленное сбоку. Адам ставит против него свои инициалы.

— ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ… БОЮСЬ, Я ДОЛЖЕН ПРИЗНАТЬСЯ, ЧТО МЕНЯ БЕСПОКОИТ СВЕТ С ТОГО МЕСТА, ГДЕ ВЫ РАСПОЛОЖИЛИСЬ… БУДЕТ СЛИШКОМ МАЛО ТЕНЕЙ… ВЫ НЕ НАХОДИТЕ?

Девушку это не обескураживает — она закуривает очередную сигарету.

—

Я ВИДЕЛА ВАС ВЧЕРА ВЕЧЕРОМ В «КОКАТРИСЕ», А ВЫ МЕНЯ НЕТ.

— В «КОКАТРИСЕ»… ВЧЕРА ВЕЧЕРОМ… АХ ДА… КАКАЯ ЖАЛОСТЬ!

— КТО ВСЕ ТЕ ЛЮДИ, ЧТО БЫЛИ С ВАМИ?

— О, ПОНЯТИЯ НЕ ИМЕЮ, ПРОСТО КАКИЕ-ТО ЛЮДИ, ЗНАЕТЕ ЛИ.

Он порывается уйти.

— А ЧТО ЭТО ЗА ДЕВУШКА, С КОТОРОЙ ВЫ ТАК МНОГО ТАНЦЕВАЛИ?.. БЕЛОКУРАЯ КРАСОТКА… В ЧЕРНОМ?

— КАК, ВЫ НЕ ЗНАЕТЕ? ВАМ НАДО КАК-НИБУДЬ С НЕЙ ПОЗНАКОМИТЬСЯ… ПОСЛУШАЙТЕ, Я ДИКО ИЗВИНЯЮСЬ, НО МНЕ НУЖНО СРОЧНО СПУСТИТЬСЯ К МИСС ФИЛБРИК ЗА БУМАГОЙ.

— Я МОГУ ВАМ ОДОЛЖИТЬ.

Но его уже и след простыл.

Ада говорит:

— Не много ли болтовни в этой картине, а, Глэдис? — И тут вступает голос с кембриджским акцентом, вещающий что-то об «удалении субтитров».

Одна из жизненных неурядиц

Входит молодая женщина, кутаясь в халат, впереди — младший мистер Молтби.

— И это называется натурщица? Ну, знаешь…

Женщина слегка простужена, чихает в крошечный комочек носового платка; она поднимается на помост и неуклюже садится на стул. Младший мистер Молтби кивком приветствует тех учеников, которые ловят его взгляд; девушка, говорившая с Адамом, тоже ловит взгляд учителя, тот улыбается.

— У него с ней шуры-муры.

Она отвечает ему приветливой улыбкой.

Молодой мистер Молтби громыхает печью, приоткрывает световой люк, затем поворачивается к натурщице; та сбрасывает халат и вешает его на спинку стула.

— Ой, мамочки… Ада! С ума сойти!

— Чтоб я когда…

Молодой человек из Кембриджа продолжает

заносчиво рассуждать о Матиссе, будто хорошо знаком с предметом. Хотя на самом деле он сильно заинтригован.

Натурщица обнажила рыхлые розовое тело, коротковатые ноги и руки с красными локтями; как и у большинства профессиональных натурщиц, пальцы у нее на ногах изуродованы и все в мозолях. Младший мистер Молтби сажает ее на стул в позе, отвечающей стандартам художественной школы. Класс приступает к работе.

Адам возвращается с несколькими листами бумаги и пристраивает их у себя на планшете. Потом какое-то время стоит, сверля натурщицу брезгливым взглядом, так и не проведя ни одной линии.

— Он в нее влюблен. — Но на сей раз Ада не угадала.

Затем начинает набрасывать основные очертания позы.

Он работает пять-шесть минут, но ему досаждает жар от печи. Сзади, пыхая табачным дымом, подходит старший мистер Молтби.

— Ну как, все разметил? Что у тебя в центре? Куда будет смотреть стопа? Куда встанет макушка?

Адам ничего не разметил — он яростно стирает все, что рисует, и начинает заново.

Тем временем между молодым мистером Молтби и девицей, которая была влюблена в Адама, завязывается оживленный флирт. Мистер Молтби наклоняется к ней, указывая на ошибки, и кладет руку ей на плечо, но она в джемпере с глубоким вырезом, и большой палец учителя соскальзывает на ее голую шею, щекоча кожу, — девица благодарно извивается. Он забирает у нее уголь и начинает что-то рисовать в уголке листа — ее волосы касаются его щеки, — ни ей, ни ему нет никакого дела до того, что он рисует.

— *Нет, ну эти богемные совершенно не умеют держать себя в руках, правда, Глэдис?*

За полчаса Адам трижды стирал свой рисунок. Стоит ему обнаружить какое-то необычное сочетание форм, как натурщица подносит к носу комочек носового платка и после каждого чиха слегка меняет позу. Антрацитовая печь пышет жаром, Адам работает еще полчаса.

11:00. Перерыв

Почти все девушки достают сигареты; мужчины же, число которых увеличилось за счет притока опоздавших, кучкуются в уголке отдельно от них. Один мужчина читает «Студио». Адам раскуривает трубку и, отступая назад, с отвраще-

нием изучает свой рисунок.

Крупный план: рисунок Адама. В действительности он совсем не плох. Фактически на порядок удачнее любого в зале; один, правда, может стать лучше к концу недели, но в данный момент на нем видны лишь цифры замеров и геометрические фигуры. Его автору невдомек, что натурщица отдыхает, — он увлечен определением границ медиального отдела ее фигуры и производит вычисления в уголке листа.

Адам выходит на лестницу, заполоненную женщинами из нижней студии. Они подкрепляются плюшками из пакетиков. Он возвращается в студию.

Девушка, которой давал наставления молодой мистер Молтби, подходит к Адаму и рассматривает его рисунок.

— Довольно типично для понедельничного утра.

Слово в слово повторила отзыв молодого мистера Молтби о ее рисунке.

Натурщица снова садится в заданную позу и снова чуть-чуть иначе; бумажные пакетики убраны, трубки выбиты; многообещающий ученик просчитывает зону прямоугольника.

Смена декораций.

Понт-стрит, 158. Лондонский дом мистера Чарлза и леди Розмари Квест

Судя по интерьеру, продюсеры таки предприняли наконец кое-какие попытки удовлетворить социальные чаяния Глэдис и Ады. Да, там очень мало мрамора и нет напудренных лакеев в бриджах, но в помещениях с высокими потолками и мебелью в стиле Людовика Шестнадцатого атмосфера несомненного величия все же присутствует, и даже имеется один лакей. Молодой человек из Кембриджа оценивает затраты на содержание дома в шесть тысяч в год, и при избыточной щедрости этого предположения оно вполне оправданно. На заднем плане видна коллекция лиможского фарфора, принадлежащая леди Розмари.

Имоджен Квест у себя в спальне наверху звонит по телефону.

— Ой, Ада, какая миленькая кимоношка!

Мисс Филбрик входит в верхнюю студию Молтби именно в тот момент, когда наконец у Адама начинает проклевываться интерес к рисунку.

— МИСС КВЕСТ ЖЕЛАЕТ ПОГОВОРИТЬ С ВАМИ ПО ТЕЛЕФОНУ, МИСТЕР ДУР. Я ОБЪЯСНИЛА ЕЙ, ЧТО ЭТО ПРОТИВОРЕЧИТ НАШИМ ПРАВИЛАМ.

СТУДЕНТАМ РАЗРЕШЕНО ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ТЕЛЕФОНОМ ТОЛЬКО В ОБЕДЕННЫЙ ПЕРЕРЫВ, — (мисс Филбрик и старший мистер Молтби издавна ведут бесконечную потешную игру, делая вид, что где-то существует свод правил, которые все должны соблюдать), — НО ОНА УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ДЕЛО КРАЙНЕ ВАЖНОЕ. ЖЕЛАТЕЛЬНО, ЧТОБЫ ВЫ ПОПРОСИЛИ СВОИХ ДРУЗЕЙ НЕ ЗВОНИТЬ ВАМ ПО УТРАМ.

Адам кладет уголь и следует за ней в кабинет.

Над телефоном в кабинете висит выцветшее объявление, написанное староанглийским шрифтом, который мисс Филбрик постигала на вечерних курсах на Саутгемптон-роуд:

«Студентам запрещено пользоваться телефоном в рабочее время».

— ДОБРОЕ УТРО, ИМОДЖЕН.

— ДА, ВПОЛНЕ БЛАГОПОЛУЧНО… ТОЛЬКО СТРАШНО ВЫМОТАН.

— НЕ МОГУ, ИМОДЖЕН… ДЛЯ НАЧАЛА, У МЕНЯ НЕТ ДЕНЕГ.

— НЕТ, ТЕБЕ ЭТО ТОЖЕ НЕ ПО КАРМАНУ. В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ Я УЖИНАЮ У ЛЕДИ Р.

— ТЫ ВЕДЬ ПОТОМ РАССКАЖЕШЬ?

— ПОЧЕМУ НЕТ?

— А КТО ТАМ ЖИВЕТ?

— УЖ НЕ ТОТ ЛИ ЖУТКИЙ БЭЗИЛ ХЕЙ?

— ВСЕ ВОЗМОЖНО.

— ВИДЕЛСЯ ИНОГДА С НИМ В ОКСФОРДЕ.

— ЧТО Ж, ЕСЛИ ТЫ ТОЧНО СМОЖЕШЬ ЗАПЛАТИТЬ, ТО Я С ТОБОЙ СЕГОДНЯ ПООБЕДАЮ.

— ЗАЧЕМ? ТАМ ЖЕ БЕЗУМНО ДОРОГО.

— СТЕЙК «ТАРТАР»? А ЧТО ЭТО?

«Абсолютно сырой, знаете, с оливками, капер-сами, уксусом и разными специями», — объясняет кембриджский голос.

— СМОТРИ, РАДОСТЬ МОЯ, ОБОРОТНЕМ СТАНЕШЬ.

— ТЕБЕ ПОНРАВИЛОСЬ, ЗНАЧИТ, И МНЕ ПОНРАВИТСЯ.

— ДА, БОЮСЬ, У МЕНЯ ПОЯВЛЯЕТСЯ СКЛОННОСТЬ К МЕЛАНХОЛИИ.

—

ГДЕ-ТО В ЧАС. НЕ ОПАЗДЫВАЙ, ПОЖАЛУЙСТА… В МОЕМ РАСПОРЯЖЕНИИ ЛИШЬ СОРОК ПЯТЬ МИНУТ.

— ДО СВИДАНИЯ, ИМОДЖЕН!

Вот и все, что уши мисс Филбрик смогли выловить из этого запретного разговора.

Адам возвращается в студию и набрасывает несколько грубых невыразительных линий.

Затем стирает, но они грязными пятнами въедаются в пористую бумагу. Он разрывает рисунок, старый мистер Молтби протестует, молодому мистеру Молтби не до Адама — он занят объяснением строения стопы.

Адам принимается за новый рисунок.

Крупный план: рисунок Адама.

— Он думает о ней.

В яблочко, Ада!

— Эти фильмы были бы гораздо убедительнее, если бы в них брали квалифицированных чертежников, чтобы они делали рисунки за героя, — тебе не кажется?

Браво, культурная буржуазия!

Полдень

Повторение всех блужданий предыдущего часа.

Подающий надежды студент высчитывает соотношение двух кубов. Девушка, изучавшая строение стопы, подходит к студенту сзади и заглядывает ему через плечо; он испуганно вздрагивает и сбивается со счета.

Адам берет шляпу, трость и выходит.

Адам в автобусе.

Адам изучает Пуссена[11] в Национальной галерее.

Крупный план: Адам изучает Пуссена.

— Он думает о ней.

Часы на колокольне церкви Святого Мартина-в-Полях[12] бьют один час. Адам покидает Национальную галерею.

13:10.

Обеденный зал ресторана «Тур-де-Форс»

Входит Адам; озирается по сторонам, но, как он и ожидал, Имоджен еще не явилась. Он садится за столик, накрытый на две персоны, и ждет.

Ресторан «Тур-де-Форс», хотя на самом деле он и не в Сохо, безошибочно производит впечатление космополитично-театрального заведения — что Ада суммировала в слове «богемный». Столики расставлены идеально, вина превосходные, но и неимоверно дорогие.

Адам заказывает бокал хереса и ждет, разделяя внимание между дверью, в которую должна

---

[11] Notes: 11

Пуссен Никола (1594–1665) — французский художник.

[12] Notes: 12

Церковь Святого Мартина-в-Полях — самая знаменитая приходская церковь Лондона, находится на Трафальгарской площади.

войти Имоджен, и соседним столиком, где немолодой юрист, крупный авторитет в политической сфере, пытается развлечь скучающего изысканно-красивого юношу лет восемнадцати.

13:45

Входит Имоджен.

Посетители за другим столиком говорят: «СМОТРИТЕ-КА, ИМОДЖЕН КВЕСТ! НЕ ПОНИМАЮ, ЧТО ЛЮДИ В НЕЙ НАХОДЯТ, А ВЫ ЧТО СКАЖЕТЕ?» или «КТО ЭТО ТАКАЯ, ИНТЕРЕСНО? НЕ ПРАВДА ЛИ, ОНА ПРИВЛЕКАТЕЛЬНА?»

— ПРОСТИ, ДОРОГОЙ, Я ЖУТКО ОПОЗДАЛА. У МЕНЯ С УТРА БЫЛ ДИЧАЙШИЙ МАРАФОН ПО МАГАЗИНАМ С ЛЕДИ Р.

Она садится за столик.

— ТЕБЕ ЖЕ НЕ НАДО СРЫВАТЬСЯ С МЕСТА И СЛОМЯ ГОЛОВУ НЕСТИСЬ В ШКОЛУ? МЫ ВЕДЬ С ТОБОЙ БОЛЬШЕ НЕ УВИДИМСЯ. НИКОГДА. СЛУЧИЛОСЬ САМОЕ УЖАСНОЕ… ЗАКАЖИ МНЕ ЧТО-НИБУДЬ ПОЕСТЬ, АДАМ. Я СТРАШНО ГОЛОДНА. ХОЧУ СТЕЙК «ТАРТАР», НО БЕЗ НАПИТКОВ.

Адам заказывает.

— ЛЕДИ Р. ГОВОРИТ, Я С ТОБОЙ чересчур ЧАСТО ВИЖУСЬ. НЕ СЛИШКОМ ЛИ ЭТО УЖАСНО?

Глэдис наконец в своей стихии. Жанр фильма определен. Первая любовь рушится из-за родителей-толстосумов, кичащихся своим богатством.

Имоджен отмахивается от тележки с hors d'œuvre[13].

— Она устроила мне сцену. Заявилась, когда я была еще в постели, и потребовала полного отчета о вчерашнем вечере. Очевидно, слышала, как я вошла в дом. Ох, Адам, не могу передать, сколько жутких мерзостей она о тебе наговорила. Какой-то дурацкий обед, дорогой, — ты заказал все, чего я на дух не переношу.

Адам допивает бульон.

— И ВОТ ПОЭТОМУ СЕГОДНЯ МЕНЯ ОТПРАВЛЯЮТ В ТАТЧ[14]. А вечером леди Р. хочет с тобой серьезно поговорить. Она даже отменила визит Мэри и Эндрю, чтобы встретиться с тобой один на один. Адам, с чего ты взял, что я все это съем? А себе даже выпить не заказал.

Адам съедает весь омлет сам. Имоджен крошит хлеб и говорит:

— Но знаешь, милый мой, ты не должен осуж-

---

[13] Notes: 13
С закусками *(фр.)*.

[14] Notes: 14
Татч — небольшой населенный пункт в Англии, ныне не существует.

дать Бэзила — учти, я дико его обожаю, к тому же у него наипрелестнейшая и наивульгарнейшая мамаша — тебе бы точно понравилась.

Выкатывается стейк «Тартар» и готовится тут же при них.

Крупный план: блюдо мелко порубленного, истекающего кровью мяса; руки, чересчур щедро посыпающие его приправами.

— Знаешь, Адам, что-то мне расхотелось есть это после всего. Так напоминает мне о Генри…

14:30

Адам закончил с обедом.

— ТАК ЧТО ТЫ ДОЛЖЕН ПОНЯТЬ, МОЙ ДОРОГОЙ, ЧТО МЫ С ТОБОЙ БОЛЬШЕ НИКОГДА-НИКОГДА НЕ УВИДИМСЯ — ПОДОБАЮЩИМ ОБРАЗОМ, Я ИМЕЮ В ВИДУ. НУ ВОТ, Я ДАЖЕ ЗАГОВОРИЛА КАК ЛЕДИ Р. — ЕЕ СЛОВАМИ, ТЫ НЕ НАХОДИШЬ?

Имоджен протягивает руку через стол и касается руки Адама.

Крупный план: рука Адама, на мизинце кольцо-печатка, а на сгибе большого пальца — пятно от краски. Рука Имоджен — совершенно белая, с маникюром — ползет по экрану и притрагивается к пятну.

Глэдис тихо всхлипывает:

— ТЫ ВЕДЬ НЕ СИЛЬНО ОГОРЧЕН, ПРАВДА, АДАМ?

Адам огорчен — и, разумеется, сильно. Очень. Он съел достаточно, чтобы основательно раскиснуть.

Ресторан «Тур-де-Форс» почти пуст. Адвокат пошел своим грешным путем, а официанты беспокойно топчутся поодаль.

Имоджен оплачивает счет, и они с Адамом выходят на улицу.

— АДАМ, ТЫ ДОЛЖЕН ПОЕХАТЬ НА ЮСТОНСКИЙ ВОКЗАЛ[15] МЕНЯ ПРОВОДИТЬ. МЫ ВЕДЬ НЕ МОЖЕМ ВОТ ТАК РАССТАТЬСЯ — НАВСЕГДА? ХОДЖЕС ВСТРЕТИТ МЕНЯ ТАМ С БАГАЖОМ.

Они садятся в такси.

Имоджен вкладывает руку в его ладонь, и в течение нескольких минут они так и сидят, не проронив ни слова.

Затем Адам наклоняется к ней, и они целуются.

Крупный план: Адам и Имоджен целуются. В глазах у Адама стоят слезы (что моментально находит отклик у Глэдис и Ады, которые безудержно рыдают); губы Имоджен сладостно приоткрылись

---

[15] Notes: 15

Юстонский вокзал — железнодорожный вокзал в центральной части Лондона, открыт в 1837 году.

в ответ на прикосновение губ Адама.

— *Как Венера Бронзино!*[16]

— НА САМОМ ДЕЛЕ, ИМОДЖЕН, ТЕБЕ ВЕДЬ ВСЕГДА БЫЛО ВСЕ РАВНО. ИНАЧЕ ТЫ БЫ ВОТ ТАК ВОТ НЕ УЕХАЛА. СКАЖИ, ТЕБЕ ХОТЬ КОГДА-НИБУДЬ БЫЛО НЕ ВСЕ РАВНО — ТОЛЬКО ЧЕСТНО?

— РАЗВЕ Я ТЕБЕ ЭТО НЕ ДОКАЗАЛА? Адам, дорогой, ну что ты вечно задаешь какие-то нудные вопросы. Неужели ты не понимаешь, насколько это невыносимо? У нас всего пять минут до Юстона.

Они опять целуются.

Адам говорит:

— Черт бы побрал эту леди Р.

Они подъезжают к Юстону.

Ходжес их уже ждет. Она позаботилась о багаже. Она позаботилась о билетах. Она даже купила журналы. Делать больше нечего.

Адам стоит рядом с Имоджен в ожидании отправления поезда; она просматривает еженедельную газету.

— Взгляни на это фото Сибил. Странное какое-

---

[16] Notes: 16

Бронзино Аньоло (1503–1572) — итальянский живописец, выдающийся представитель маньеризма; вероятно, имеется в виду его картина «Аллегория с Венерой и Купидоном».

то, правда? Когда, интересно, оно снято?

Поезд вот-вот тронется. Она садится в вагон и протягивает руку:

— Прощай, дорогой. Ты ведь приедешь в июне на танец с матерью?[17] Если нет, меня это очень огорчит. А может, и раньше увидимся. Прощай!

Поезд отъезжает от вокзала и набирает ход.

Крупный план. Имоджен в вагоне изучает странное фото Сибил.

Адам на платформе глядит вслед исчезающему поезду.

Затемнение.

— Ну и как тебе это, Ада?

— Мило.

— Странно все-таки, что они никак не могут заставить героев и героинь разговаривать как леди и джентльмены — тем более в минуты душевных волнений.

Четверть часа спустя

Адам еще в Юстоне, стоит, бесцельно уставившись на книжный киоск. Перед ним на экране мелькают картины его жизни.

---

[17] Notes: 17

Традиционный танец матери невесты с дочерью или женихом на свадьбе или помолвке.

У Молтби. Антрацитовая печь, натурщица, любвеобильная студентка («Вамп»), студент с математическими наклонностями, его собственный рисунок.

Семейный обед. Его отец, мать, Парсонс, сестра с ее глупым прыщавым личиком и тупой завистью ко всему, что говорит, делает и носит Имоджен.

Обед на Понт-стрит, голова к голове с леди Розмари.

Обед в одиночестве в каком-то дешевом ресторане в Сохо. А в конце неизменное вечное Одиночество и мысли об Имоджен.

Крупный план: лицо Адама выражает отчаяние, постепенно переходящее в решимость.

Адам в автобусе — едет к Хэновер-Гейт[18].

Подходит к дому.

Парсонс. Парсонс открывает дверь. Миссис Дур нет дома; мисс Джейн нет дома; нет, Адам не хочет чаю.

Комната Адама. Чудесная, под самой крышей, откуда открывается вид на верхушки деревьев. В полнолуние доносятся звуки из Зоологического сада. Адам входит и запирает дверь.

Глэдис тут как тут:

---

[18] Notes: 18

Хэновер-Гейт (Hanover Gate) — один из входов в Риджентс-парк.

— Самоубийство, Ада.

— Да, но она явится в последний момент и остановит его. Вот увидишь!

— Не обольщайся. Это не простое кино, совсем не простое.

Он подходит к письменному столу, открывает один из ящичков и достает из него маленький синий пузырек.

— Ну, что я говорила?! Яд.

— Легкость, с которой персонажи фильмов ухитряются обеспечить себя инструментами смерти…

Он ставит пузырек на стол, берет лист бумаги и пишет.

— Предсмертная записка для нее. Ишь, дает ей, время приехать, чтобы его спасти.

Ave imperatrix immortalis, moriturus te salutant[19]

Идеально! И очень тонко.

---

[19] Notes: 19

СЛАВЬСЯ, БЕССМЕРТНАЯ ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА, ИДУЩИЙ НА СМЕРТЬ ПРИВЕТСТВУЕТ ТЕБЯ (парафраз выражения Ave Caesar, (Imperātorc), moritūri te salūtant (Здравствуй [Славься], Цезарь, император, идущие на смерть приветствуют тебя) — приветствие римских гладиаторов бидущих на морское сражение, устроенное им на Фукинском озерес, обращенное к императору <Клавдию>. (Светоний. «Божественный Клавдий», 21.)

Он складывает листок, отправляет его в конверт и надписывает адрес.

Далее медлит в сомнении.

Возникает видение:

Дверь в комнату Адама. К ней подходит миссис Дур, переодетая к ужину, и стучится в дверь, стучится еще несколько раз, затем в тревоге зовет мужа. Профессор Дур дергает ручку, трясет ее. Подходят Парсонс и Джейн. Через некоторое время решают взломать дверь, профессор Дур возится с ней, миссис Дур в ажитации. Джейн делает тщетные попытки ее успокоить. Волнение нарастает. Наконец все врываются в комнату. Адама обнаруживают мертвым на полу. Сцена неописуемой пошлости со слезами, истерикой, телефоном, полицией. Затемнение.

Крупный план: Адам кривится от отвращения.

Очередное видение:

Деревня африканских туземцев у края джунглей; из низенькой соломенной хижины выползает смертельно больной голый мужчина, за ним — его причитающие жены. Он тащится в джунгли, чтобы умереть там в одиночестве.

— Ос-споди, Глэдис! Вот-те и мораль.

Еще одно видение:

Рим времен Петрония[20]. Молодой патриций возлежит в окружении своих гостей. Продюсеры, не жалея сил, трудились над созданием атмосферы великолепия и роскоши. Мраморный зал, будто построенный в горячечном бреду какого-нибудь Альма-Тадемы[21], щедро освещен горящими христианами. Слева и справа мальчики-рабы, дети варваров, вносят блюда с жареными павлинами. В центре зала девочка-рабыня танцует с пумой. Выход нескольких гостей в вомиторий[22]. За павлинами следуют молочные поросята, тушенные в меду, фаршированные трюфелями и соловьиными язычками. Зверь, воспламененный внезапной страстью, прыгает на девушку, валит ее на пол и стоит над ней, упираясь одной лапой в ее грудь, на которой

---

[20] Notes: 20

Петроний Арбитр (ок. 14–66) — автор древнеримского романа «Сатирикон», в котором, в частности, описывается пир Трималхиона; рассказ завершается мнимыми похоронами Трималхиона.

[21] Notes: 21

Альма-Тадема Лоуренс (1836–1912) — британский художник нидерландского происхождения, писал картины в основном на исторические сюжеты.

[22] Notes: 22

Вомиторий (от *лат.* vomere — исторгать, извергать, в том числе содержимое желудка). Существует расхожее мнение, что так называли пристройку к обеденному залу в древнеримском доме, где пирующие могли освободить желудок для очередного блюда; по другой версии, это проходы или коридоры между рядами в амфитеатрах, служившие

для того, чтобы толпы зрителей могли быстро покинуть места зрелищ в случае пожара.

проступают крошечные капли крови. Она лежит на альматадемском мраморе, взывая к хозяину полным ужаса взглядом. Но тот ее не замечает, он забавляется с одним из мальчиков-слуг. Еще несколько гостей удаляются в вомиторий. Пума пожирает девушку. Наконец в самый разгар пира вносят зеленую мраморную чашу. В нее вливают пахучую кипящую воду. Хозяин погружает туда руку, а негритянка, подобно некоему ангелу смерти сидевшая подле его ложа на протяжении всего пира, выхватывает из-под набедренной повязки нож и с силой вонзает ему в запястье. Вода в зеленой чаше становится красной. Гости постепенно расходятся, и хозяин с величавой учтивостью, хотя и не покидая ложа, прощается с каждым поименно. Вскоре он остается один. Мальчики-рабы ежатся в уголках, жмутся друг к дружке голыми плечами. Обуреваемая диким желанием, негритянка вдруг начинает целовать и глодать безжизненную руку. Он вялым жестом приказывает ей удалиться. Догорающие мученики постепенно затухают, огромный зал погружается во тьму, изредка прорезаемую тусклo мерцающими огоньками. Запах жареного уплывает на террасу и растворяется в ночном воздухе. Виден лишь силуэт пумы, вылизываю-

щей лапы во мраке.

Адам раскуривает трубку и нервно постукивает по столешнице уголком конверта. Затем кладет пузырек в карман и отпирает дверь.

Потом вдруг разворачивается, подходит к книжным шкафам и просматривает их содержимое. Книжные шкафы Адама: довольно необычная библиотека для мужчины его возраста и состояния. Большинство книг представляют собой библиографическую редкость, многие старательно переплетены; также имеются старинные фолианты немалой ценности, их ему время от времени дарит отец.

Лучшие он сваливает в кучу на полу.

Книжная лавка мистера Макассора

В книжной лавке мистера Макассора присутствует что-то от личной библиотеки неметодичного ученого древних времен. Книги повсюду: на стенах, на полу, на предметах мебели, будто их ненадолго отложили из-за какой-то помехи и тут же об этом забыли. Первые издания и старинные иллюстрированные книги прячутся между сбор-

никами проповедей и томами «Синих книг»[23] в ожидании страстного искателя приключений. Мистер Макассор заботливо маскирует свои сокровища.

В данный момент некий пожилой мужчина увлеченно роется в куче пыльных томов, а мистер Макассор склоняется над столом, углубившись в трактат по алхимии. Тут спина книгоискателя выпрямляется: его любопытство вознаграждено, и он выныривает на свет, прижав к груди потрепанный, но, несомненно, подлинный экземпляр первого издания «Гидриотафии»[24]. Он спрашивает у мистера Макассора, сколько тот хочет за книгу. Мистер Макассор поправляет очки, стряхивает с жилета две крошки нюхательного табака и, подойдя с книгой к двери, рассматривает ее как в первый раз:

---

[23] Notes: 23

«Синие книги» (*англ.* Blue Books) — собрания дипломатических документов, парламентских стенограмм, докладов королевских комиссий, статистических отчетов или иных материалов, издаваемые правительством и разными парламентскими комиссиями; появились в XVII веке (первое упоминание о них относится к 1633 году), выпускались в синих бархатных переплетах, чему и обязаны своим названием.

[24] Notes: 24

«Гидриотафия» — имеется в виду книга британского врача, писателя, богослова сэра Томаса Брауна (1605–1682) «Hydriotaphia: погребение в урнах, или Рассуждение о погребальных урнах, недавно найденных в Норфолке, 1658», являющаяся первой частью так называемого парного трактата, вторая его часть — «Сад Кира».

— О да, восхитительный труд. Да-да, чудесный стиль, — и любовно переворачивает страницы. — «Большие станции мертвых» — как благородно звучит! — Он бросает взгляд на обложку и протирает ее рукавом. — Надо же, я и забыл, что у меня есть этот экземпляр. Когда-то он принадлежал Хорасу Уолполу[25], только какой-то шельмец, будь он неладен, украл экслибрис! Единственный оксфордский, между прочим, — геральдический, знаете ли. Ну что ж, сэр, раз уж вы нашли это сокровище, то, полагаю, вы вправе на него претендовать. Пять гиней — и книга ваша! Но мне тяжело с нею расставаться.

Покупатель — человек взыскательный. Найди он ту же самую книгу по убогому описанию в каталоге, то не дал бы за нее и половины запрошенной цены, учитывая ее нынешнее состояние, но азарт охотника и гордость обладания трофеем в гораздо большей степени притупили его чувство ценности, нежели все легенды о Земляничном холме[26]. С мистером Макассором

---

[25] Notes: 25

Уолпол Хорас (1717–1797) — английский писатель, основатель жанра готического романа.

[26] Notes: 26

Земляничный холм — название поместья Хораса Уолпола, в котором развивается действие его романа «Замок Отранто».

не поторгуешься, как с каким-нибудь простым торговцем с улицы Черинг-Кросс-роуд[27]. Покупатель платит и уходит победителем. Вот потому-то сын мистера Макассора и может позволить себе разводить цветы у себя в колледже Магдалины, а в сезон охотиться по два дня в неделю.

Выбравшись из груженного книгами такси, Адам входит в лавку. Мистер Макассор предлагает ему понюшку из черепаховой табакерки.

— ПЕЧАЛЬНОЕ ЭТО ДЕЛО, МИСТЕР ДУР, КОГДА ПРИХОДИТСЯ ПРОДАВАТЬ КНИГИ. ОЧЕНЬ ПЕЧАЛЬНОЕ. КАК сейчас ПОМНЮ, ПРИНОСИТ МНЕ МИСТЕР СТИВЕНСОН КНИГИ НА ПРОДАЖУ, И, ВЫ НЕ ПОВЕРИТЕ, МИСТЕР ДУР, В САМЫЙ ПОСЛЕДНИЙ МОМЕНТ, КОГДА ДЕЛО БЫЛО СЛАЖЕНО, СЕРДЦЕ ЕГО НЕ ВЫДЕРЖАЛО, И ОН ЗАБРАЛ ВСЕ КНИГИ НАЗАД. ВЕЛИКИЙ КНИГОЛЮБ МИСТЕР СТИВЕНСОН.

Мистер Макассор поправляет очки и с нежностью, но, будто одержимый любовным недугом, вампирски впиваясь в каждый изъян, осматривает книги Адама.

— НУ-С, МИСТЕР ДУР, И СКОЛЬКО ЖЕ ВЫ ЗА ЭТО

---

[27] Notes: 27

Улица *Черинг-Кросс-роуд* в центральной части Лондона известна множеством книжных магазинов, как специализированных, так и букинистических и антикварных.

ХОТИТЕ?

Адам идет ва-банк:

— СЕМНАДЦАТЬ ФУНТОВ.

Но мистер Макассор печально поводит головой.

Через пять минут Адам с десятью фунтами вылетает из лавки и садится в такси.

Паддингтонский вокзал

Адам в поезде на пути в Оксфорд; курит, глубоко засунув руки в карманы пальто.

— О ней думает.

Оксфорд

«УЗНАЛ ЛИ ТАЙНУ ТЫ ЕЕ О КНИГЕ, О ТРОЙНОЙ КОРОНЕ?»[28]

На заставке Книга, Тройная Корона и Бык, переходящий реку вброд[29].

Общий вид Оксфорда из поезда: водохрани-

---

[28] Notes: 28

Начальная строка стихотворения «Альма-матер» сэра Артура Томаса Квиллер-Куча (1863–1944), где упоминается эмблема Оксфорда, на которой изображены книга и три короны: «Know you her secret non can utter; hers of the book, of triple crown?»

[29] Notes: 29

Бычий (Воловий) брод — так переводится название университета Оксфорд.

лище, газовый завод и часть здания тюрьмы. Дождь.

Вокзал; два студента-индуса, потерявшие багаж. Устояв перед романтическими призывами нескольких симпатичных водителей кебов — одного даже в сером котелке, — Адам садится в фордовское такси. Вдали видны улицы Квинстрит и Хай-стрит, Башня Карфакс и читальный зал Бодлианской библиотеки Камера Рэдклиффа.

— *‘Мотри, Ада, собор Святого Павла!*

Кинг-Эдвард-стрит. Кеб останавливается, Адам выходит.

Кинг-Эдвард-стрит.

Комната лорда Бейсингстока

Убранство комнаты лорда Бейсингстока. На каминной полке — фотографии матери лорда Бейсингстока и двух его друзей, у всех те особенные безмятежно-глупые улыбки, что встречаются лишь у студентов выпускного курса Оксфорда, а после — только на фотографиях. Между фотографиями — несколько массивных стеклянных пресс-папье и пригласительных билетов.

На стенах — большие раскрашенные карикатуры Бэзила Хея, написанные им еще в Итоне,

гравюра начала девятнадцатого века с изображением дома лорда Бейсингстока, два незаконченных наброска Эрнеста Вогана к «Изнасилованию сабинянок» и валяная войлочная картина с изображением двух собак и кошки.

Лорд Бейсингсток, против всех ожиданий, не пьет, не играет, не трясется над своими сапогами для верховой езды — он корпит над составлением коллекционных описей для своего наставника.

Лист бумаги, на котором приятным детским почерком лорда Бейсингстока написано:

«БРЭДЛАФ В. ГОССЕТТ. ПО ИТОГАМ ЭТОЙ ЗНАМЕНАТЕЛЬНОЙ
ПРОВЕРКИ БЫЛО УСТАНОВЛЕНО, ЧТО В АНГЛИИ МАРШАЛЬСКИЙ ЗАКОН НЕИЗВЕСТЕН».

Он зачеркивает «маршальский», вписывает «военный», после чего сидит и страдальчески грызет ручку.

— Как мило, Адам! Я и не знал, что ты будешь в Оксфорде.

Они недолго беседуют.

— РИЧАРД, ПОУЖИНАЙ СО МНОЙ СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ. ТЫ ДОЛЖЕН. У МЕНЯ ПРОЩАЛЬНАЯ ВЕЧЕРИНКА.

Ричард бросает печальный взгляд на свою коллекционную опись и отрицательно качает

головой.

— Голубчик, никак не могу. К вечеру должен все закончить. Меня того и гляди отчислят.

Адам возвращается к такси.

Комната мистера Сейла в Мертоне[30]

Цветы, эстампы Медичи и продукция издательства «Нонсач-пресс»[31]. Мистер Сейл крутит на граммофоне «Послеполуденный отдых фавна»[32] для некой американской тетушки. Он не сможет поужинать с Адамом.

Комната мистера Генри Квеста в еще более мерзкой части Магдалины[33]

Мебель, обеспечиваемая колледжем, не

---

[30] Notes: 30

Мертон — один из колледжей в составе Оксфордского университета, основан в 1264 году лордом-канцлером Генриха III Уолтером де Мертоном.

[31] Notes: 31

«Нонсач-пресс» — частное издательство, популярное в 1920–1930 годы; основано в 1922 году в Лондоне Френсисом Мейнеллом, его второй женой Верой Мендель и их другом Дэвидом Гарнеттом, совладельцем книжного магазина Биррелла и Гарнетта в Сохо.

[32] Notes: 32

«Послеполуденный отдых фавна» — одноактный балет на музыку симфонической поэмы Клода Дебюсси, хореографом и главным исполнителем был Вацлав Нижинский, декорации и костюмы Леона Бакста.

[33] Notes: 33

Магдалина — имеется в виду колледж Святой Марии Магдалины в составе Оксфордского университета; основан в 1458 году Вильгельмом Уэйнфлетом.

слишком изменилась, разве что прибавилось несколько чудовищных подушек. Присутствуют фотографии Имоджен, леди Розмари и сына мистера Макассора, выигравшего кубок колледжа Магдалины в скачках с препятствиями. Мистер Генри Квест — секретарь Джей-си-ар[34], он только что напоил чаем двух первокурсников. Из-за убогой камеры его лицо выглядит почти черным и фактически образует патриотическую комбинацию с его буллингдонским галстуком[35], к тому же у него светлые усы.

Входит Адам и приглашает его поужинать. Генри Квест не одобряет друзей сестры; Адам не переносит брата Имоджен, но они всегда подчеркнуто вежливы друг с другом.

— ПРОСТИ, АДАМ, У НАС ТУТ СЕГОДНЯ

---

[34] Notes: 34

Джей-си-ар (J. C. R. — Journal Citation Reports) — издание, ежегодно публиковавшее отчеты о цитировании научных журналов; изначально являлось частью Индекса научного цитирования (S. C. I. — Science Citation Index). В настоящее время J. C. R. является самостоятельной услугой и базируется на цитатах, составленных из Science Citation Index Expanded и Social Science.

[35] Notes: 35

У членов буллингдонского клуба своя униформа: синий фрак с бархатным воротничком, шелковыми лацканами цвета слоновой кости, пуговицами с монограммой клуба и галстук ярко-голубого цвета.

ВЕЧЕРОМ ВСТРЕЧА С ЧАТЕМОМ[36]. ИНАЧЕ Я БЫ С ПРЕВЕЛИКИМ УДОВОЛЬСТВИЕМ. Оставайся, выкури сигарету, не хочешь? Ты не знаком с мистером Трейхерном и мистером Биккертон-Гиббсом?

Адаму нельзя задерживаться — его ждет такси.

Генри Квест извиняется перед господами Трейхерном и Биккертон-Гиббсом за вторжение Адама.

Комната мистера Эджертона-Вершойла в Пеквотере[37]

Мистер Эджертон-Вершойл кутит с друзьями. Адам пихает его ногой, тот оборачивается и говорит заплетающимся языком:

— Там еще есть, в буфете… штопор за этой, как ее… ну, ты знаешь… — и умолкает, не в состоянии связать двух слов.

---

[36] Notes: 36

Имеется в виду Чатем-Хаус (Chathem House), Королевский институт международных отношений; основан в 1920 году.

[37] Notes: 37

Пеквотер, иначе Пеквотер-Квод (Четырехугольник Пеквотера, сокращенно Пек), — одно из общежитий Оксфордского университета, расположенное на месте средневековой гостиницы, которой управляла семья Пеквотер.

Комната мистера Фернесса на соседней лестнице

Там пусто и темно. Мистер Фернесс отчислен.

Комната мистера Суизина Ланга на Бомонт-стрит[38]

Обстановка в бело-зеленых тонах. Акварели мистера Ланга с видами Уэмбли, Ментоны и Татча. Немного ценного фарфора и горы журналов. На каминной полке — цветной, украшенный орнаментом декантер с куантро и несколько бокалов с золотыми бусинками. Повсюду видны остатки чаепития, воздух тяжелый от сигаретного дыма.

Суизин, весь в сером, читает «Татлер»[39].

Входит Адам. Следует экспансивный обмен приветствиями.

— Адам, взгляни на эту фотографию Сибил Андерсон. Ухохочешься, правда?

Адам ее уже видел.

---

[38] Notes: 38

Бомонт-стрит — улица в центре Оксфорда, в западной части которой находится Вустерский колледж, основанный в 1714 году.

[39] Notes: 39

«Татлер» — британский журнал о моде и светской жизни, основан в 1901 году.

Некоторое время они сидят и разговаривают.

— Суизин, сегодня вечером ты должен пойти со мной поужинать… пожалуйста!

— Не могу, Адам. У Гэбриела вечеринка в Баллиоле[40]. Ты там не будешь? Ах да, ну конечно, ты же с ним не знаком. Он там с прошлого семестра — такая душка! И баснословно богат в придачу. А перед вечеринкой я даю в «Короне»[41] обед на несколько персон. Я бы предложил тебе присоединиться, но, если честно, не думаю, что мои гости тебе понравятся. Жаль. А как насчет завтра? Заходи завтра в «Тейм», там и отобедаем.

Адам отрицательно качает головой:

— Боюсь, меня тут уже не будет, — и уходит.

Часом позже

Адам, все так же в одиночестве, шагает по Хай-стрит в сторону центра. Дождь перестал, и мокрая дорога вся сияет от света фонарей. Рука Адама ощупывает в кармане пузырек с ядом.

И опять возникает видение африканской де-

---

[40] Notes: 40

Баллиол — колледж в составе Оксфордского университета, основан в 1263 году с благословления епископа Даремского Джона де Баллиола.

[41] Notes: 41

«Корона» — ресторан в Оксфорде неподалеку от колледжа Баллиол.

ревни с причитающими женами.

ЧАСЫ ЦЕРКВИ СВЯТОЙ ДЕВЫ МАРИИ БЬЮТ СЕМЬ ВЕЧЕРА.

Адам внезапно ускоряет шаг: у него возникла кое-какая идея.

Комната мистера Эрнеста Вогана

Его окно выходит на четырехугольный двор одного из наиболее уродских и наименее популярных колледжей на полпути от уборных до часовни. Жалюзи наполовину вылезли наружу, так что днем в комнате Эрнеста царит сумрак преисподней, а по ночам свет его лампы заливает весь двор, обнажая нутро непревзойденного беспутства. Суизин однажды заметил, что жилище Эрнеста, как и сам Эрнест, являет собой облачный столп днем и огненный — ночью[42]. На стенах ни одной картины, не считая незаконченного наброска сэра Вельзевула, требующего себе рому; но и этот набросок, пришпиленный туда еще до начала прошлого семестра, пообвис на углах; забрызганный вином и подпираемый несчетным

[42] Notes: 42

В библейском ветхозаветном повествовании форма дневного явления Бога или Его Ангела при исходе евреев из Египта, а в ночное время — в виде огненного столпа. Исх. 14: 19, Исх. 13: 21, 22, Исх. 33: 8–10, Исх. 4: 5.

количеством плеч, он стал покрываться почти такой же «патиной», что и стены. Надписи и рисунки Эрнеста, от почти вдохновенных карикатур до пустых или непристойных каракулей, свидетельствуют о разных стадиях его опьянения.

«Какой такой Бах? Впервые слышу. Э. В.», — бежит через дверь спальни полоска нестройных буковок, начертанных красным мелком.

«UT
EXULTAT IN COITU ELEPHAS, SIC RICARDUS»[43], — венчает мастерски выполненный портрет кроткого Ричарда Бейсингстока.

Над камином просматривается крупная композиция «Рождение королевы Виктории». На столе — разбитые бутылки, грязные стаканы и гранки с невнесенной корректурой; на углу каминной полки — изящный декантер, в котором разбитый стоппер заменен обычной пробкой. Эрнест сидит в хромом плетеном кресле и с неожиданной ловкостью прикрепляет перья к дротикам для дартса. Молодой коренастый крепыш с маленькими злыми глазками под красивым высоким

[43] Notes: 43

«Так возрадуется же слон половому акту, как Рикардо» — аллюзия на расхожее латинское выражение «Post coitum omne animal triste est sive gallus et mulier» («После соития всякая тварь печальна — кроме петуха и женщины»); выражение приписывается Галену из Пергама, также встречается у Кинси и Фрейда.

лбом. Его когда-то добротный твидовый костюм заляпан вином и краской, но все же хранит черты несомненной исключительности. Студентки-выпускницы довольно часто влюбляются в него в тех редких случаях, когда он приходит на лекции.

— *Большевик!*

Допустимая ошибка, но — ошибка. До исключения за просроченную уплату членских взносов Эрнест был заметной фигурой среди членов джентльменского Консервного клуба[44].

Адам входит в ворота колледжа Эрнеста, возле которых толкутся двое-трое юнцов, с отсутствующим видом разглядывая доску объявлений. Когда Адам проходит мимо них, они оборачиваются, бросая на него хмурые взгляды.

— Очередной дружок Вогана.

Теми же взглядами они провожают его через весь двор, до общежития Эрнеста.

Эрнест несколько удивлен визитом Адама, который в действительности никогда не проявлял к нему особо теплых чувств. Тем не менее он

---

[44] Notes: 44

Вероятно, имеется в виду джентльменский Консервный клуб, иначе Каннинг (*англ.* Canning Club), образован в 1911 году в Лондоне, был связан с британским бизнесом в Латинской Америке, что отражалось в его первоначальном названии — Аргентинский.

наливает гостю виски.

Полчаса спустя

Снова полил дождь. В колледже Эрнеста вот-вот подадут ужин, так что крытая галерея битком набита молодыми людьми в потрепанных мантиях, все тупо пялятся на доски объявлений. Тут и там один-другой кричаще яркий костюм с plus fours[45] возвещает о щедрости стипендиального фонда Родса[46]. Адам и Эрнест продираются сквозь толпу мужчин, неодобрительно шипящих им вслед, как крестьяне — вслед какому-нибудь проходящему черному магу.

— НЕ СТОИТ ТАЩИТЬ МЕНЯ НИ В КАКОЙ КЛУБ, ДУР, — БЕЗ ТОЛКУ, Я ДАВНО У НИХ У ВСЕХ В ЧЕРНЫХ СПИСКАХ.

— *Чего только не бывает — и это в Оксфорде!*

---

[45] Notes: 45
Бриджи *(фр.)*.

[46] Notes: 46
Фонд Родса (Rhodes Trust) — образовательно-благотворительный фонд, учрежденный в 1902 году по завещанию алмазного магната Сесила Джона Родса (1853–1902) для обучения в Оксфорде студентов из Британской империи, США и Германии, а в дальнейшем и из других стран.

Час спустя. В «Короне»

Адам и Эрнест еще только завершают ужин, но оба обнаруживают признаки интоксикации.

Обеденный зал в «Короне» имеет мало сходства с эпикурейской мечтой Адама. От стен, претенциозно расписанных видами Оксфорда, гулко отдается грохот грязной посуды. Званый обед Суизина только что закончился, гости разошлись, оставив помещение неизмеримо более тихим. Те три женщины, что до последнего момента разыгрывали в уголке подборку из Гилберта и Салливана[47], закончили работу и сели поужинать. Какой-то студент-выпускник, очень широким жестом подписавший счет, полемизирует с управляющим. За соседним с Адамом столиком расположились трое молодых людей с намотанными на шеи мантиями и заказали кофе и булочки со сливками; в ожидании они обсуждают профсоюзные выборы.

Адам заказывает очередную порцию двойного виски.

---

[47] Notes: 47

Уильям Гилберт (1836–1911) и *Артур Салливан* (1842–1900) — творческий дуэт либреттиста и композитора, создавших 14 комических опер (оперетт) с элементами абсурда.

Эрнест настаивает на том, чтобы послать бутылку джина компании за соседним столом. Те отвергают ее с явным отвращением и вскоре поднимаются и уходят.

Адам заказывает еще одну порцию двойного виски.

Эрнест начинает набрасывать на скатерти портрет Адама.

Он дает ему название «Le vin triste»[48], и по мере продолжения ужина Адам и в самом деле становится все грустнее и грустнее, тогда как гость его еще больше развеселился. Он, как заведенный, выпивает и заказывает, выпивает и заказывает.

В конце концов они, изрядно шатаясь, поднимаются на выход.

С этого момента фильм превращается в последовательность обрывочных сцен, разбросанных среди сотен футов абракадабры.

— Опять все как-то странно, Ада. Считаешь, так и задумано?

Публичный дом в трущобах. Адам прислоняется к небольшому диванчику и оплачивает бессчетное количество пинт пива для толпищ оборванцев. Эрнест поглощен жаркой перепал-

---

[48] Notes: 48
«Грустное вино» *(фр.)*.

кой о контроле рождаемости с нищим, которого он только что обыграл в дартс.

Еще один публичный дом: Эрнест, осаждаемый двумя сводниками, яростно сопротивляется, отговариваясь тем, что у него нестандартные вкусы.

Адам обнаруживает в кармане бутылку джина и пытается подарить ее какому-то мужчине, вмешивается его жена, в итоге бутылка падает на пол и разбивается.

Адам и Эрнест в такси; они ездят от колледжа к колледжу, но их никуда не пускают. Затемнение.

ВЕЧЕРИНКА ГЭБРИЕЛА в Баллиоле пользуется грандиозным успехом. Приличное общество, люди в основном непьющие. Есть шампанское, декантеры с виски и бренди, но большинство гостей Гэбриела предпочитают танцы. Другие сидят поодаль и разговаривают. Квартира большая, хорошо обставленная, создается впечатление живописности и удобства. Есть гости в маскарадных костюмах: одна королева Виктория, одна

сапфистка[49] и два генерала Гордона[50]. Актер музкомедии, который остается у Гэбриела на уик-энд, стоит возле граммофона и перебирает пластинки; приглашенный в качестве почетного гостя, он умирает от скуки.

Генри Квест сбежал со встречи с институтом Чатема и теперь, попивая виски и посматривая на всех неодобрительным взглядом, пересказывает новости о последних дипломатических назначениях. Лорд Бейсингсток поддерживает с ним разговор, так как его мысли все еще заняты Конституцией Австралийского Содружества. Суизин распускает хвост перед почетным гостем, стараясь вызвать его восхищение. Мистер Эджертон-Вершойл сидит совсем бледный, жалуясь на озноб.

Входит мистер Сейл из колледжа Мертона.

— ГЭБРИЕЛ, ТЫ ТОЛЬКО ПОСМОТРИ, КОГО Я ОБНАРУЖИЛ ВО ДВОРЕ! МОЖНО Я ПРИВЕДУ ЕГО К НАМ?

---

[49] Notes: 49

Последовательница Сафо (Сапфо), лесбиянка.

[50] Notes: 50

Генерал Гордон — имеется в виду Патрик Леопольд Гордон Охлурисский (1635–1699, в России известен как Петр (Патрик) Иванович Гордон), выдающийся шотландский и российский военачальник, генерал (1687) и контр-адмирал (1694) русской службы; основал в Москве первый в России постоянный католический храм.

Он втаскивает Адама в комнату, тот стоит с разбитой бутылкой джина в руке, тупо озираясь вокруг.

Кто-то наливает ему бокал шампанского.

Вечеринка продолжается.

За окном чей-то голос ревет: «АДАМ!» — и в дверь вдруг врывается вдребезги пьяный Эрнест. Волосы взъерошены, взгляд остекленелый, лицо и шея багровые и сальные. Он бухается в кресло и впадает в ступор; кто-то дает ему выпить, он машинально берет бокал и проливает вино на ковер, продолжая смотреть прямо перед собой.

— АДАМ, ЭТО ЧТО, ТВОЙ ДРУГ? НЕВОЗМОЖНЫЙ ТИП,
УВЕДИ ЕГО, А ТО ГЭБРИЕЛ ДИКО РАЗОЗЛИТСЯ.

— ЭТО ЧУДЕСНЕЙШИЙ ЧЕЛОВЕК, ГЕНРИ. ПРОСТО ТЫ ЕГО НЕ ЗНАЕШЬ. ПОЙДЕМ ПОГОВОРИМ С НИМ.

И Генри, к его вящему отвращению, ведут через зал и представляют Эрнесту. Сначала Эрнест вроде бы ничего не слышит, но потом медленно поднимает взгляд, пока тот не упирается в Генри; еще одно усилие — и он начинает соображать, чего от него хотят.

— КВЕСТ? КАКОЙ-ТО РОДИЧ БАБЫ АДАМА?

Назревает скандал. Его-то и не хватало для

пущей унылости этого вечера — написано на лице актера музкомедии. Генри весь презрение и негодование.

— ИМОДЖЕН КВЕСТ — МОЯ СЕСТРА, ЕСЛИ ВЫ ЭТО ИМЕЕТЕ В ВИДУ. КТО ВЫ ТАКОЙ, ЧЕРТ ПОДЕРИ, И НА ЧТО НАМЕКАЕТЕ, ГОВОРЯ О НЕЙ В ТАКОМ ТОНЕ?

Гэбриел бестолково мечется на заднем плане.

— Уймись, Генри, ты что, не видишь, что этот обормот вдрызг пьян? — примирительно вступает Ричард Бейсингсток.

Суизин просит Адама увести Эрнеста. Все крайне взбудоражены.

Но Эрнест по-своему избавляет всех от лишних треволнений:

— ЗНАЕТЕ, МЕНЯ, КАЖЕТСЯ, СЕЙЧАС СТОШНИТ.

И беспрепятственно, с безупречным достоинством проделывает путь во двор. Из граммофона льется «Всем по нраву моя крошка». Затемнение.

Либеральная ассоциация Оксфорд-сити.

Танцы в ратуше

Билеты продают при входе, цена — полтора шиллинга.

На верхнем этаже стол с кувшином лимонада и тарелками со сливовым пирогом. В главном зале играет оркестр, под который танцуют молодые либералы. Одна из официанток «Короны» сидит возле двери, обмахиваясь носовым платком.

Эрнест с сияющей улыбкой медленно обходит помещение, предлагая сидящим поодаль парочкам сливовый пирог. Одни хихикают и берут, другие хихикают и отказываются, третьи отказываются, состроив мину чрезвычайного высокомерия.

Адам прислоняется к дверному косяку и наблюдает за Эрнестом.

Крупный план: на лице Адама все то же выражение беспросветного страдания, которое было у него в такси прошлой ночью.

Le vin triste

Эрнест пригласил на танец официантку из «Короны». Неосмотрительно с его стороны: все еще пребывая в приподнятом настроении, он сталкивается с несколькими парами, теряет устойчивость, оступается и давно бы повалился на пол, если бы не партнерша. Церемониймейстер в вечернем костюме просит Адама увести Эрнеста.

Широкая каменная лестница.

Возле ратуши припарковано несколько машин. Эрнест забирается в первую попавшуюся — дряхлый «форд» — и включает зажигание. Адам пытается его остановить. Подбегает полисмен. Колеса вывернуты, рывок — и автомобиль снимается с места.

Полисмен свистит в свисток.

На полпути до конца улицы Сент-Олдейтс автомобиль натыкается на поребрик и, вылетев на тротуар, врезается в витрину магазина. Со всех сторон стекаются обитатели Сент-Олдейтс; в каждом окне маячат силуэты любопытствующих; прибывают полицейские. Толпа отступает, давая дорогу тем, кто выносит что-то непонятное.

Адам отворачивается и бесцельно бредет в сторону Карфакса.

Часы церкви Святой Девы Марии бьют полночь.

Снова пошел дождь.

Адам один.

Спустя полчаса. Спальня в отеле

Адам в полной амуниции лежит ничком поперек постели. Переворачивается и садится. И снова видение туземной деревни: дикарь дотащился

до самого края джунглей. Спина его лоснится на вечернем солнце. Из последних сил он поднимается на ноги, быстрым нетвердым шагом доходит до первых кустов и вскоре пропадает из виду.

Адам приводит себя в устойчивое положение возле изножья кровати, подходит к туалетному столику и, наклонясь над ним, долго разглядывает свое отражение в зеркале.

Затем подходит к окну и всматривается в дождь.

Наконец достает из кармана синий пузырек, откупоривает его, нюхает и без дальнейших колебаний выпивает содержимое. Кривится от горечи и на мгновение замирает в нерешительности. Затем, повинуясь какому-то странному инстинкту, выключает свет и, свернувшись калачиком, закутывается в покрывало.

Дикарь неподвижно лежит у подножия низкого баньяна[51]. На плечо его садится большая муха; на ветке над ним расположились два стервятника, выжидают. Тропическое солнце движется к закату, и в краткие минуты сумерек животные

---

[51] Notes: 51

Баньян, или бенгальский фикус, — дерево семейства тутовых с многочисленными воздушными корнями, произрастает в Индии, Бангладеш и Шри-Ланке. В переводе означает «дерево просветления», бодхи; используется в буддийском религиозном культе.

начинают рыскать в поисках утоления непристойных прихотей плоти. Вскоре становится совсем темно.

В ночи вспыхивает фотография его величества короля в морской форме.

Боже, храни короля

Кинотеатр быстро пустеет.

Молодой человек из Кембриджа отправляется в ресторан «Оденино» пропустить кружку «Пильзенского».

Ада и Глэдис проходят сквозь ливрейный строй обслуживающего персонала.

Глэдис, наверное, раз в пятидесятый за вечер произносит свою коронную фразу: «Ладно, бу'ем считать, что он легкий».

— *'От бы она больше не приходила!*

Снаружи толпа народу, все хотят ехать в Эрлс-Корт. Ада и Глэдис мужественно сражаются за возможность пробиться в автобус и в итоге обеспечивают себе места на втором этаже.

— *Ты! Куда прешь? 'Мотреть надо!*

Добравшись до дому, они, разумеется, выпьют перед сном какао, а может, съедят и по кусочку хлеба с баночным селедочным паштетом. В целом вечер был не ахти, сплошное разочарование. Но

в кино, как говорит Ада, приходится принимать и добро, и зло.

Глядишь, на следующей неделе покажут что-нибудь повеселее.

С Ларри Семоном[52], к примеру, или Бастером Китоном — ну, вдруг?

Заключение

I

Чай остывал на тумбочке для ночного горшка. Адам Дур лежал, уставившись в пустоту.

Вчерашнего дождя как не бывало, и маленькую спаленку заливало солнце, озаряя ее приветливыми, но не приветствуемыми лучами. С площадки под окном доносилось назойливое тарахтение автозапуска, безуспешно пытавшегося реанимировать холодный двигатель. В остальном все было спокойно.

Он мыслил — следовательно, существовал[53].

---

[52] Notes: 52

Ларри Семон (1889–1928) — американский комедийный актер, режиссер, продюсер, сценарист в эпоху немого кино.

[53] Notes: 53

Парафраз афоризма Декарта «Je pence, donc je suis» («Рассуждение о методе», 1637), больше известный в переводе на латынь: «Cogito, ergo sum» — «Мыслю, следовательно, существую».

Из гнетущего множества настигших его болезней и груза беспорядочных воспоминаний одно лишь это суждение навязывало себя с опустошительным упорством. Каждый из проступающих образов выдвигал очередное доказательство его существования; в полной амуниции, он всем телом вытянулся под покрывалом и с непостижимым отчаянием уставился в потолок, тогда как его воспоминания о предыдущем вечере — об Эрнесте Вогане с раздувшейся шеей и немигающим взглядом, о трущобном баре и алчных физиономиях парочки тамошних сводников, о ханжески покрасневшем Генри, о продавщицах в шелковых блузках, угощавшихся сливовым пирогом, о помятом «форде» в разбитой витрине — боролись за приоритет в его пробуждающемся сознании, пока не расположились в довольно стройном хронологическом порядке, хотя последним неизменно оставался синий пузырек — плюс ощущение грубо сорванного финального акта. В данный момент пузырек стоял на туалетном столике, пустой, лишенный того, что давало полномочия отсрочить исполнение смертного приговора, чай же остывал на тумбочке для ночного горшка.

После всех хаотичных впечатлений, которые

так болезненно и неуклюже старался упорядочить Адам, на удивление четко проступили последние минуты перед тем, как он выключил свет. Он видел безутешное белое лицо, смотревшее на него из зеркала; он ощущал горько-соленый вкус яда на спинке языка. А потом, когда призрак этого вкуса начал главенствовать в поле его сознания, внезапно, будто прорвав некий заградительный барьер, нахлынуло еще одно воспоминание, смывая мощной волной все прочие. Он вспомнил, словно в каком-то кошмаре, отдаленно и в то же время бесконечно ясно, как просыпается во тьме, ощущая в сердце холод смерти; он встал с постели, доковылял до окна и высунулся наружу, подставив лицо прохладным флюидам ночного воздуха и слушая, как ровная монотонность дождя забивает барабанную дробь крови, пульсирующей у него в голове. Мало-помалу, пока он, сам не зная, как долго, стоял там не шелохнувшись, к горлу подкатила тошнота; он отогнал ее усилием воли, но она вернулась вновь; опьяненный разум ослабил сопротивление: Адам, напрочь забыв о цели и отбросив сдержанность, всем существом отдался порыву, и его вытошнило прямо во двор под окном.

Чай медленно и неощутимо остывал на тум-

бочке для ночного горшка.

II

В незапамятные времена извечного детства Адама утомленный игрой с ним Озимандия[54] запрыгнул на шкаф для игрушек. Это была странная игра и для него самого, и для Озимандии, игра в охоту, которую Адам сам придумал и в которую играл лишь в тех редких случаях, когда оставался один. Сначала Озимандию надо было искать по всем комнатам, переходя из одной в другую, а найдя — отнести в детскую и запереть. Адам наблюдал за ним несколько минут, пока тот расхаживал по полу и обследовал комнату кончиком хвоста, всем своим видом выражая безмерное отвращение к европейской цивилизации. Затем, вооружившись ружьем, мечом, ракеткой или горстью метательных кубиков и испуская садистские вопли, Адам круг за кругом гонялся за

---

[54] Notes: 54

Озимандия — греческая версия тронного имени фараона Рамсеса II — Усермаатра, чья статуя в виде фрагмента головы и торса (XIII век до н. э.) была в 1816 году приобретена Британским музеем. В английский литературный обиход Озимандия вошел благодаря одноименному сонету Перси Биши Шелли, опубликованному 11 января 1818 года в еженедельной газете «Экзаминер». «Я Озимандия, я царь царей!» Основная тема сонета Шелли — забвение, которое грозит всем историческим событиям и личностям, даже царям царей.

Озимандией по комнате, выдворяя его из одного укрытия за другим, пока тот, ошалев от ярости и страха, не приседал по-звериному, прижав уши к голове и ощетинившись, как дикобраз. Тут Адам обычно успокаивался, а после небольшой передышки игра превращалась в настоящую профессиональную охоту. Озимандию предстояло заново покорить ради любви и собственного удовлетворения. Адам то садился на пол невдалеке от него и с подкупающей нежностью начинал его подманивать. То ложился на живот, приблизив лицо к Озимандии, насколько тот позволит, и шепотом расточал щедрые похвалы его красоте и грации, по-матерински успокаивал, бранил некоего вымышленного мучителя, уверяя, что тот уже никогда не сможет причинить ему боль: Адам его защитит, Адам проследит, чтобы тот гадкий мальчишка больше близко к нему не подошел. Постепенно ушки Озимандии начинали клониться вперед, глазки закрывались, и ритуал подольщения неизменно заканчивался ласками жаркого примирения.

Но в тот памятный вечер Озимандия играть не захотел и, как только Адам внес его в детскую, расположился в недоступном святилище — на высоком шкафу для игрушек. Он сидел в пыли

среди сломанных паровозиков, домиков и лошадок, а мальчик, не отступая от своей цели, все звал и звал его, с печальным видом сидя на полу. Но Адама не так-то легко было сломить в его семь лет, и вскоре он начал двигать к шкафу детский столик. Придвинув столик, он водрузил на него солдатский сундук, а на сундук поставил стул. Места было мало, Адам крутил стул и так и сяк, но все четыре ножки на сундуке не помещались, тогда, удовлетворившись неустойчивым равновесием, он взгромоздился на него, балансируя на трех. Когда его руки находились в какой-то паре дюймов от мягкой шерстки Озимандии, он, опрометчиво ступив на безопорную часть стула, сверзился вместе с ним сначала на стол, а со стола — с грохотом и криком на пол.

Адам был слишком хорошо воспитан, чтобы жить воспоминаниями о своем дошкольном детстве, но этот инцидент засел в его памяти и с годами всплывал все яснее и ярче, будучи первым случаем осознания боли как субъективной реальности. До этого жизнь его была так надежно ограничена предупреждениями об опасности, что на тот момент казалось немыслимым, чтобы он смог так легко прорваться в сферу допустимости телесного повреждения. Это и в самом деле

казалось настолько несовместимым со всем предшествующим опытом, что потребовался весьма ощутимый период времени, чтобы Адам смог убедиться в непрерывности своего существования; но благодаря богатству гебраических и средневековых образов, в которых символически отображалась жизнь вне тела, он в тот момент мог с легкостью поверить в свое собственное физическое угасание и в нереальность всех окружающих его физических объектов. Позднее он научился воспринимать эти периоды между своим падением и пугающим пришествием помощи снизу как первые порывы к борьбе за обособление, в которой он потерпел поражение, что не без почти безумного усилия окончательно признал в спальне оксфордского отеля.

Первая фаза обособления прошла, и наступила фаза методичного исследования. Почти одновременно с принятием своего непрерывного существования пришло понимание боли — поначалу смутное, как исполняемая кем-то мелодия, которую его органы чувств воспринимали приступообразно, — но постепенно оформлявшееся вокруг него в виде осязаемых, реально приобретенных предметов, пока наконец не возникло как конкретная вещь, внешняя, но внутренне с

ним связанная.

Подобно тому как сгоняют ложкой шарики ртути, Адам гонял боль по стенам своего сознания, пока наконец не загнал в тот угол, где мог исследовать ее на досуге. Продолжая неподвижно лежать с момента падения, обхватив руками и ногами деревянные ножки стула, Адам сумел сосредоточить внимание на каждой части своего тела по очереди, исключить хаотичные ощущения, вызванные падением, и отследить по вибрирующим каналам некоторые компоненты болевых импульсов до их источников в местах физических повреждений. Процесс был почти завершен, когда появление няни позволило мальчику залиться слезами и разорвало все его запутанные логические цепочки.

И вот в каком-то таком расположении духа Адам примерно час спустя после пробуждения шагал по бечевнику[55] прочь из Оксфорда. Он был в той же одежде, в которой заснул, но в состоянии интеллектуальной взъерошенности его мало волновало, как он выглядит. Все витавшие вокруг него призраки начинали рассеиваться, уступая место более четким образам. Он позав-

[55] Notes: 55

Бечевник — сухопутная дорога вдоль берега реки или канала, предназначенная для буксирования людьми (бурлаками) или лошадьми.

тракал в мире фантомов, в огромном зале, полном недоумевающих глаз, гротескно выпирающих из монструозных голов, нависших над дымящейся овсянкой; марионеточные официанты совершали вокруг него пируэты неуклюжими жестами. Вся эта макабрическая пляска призраков кружилась и мельтешила вокруг него, и, лавируя между ними внутри и снаружи, Адам набрел на свой путь, осознавая одну лишь насущную потребность, просочившуюся к нему из внешнего мира, — срочно сбежать со сцены, на которой разыгрывалась бестелесная арлекинада, в третье измерение за ее пределами.

И за то время, что он шел вдоль реки, очертания рисунка то проступали, то снова исчезали, а призраки минувшей ночи то разлетались, то сбивались в кучу, то выстраивались в перспективу, и Адам точно так же, как ребенком в детской, начал чувствовать свои синяки.

Где-то среди красных крыш за рекой вразнобой звонили колокола.

Двое мужчин сидели на берегу и удили рыбу. Они с любопытством глянули на него и вновь сосредоточили внимание на своей пустой забаве.

Мимо прошествовала маленькая девчушка, в фрейдианском экстазе посасывая большой

палец.

Через некоторое время Адам сошел с тропинки, улегся под насыпью и милостью Божьей заснул.

III

Сон не был ни долгим, ни непрерывным, но после него Адам ощутил прилив сил и, немного переждав, снова пустился в путь.

На белом пешеходном мостике он притормозил и, разжигая трубку, посмотрел вниз, на свое преломленное рябью отражение. По нему со спенсерианской[56] грацией величаво проплыл большой лебедь, а когда расплескавшиеся фрагменты отражения Адама стали вновь собираться в единый образ, казавшийся особенно гротескным на фоне безукоризненного совершенства птицы, он, сам того не замечая, заговорил вслух:

— Ну вот, в итоге ты опять стоишь на пороге новой жизни.

С этими словами он достал из кармана конверт, адресованный Имоджен, и разорвал его на мелкие кусочки. Будто стая раненых птиц, они

---

[56] Notes: 56

Герберт Спенсер (1820–1903) — английский философ и социолог, один из основателей эволюционизма, идеолог либерализма. По Спенсеру, жизнь есть непрерывный процесс перехода от гомогенного состояния к гетерогенному и от гетерогенного к гомогенному.

кувыркались и планировали в воздухе, пока, достигнув поверхности воды, не были захвачены течением и не скрылись из виду за поворотом реки, унесенные в сторону города, только что покинутого Адамом.

Отражение отвечало:

«Да, пожалуй, это было недурно. В конце концов, imperatrix[57] ведь не самый удачный эпитет для Имоджен — и, кстати, ты уверен, что она понимает латынь? А ну как ей взбрело бы в голову попросить Генри перевести это для нее?

Но ответь, не значит ли этот живописный жест, что ты решил жить дальше? Вчера ты вроде был так бесповоротно настроен на моментальную смерть — даже поверить трудно, что ты способен передумать».

АДАМ: Мне трудно поверить, что это я вчера был так бесповоротно настроен. Я не в состоянии это объяснить, но у меня такое впечатление, будто существо, которое выживает — и, должен признать, с величайшей ясностью в памяти, — родилось во сне, пило и умерло во сне.

ОТРАЖЕНИЕ: Любило тоже во сне?

АДАМ: А вот тут ты меня ущучил, ибо, как мне

---

[57] Notes: 57
Императрица *(лат.)*.

кажется, одна лишь его любовь имеет что-то общее с реальностью. Но, возможно, я просто пасую перед насыщенностью и глубиной памяти. Да, пожалуй, так и есть. Потому что остатки того существа не более материальны, чем ты — отражение, распавшееся из-за проплывшей мимо птицы.

ОТРАЖЕНИЕ: Это печальное заключение, так как я боюсь, что ты пытаешься отбросить — как тень — существо, столь же реальное во всех отношениях, как ты сам. Но в твоем нынешнем настроении было бы бесполезно тебя убеждать. Скажи лучше, что за тайну ты узнал, заснув там, в траве?

АДАМ: Да не узнал я никакой тайны — просто чуть-чуть восстановил силы.

ОТРАЖЕНИЕ: Разве так просто расшатать равновесие между жизнью и смертью?

АДАМ: Это равновесие между инстинктивной потребностью и причиной. Причина остается постоянной, потребности — меняются.

ОТРАЖЕНИЕ: То есть потребности в смерти не существует?

АДАМ: Той, которую нельзя было бы утолить сном, переменой или банально переждав время, — нет.

ОТРАЖЕНИЕ: А в другом масштабе нет причины?

АДАМ: Нет. Ни в каком.

ОТРАЖЕНИЕ: Ни честь быть замеченным друзьями? Ни та степень взаимопроникновения, когда невозможно уйти из жизни, не прихватив с собой того, что является частью другого?

АДАМ: Нет.

ОТРАЖЕНИЕ: А твое искусство?

АДАМ: Все та же потребность в жизни — сохранить в очертаниях вещей личность, распад которой ты неизбежно предвидишь.

ОТРАЖЕНИЕ: Значит, в этом и состоит равновесие — и в конечном счете все решает обстоятельство.

АДАМ: Да, в конечном счете — обстоятельство.

Продолжение

Все они на один день приехали в Татч, вдевятером: трое — в «моррисе» Генри Квеста, остальные — в огромной старой колымаге, принадлежащей Ричарду Бейсингстоку. Миссис Хей ждала только Генри Квеста и Суизина, однако она милостиво взмахнула пухлой ручкой — и слуги занялись поисками съестного для остальных. Так приятно жить недалеко от Оксфорда, да и друзья Бэзила

явно очарованы этим городком, пусть даже иногда ведут себя странновато. Все они так тараторят, что ей трудно бывает уследить за ходом разговора, к тому же они никогда не заканчивают фразы, впрочем, это и не важно, потому что они вечно говорят о людях, которых она не знает. Милые мальчики, на самом деле они вовсе не такие грубые, какими кажутся, — они так хорошо воспитаны, и так приятно видеть, что они чувствуют себя здесь совсем как дома. О ком это они?

— Нет, Имоджен, он и правда становится совершенно невыносимым.

— Тебе не передать, на кого он был похож позавчера вечером.

— В тот самый день, когда ты сюда приехала.

— Гэбриел устраивал званый вечер.

— А он с Гэбриелом не знаком и приглашен не был.

— Очень он нужен Гэбриелу! Правда, Гэбриел?

— Потому что никогда не знаешь, что он может отмочить.

— Еще и притащил с собой это чудовище.

— К тому же в стельку пьяного!

— Это Эрнест Воган, ты вряд ли с ним знакома. Мерзейший тип! Гэбриел был с ним безупречно любезен.

Прелестные мальчики, так молоды, так нетерпимы.

И все же, если им так хочется курить между переменами блюд, могли бы и поаккуратнее с пеплом. Тот смугленький мальчик напротив (Бэзил вечно забывал представить ей своих друзей) того и гляди сожжет стол.

— Эдвард, подай тому джентльмену рядом с лордом Бейсингстоком еще одну пепельницу.

О чем же они говорили?

— Знаешь, Генри, я думаю, это было довольно глупо с твоей стороны. Какое мне дело до того, что обо мне говорит какой-то пьяный забулдыга?

Какой милой девочкой была Имоджен Квест! Не чета ее отцу, гораздо проще. Миссис Хей всегда побаивалась отца Имоджен. И начала подозревать, что и Генри в него пошел. До чего же она обворожительна сейчас. И почему, интересно, все мальчики не влюблены в нее? То ли дело миссис Хей в молодости — все были от нее без ума. Что-то ни один из друзей Бэзила не отличается «матримониальными наклонностями». Вот бы Бэзил женился на ком-нибудь вроде Имоджен Квест…

— Хотя знаете, мне кажется, я все-таки знакома с Эрнестом Воганом. Или, по крайней мере, кто-то мне однажды его показывал. Не ты ли, Суизин?

— Да, я. Ты еще сказала, что, на твой взгляд, он весьма привлекателен.

— Имоджен!

— Боже правый!

— Но я и правда так думаю. Это не тот грязный коротышка с огромной шевелюрой?

— Вечно вдрызг.

— Да, я помню. По-моему, он совершенно очарователен. Я хочу познакомиться с ним подобающим образом.

— Окстись, Имоджен! Он и правда ужасен, даже чересчур.

— Не его ли это картины в квартире у Ричарда? Ричард, пригласишь меня как-нибудь, чтобы нас с ним познакомить?

— Нет, Имоджен, я точно не смогу.

— Тогда пусть кто-нибудь другой… Давай ты, Гэбриел, ну пожалуйста! Я настоятельно требую нас познакомить.

Милые детки, такие юные, такие шикарные.

— Нет, по-моему, это полное свинство с вашей стороны. Но я все равно с ним увижусь. Попрошу Адама, он все устроит.

Стол был прожжен.

— Я думаю, Эдвард, погода вполне подходящая для того, чтобы выпить кофе на свежем воздухе.

Перевод Л. Житковой

Благородное семейство

I

В Ванбург я прибыл без пяти час. Дождь к этому времени разошелся, и на мрачном станционном дворе было пусто, не считая бесхозного, с виду насквозь продуваемого такси. Нет бы выслать за мной машину.

Далеко ли до Стейла? Около трех миль, ответил билетный контролер. В какой части Стейла меня могут ждать? У герцога? Тогда это через всю деревню и еще с добрую милю в сторону.

И в самом деле могли бы выслать машину.

Без особого труда я нашел водителя такси, угрюмого цинготного молодого человека, который вполне мог сойти за отпетого забияку из какой-нибудь давно забытой школьной истории. До некоторой степени утешала мысль, что он промокнет больше, чем я. Гнал парень зверски.

Миновав перекресток в Стейле, мы, по всей видимости, уткнулись в нечто похожее на ограду парка: бесконечная полуразрушенная стена тянулась мимо закутков и излучин с голыми деревьями, с которых на прокопченную каменную

кладку стекала вода. Наконец в стене обнаружился проем со сторожками и воротами — четырьмя воротами и тремя сторожками, а сквозь чугунную решетку виднелась убегающая вдаль неухоженная подъездная аллея.

Но ворота были закрыты и заперты на висячий замок, а большая часть окон в сторожках — разбиты.

— Там дальше еще несколько ворот, — пояснил школьный забияка, — а за ними еще, и за теми тоже. Должны же они, наверное, иногда как-то входить и выходить.

Наконец мы обнаружили белые деревянные ворота и проселочную дорогу, петлявшую между хозяйственными постройками и выходившую к главной подъездной аллее. Территория парка была с обеих сторон обнесена оградой и, судя по всему, отведена под пастбища. Одна грязнющая овца забрела на дорогу и при нашем приближении встревоженно заковыляла прочь, то и дело поглядывая из-за плеча в нашу сторону и снова отбегая, пока мы ее не обогнали. Показался последний из всех домов, вольготно раскинувшийся во все стороны.

Парень истребовал за доставку восемь шиллингов. Я расплатился и позвонил в колокольчик.

После некоторой проволочки дверь мне открыл какой-то старик.

— Мистер Воган, — назвал я себя. — Кажется, его светлость ожидает меня к обеду.

— Да, милости прошу, заходите, — сказал старик, а когда я протянул ему шляпу, добавил: — Я и есть герцог Ванбург. Надеюсь, вы простите мне, что я сам открываю вам дверь. Дворецкому сегодня нездоровится, он в постели — зимой его мучают жуткие боли в спине, а оба лакея убиты на войне.

Убиты на войне… — эти слова беспрестанно крутились у меня в голове все следующие несколько часов и много дней после. Опустошающее, давно прошедшее время спустя, по меньшей мере лет десять, а может, и больше… Мисс Стайн и протяженное настоящее; герцог Ванбург и протяженное давно прошедшее в страдательном залоге…

Я не был готов оказаться в комнате, в которую он меня привел. До этого я лишь однажды, двенадцати лет от роду, побывал в герцогском доме, и, помимо фруктового сада, моим главным воспоминанием о том визите стало воспоминание о нестерпимом холоде и о том, как я бежал наверх по бесконечным коридорам за матушкиной ме-

ховой пелериной, которую она накидывала на плечи после ужина. Правда, это происходило в Шотландии, и все же я оказался совершенно не готов к опаляющему жару, обдавшему нас, когда герцог отворил дверь. Двойные окна наглухо закрыты, а в угольном камине за круглой викторианской решеткой ярко полыхал огонь. Воздух был тяжелый от запаха хризантем, на каминной полке стояли позолоченные часы под стеклянным колпаком, а в комнате повсюду маленькие застывшие ассамбляжи[58] китайского фарфора и всяких безделушек. Такую комнату можно обнаружить в здании «Ланкастер-Гейт» или в отеле «Элм-Парк-Гарденс»[59], где вдова какого-нибудь провинциального рыцаря доживает свой век среди верных слуг. Перед огнем сидела старая леди и ела яблоко.

— Дорогая, это мистер Воган, тот самый, который повезет Стейла за границу, — моя сестра, леди Эмили. Мистер Воган только что приехал на

---

[58] Notes: 58

Ассамбляж — техника визуального искусства, родственного коллажу, но использующая объемные предметы, скомпонованные на плоскости в виде картины.

[59] Notes: 59

Ланкастер-Гейт — здание середины XIX века в районе Бейсуотер в центре Лондона; *Элм-Парк-Гарденс* — общественный парк и отель в центре Лондона.

моторе из Лондона.

— Нет, я приехал на поезде, в 12:55, — поправил я.

— Это не слишком дорого? — спросила леди Эмили.

Здесь мне, пожалуй, следует объяснить причину моего визита. Как уже было сказано, я вовсе не имею обыкновения вращаться в этих великосветских кругах, но у меня есть крестная, а она дама весьма благородная и спорадически проявляет интерес к моим делам. Я как раз вернулся из Оксфорда и едва сводил концы с концами, когда она вдруг узнала, что герцог Ванбург ищет гувернера для сопровождения в поездке за границу своего внука и наследника маркиза Стейла, юноши восемнадцати лет. Перспектива провести таким образом следующие шесть месяцев показалась довольно сносной, и, соответственно, все было устроено. Сюда я прибыл, чтобы забрать своего подопечного и на следующий день выдвинуться с ним на континент.

— Вы говорили мне, что приедете поездом? — спросил герцог.

— Да, в 12:55.

— Но вы же сказали, что ехали на моторе.

— Нет, я никак не мог такого сказать. Хотя бы

потому, что не имею мотора.

— Но, если вы мне этого не говорили, значит я должен был послать Бинга вас встретить. Бинг ведь вас не встречал?

— Нет, — ответил я, — не встречал.

— Ну вот вам, пожалуйста!

Леди Эмили положила огрызок яблока и вдруг сказала, совершенно меня огорошив:

— Ваш отец когда-то жил в Оукшотте. Я довольно хорошо его знала. Расшибся, упав с лошади.

— Нет-нет, это был мой дядя Хью. А отец почти всю жизнь провел в Индии. Там и умер.

— О, вряд ли он мог на такое сподобиться, — сказала леди Эмили. — Сомневаюсь, что он вообще там бывал, — не правда ли, Чарлз?

— Кто? Что?

— Хью Воган никогда ведь не был в Индии, не так ли?

— Нет-нет, конечно, не был. Он продал Оукшотт и уехал куда-то в Хемпшир, где и поселился. Он в жизни не бывал в Индии.

В этот момент в комнату вошла другая пожилая леди, почти неотличимая от леди Эмили.

— Это мистер Воган, дорогая. Ты ведь помнишь его отца по Оукшотту? Он повезет Стейла за границу. Леди Гертруда, моя сестра.

Леди Гертруда весело улыбнулась и взяла меня за руку:

— Так и знала, что кто-то приедет к обеду, а четверть часа назад увидела, как Бинг вносит овощи. Я-то думала, он сейчас должен встречать поезд в Ванбурге.

— Нет, дорогая, — сказала леди Эмили. — Мистер Воган приехал на моторе.

— О, вот и прекрасно. Мне показалось, он говорил, что приедет поездом.

II

Маркиз Стейл к обеду не вышел.

— Боюсь, в первый момент он покажется вам несколько застенчивым, — пояснил герцог. — До сегодняшнего утра мы не говорили ему, что вы приедете. Боялись, как бы это не выбило его из колеи. Признаться, он немного расстроен из-за предстоящего отъезда. Ты не видела его после завтрака, дорогая?

— Не кажется ли вам, что будет лучше, если мистер Воган узнает правду о Стейле? — сказала леди Гертруда. — Все равно ведь скоро все откроется.

Герцог вздохнул:

— Правда в том, мистер Воган, что у моего

племянника не все в порядке с головой. Он не сумасшедший, как вы понимаете, но явно страдает слабоумием.

Я кивнул.

— От крестной я уже знаю, что он немного отстает в развитии.

— Главным образом по этой причине он и не ходил в школу. Проучился однажды два семестра в частной школе, но через силу, очень там грустил, да и плата была слишком высока, вот я его и забрал. С тех пор он не получал надлежащего образования.

— Никакого, дорогой, — мягко поправила леди Гертруда.

— Да, что практически равнозначно. И это весьма печально, как вы вскоре убедитесь. Видите ли, мальчик будет моим преемником, он получит после меня наследство… что ж, к несчастью, это так. В настоящий момент имеется довольно крупная сумма, которую мать мальчика оставила на его образование. К деньгам никто не прикасался, — по правде говоря, я и сам о них забыл, но мой адвокат на днях напомнил. На сегодня сумма составляет, по-моему, где-то около тринадцати сотен фунтов. Я обсудил этот вопрос с леди Эмили и леди Гертрудой, и мы пришли к заключению,

что самое лучшее, что можно сделать, — это отправить мальчика на год-другой за границу, подобрав ему подходящего наставника. Быть может, перемена мест пойдет ему на пользу. Во всяком случае, мы будем чувствовать, что исполнили наш долг перед мальчиком.

(Мне показалось странным, что они заговорили о чувстве исполненного долга, но я смолчал.)

— Вам, вероятно, понадобится купить ему кое-какую одежду. Видите ли, он никогда в ней особо не нуждался, и, боюсь, мы позволили ему слегка одичать.

По завершении обеда принесли большую коробку с мятными пастилками. Леди Эмили съела пять штук.

III

Да, из Оксфорда меня исключили со всеми отягчающими обстоятельствами, что не сулило мне ничего хорошего, и все же потратить целый год на то, чтобы сопровождать душевнобольного аристократа в путешествии по Европе, — это перебор. Я уж было отважился рискнуть расположением крестной и, пока не поздно, отказаться от предложенной работы, как вдруг появился молодой человек. Он стоял в дверях столовой,

явно испытывая неловкость, но рассматривал нас довольно дерзко и даже с некоторым превосходством.

— Привет, вы уже поели? Можно я возьму немного пастилок, тетя Эмили?

Это был юноша отнюдь не дурной наружности, чуть выше среднего роста, говорил с той довольно приятной интонацией, которую приобретают люди благородного происхождения, живущие среди слуг и фермерских рабочих. Одеяние, явно причинявшее ему неудобство, было немыслимым: из-под штанин потертого синего костюма на четырех пуговицах, из которого он давно вырос, виднелось несколько дюймов сбившихся в складки шерстяных носков, а из-за лацканов — белая фланелевая рубашка. Вдобавок он надел жесткий вечерний воротничок и очень узкий галстук, завязанный морским узлом. Волосы были чересчур длинные, смоченные водой. Но при всем при этом сумасшедшим он не выглядел.

— Иди поздоровайся со своим новым гувернером, — сказала ему леди Гертруда, будто шестилетнему ребенку. — Подай ему правую руку — да-да, эту.

Он неловко подошел ко мне, протягивая руку, затем спрятал ее за спину и, наклонившись, резко

выбросил вперед. Мне вдруг стало стыдно за это бедное нескладное создание.

— День добрый, — сказал он. — Как я понимаю, за вами забыли выслать машину, да? Последний гувернер шел пешком и добрался до нас только к половине третьего. Потом ему сказали, что я сумасшедший, так что назад он снова шел пешком. Вам еще не сказали, что я сумасшедший?

— Нет, — поспешно ответил я, — конечно нет.

— Ну, значит, еще скажут. Хотя, возможно, уже сказали, но вам неловко мне в этом признаться. Вы ведь человек порядочный, джентльмен, не так ли? «Он человек пропащий, но, по крайней мере, джентльмен» — так мне описал вас дед. Однако вы напрасно за меня переживаете. Они всем говорят, что я сумасшедший.

В каком-либо другом обществе это могло бы вызвать некоторую неловкость, а тут раздался безмятежный голос леди Гертруды:

— Ты что это? Разве можно так разговаривать с мистером Воганом! Иди съешь мятную пастилку. — И она взглянула на меня со значением, будто давая понять: «Ну? Что я вам говорила?!»

И тут я вдруг решил срочно приступить к работе. Через час мы сидели в поезде. В кармане у меня лежал чек от герцога: 150 фунтов на предва-

рительные расходы; нелепый плетеный сундучок мальчика легко поместился на полке у него над головой.

— Послушайте, а как мне к вам обращаться? — спросил он.

— Ну, большинство моих друзей называют меня Эрнест.

— Мне тоже так можно? Правда?

— Ну конечно! А мне к вам как обращаться?

Он задумался в нерешительности.

— Дед и тетушки называют меня Стейл, все прочие при них обращаются ко мне «милорд», а когда мы одни — Ушан. Это из дразнилки про летучих мышей в голове[60], если помните.

— А нет ли у вас христианского имени?

И опять он ответил не сразу:

— Есть. Джордж Теодор Верней.

— Что ж, буду называть вас Джорджем.

— Правда? Скажите, а вы часто бываете в Лондоне?

— Да, обычно там и живу.

— А я ни разу не был в Лондоне, представляете?

---

[60] Notes: 60

Имеется в виду английское выражение «Bats in the/one's Belfry» («Летучие мыши на колокольне/в голове») в значении «чокнутый» и т. п., соответствует русскому выражению «тараканы в голове», впервые упомянуто в книге: *George A. Peck.* Peck's Uncle Ike and the Red Head Boy. 1899.

И вообще никогда не выезжал из дома — разве что в школу.

— Там было гадко?

— Там было… — И он выругался по-простецки, как извозчик. — Слушайте, мне, наверное, не следует так выражаться? Тетя Эмили говорит, не стоит.

— И она совершенно права.

— Да у нее вообще какие-то странные понятия, уверяю вас.

И дальше мой спутник всю дорогу трещал напропалую.

В тот вечер он выразил желание пойти в театр, но я, памятуя о его одеянии, отправил его спать пораньше, а сам вышел на поиски друзей. Мне подумалось, что со ста пятьюдесятью фунтами в кармане я могу позволить себе выпить шампанского. Кроме того, мне было что рассказать. Следующий день мы посвятили заказам одежды. Я, еще когда увидел его багаж, понял, что в Лондоне нам придется провести четыре-пять дней: ему было совершенно нечего надеть. Как только он проснулся, я облачил его в один из моих оверкотов и сводил во все магазины, которым задолжал. Он заказывал щедро и с явным удовольствием. К вечеру стали приносить первые

пакеты, и его комната превратилась в склад картонок и папиросной оберточной бумаги. Мистер Филлрик, который всегда старается создать у меня впечатление, что я первый простолюдин, осмелившийся заказать у него костюм, настолько размяк, что оставил свою всегдашнюю суровость и заходил к нам в отель в сопровождении помощника с большим чемоданом, набитым образцами. Джордж демонстрировал учтивое пристрастие к чекам. Мистер Филлрик успел дошить два костюма к четвергу, а третий последует за нами в Крийон[61].

Не знает ли он мест, где мы могли бы купить приличный комплект готовой вечерней одежды? Тот дал нам название магазина, куда его фирма сдавала на продажу свой неликвид. Мистер Филлрик прекрасно помнил отца его светлости. Завтра вечером он зайдет к его светлости для примерки. Уверен ли я, что на данный момент мне хватает имеющейся у меня одежды? А то у него есть с собой еще несколько образцов. Что же до того маленького дельца, касающегося моего счета, — разумеется, его можно решить в любой

[61] Notes: 61

Крийон — знаменитый пятизвездочный отель в Париже, построен в 1758 году, в качестве гостиницы используется с 1909 года; архитекторы Жак-Анж Габриель и Луи-Франсуа Труар.

момент, когда мне будет удобно. (Его последнее письмо недвусмысленно давало мне понять, что, прежде чем приступить к выполнению каких-либо новых моих заказов, он должен получить чек по счету.) Я заказал два костюма. Все это доставляло Джорджу немыслимое удовольствие.

После первого же утра я бросил всяческие попытки сохранять положение наставника. До отъезда предстояло провести в Лондоне четыре дня, Джордж, как он уже сказал, здесь впервые. Он с безудержным энтузиазмом рвался все увидеть и сверх того — общаться с людьми; в то же время он обладал дерзкой критической способностью и этакой естественной привередливостью, утонченностью, просвечивавшей сквозь неотесанность деревенщины. На первом концерте он весь горел от возбуждения; театр, оркестр, зрители — все его очаровывало. Он настоятельно требовал, чтобы мы приходили за десять минут до начала, а уходили за десять минут до конца первого акта. Он считал, что это вульгарно, глупо, безобразно, но ведь было столько всего другого, что ему не терпелось увидеть! Обывательский принцип «заплачено, значит надо досидеть» был для него неприемлем.

То же самое с едой: он желал перепробовать все

блюда. Если какое-то блюдо ему не нравилось, он заказывал что-нибудь другое. В первый вечер, когда мы ужинали вне дома, он, глотнув шампанского, нашел его отвратительным пойлом и наотрез отказался попробовать еще раз. Ему не хватало терпения распробовать что-то как следует и развить хороший вкус, но самое прекрасное пленяло его моментально. В Национальной галерее он ничего не мог смотреть после «Смерти святого Петра Мученика» Беллини.

Он имел моментальный успех у всех, кому я его представлял. Он не обладал никакими «манерами». Он довольно откровенно говорил что думал и с живейшим интересом воспринимал все услышанное от других. Поначалу он иногда с раздражающей непосредственностью встревал в дежурные разговоры, каковыми мы в основном и довольствуемся, но почти сразу научился выделять чисто механические шаблонные моменты и пропускал их мимо ушей. Он подхватывал избитые цитаты и вычурные фразы, но использовал их с самыми странными вывертами, оживляя их своим интересом к их красочности и образности.

И произошло это всего за четыре дня; а будь у него четыре месяца, перемена была бы разительной. Я видел, как он развивался час за часом.

В наш последний лондонский вечер я принес географический атлас и попытался объяснить своему подопечному, куда мы направляемся. По его представлениям, мир был разделен примерно на три полусферы: Европа, где шла война и где было много разных городов, таких как Париж и Будапешт, удаленных один от другого на равные расстояния и кишащих проститутками; Восток со множеством пустынь, где живут слоны и верблюды, дервиши и кивающие головой мандарины; и Америка, которая, помимо двух собственных континентов, охватывает еще и Австралию, Новую Зеландию и большую часть Британской империи, не факт, что «восточную»; а где-то еще жили некие «дикари».

— Нам придется переночевать в Бриндизи[62], — говорил я. — Тогда с утра мы сможем попасть в Ллойд-Триестино[63]. Как много вы курите!

Мы только что вернулись с чайно-коктейльной вечеринки. Джордж стоял у зеркала, любуясь собой в новом наряде.

---

[62] Notes: 62

Бриндизи — город и морской порт на юге Италии, административный центр одноименной провинции.

[63] Notes: 63

Ллойд-Триестино — одна из крупнейших судоходных компаний в 1920-е годы. С 2006-го носит название Italia Marittima.

— Знаете, Эрнест, он довольно хорошо сшил этот костюм. Это единственное, чему я научился дома, — курить, я имею в виду. Я часто поднимался с Бингом в помещение, где держат седла.

— Вы еще не поделились своими впечатлениями о вечеринке.

— Эрнест, почему все ваши друзья так со мной милы? Только потому, что в будущем я стану герцогом?

— Да нет, вовсе не обязательно — взять хотя бы Джулию. Она сказала о вас: «Он так похож на изгнанника».

— Боюсь, Джулия мне не очень понравилась. Нет, я имею в виду Питера и этого забавного мистера Олифанта[64].

— Думаю, вы им понравились.

— Как странно! — Он снова посмотрел на себя в зеркало. — Знаете, я скажу вам, о чем я думал все эти последние несколько дней. Я вовсе не верю, что я на самом деле сумасшедший. Только в особняке у меня бывает ощущение, что я не такой, как все. Конечно, я так мало знаю… я тут все думаю… вам не кажется, что «не все дома», возможно, как раз у деда с тетками?

---

[64] Notes: 64
Олифант (африкаанс) — слон, также танк.

— Стареют. Это неизбежно.

— Нет, теряют рассудок. Помню, какие дикие вещи они вытворяли: то тетки что-нибудь отчудят, то он. Прошлым летом тетя Гертруда клялась, что у нее под кроватью жужжит рой пчел, и подняла на ноги всех садовников, чтобы они окурили их дымом и все такое. Она наотрез отказывалась вылезать из постели, пока не выгонят пчел, — но их там не было, ни одной. А дед как-то раз сплел венок из земляничных листьев и давай скакать в нем по всему саду, припевая: «Графский сын, кухаркин сын и маркизов отпрыск». Тогда их чудачества не произвели на меня особого впечатления, но разве это нормально? Как бы то ни было, я не увижу их еще много-много месяцев. Ах, Эрнест, это слишком чудесно! Чересчур! Вам не кажется, что рукава тесноваты, а? Скажите, а люди в Афинах черные?

— Нет, не как смоль, главным образом это евреи и студенты выпускных курсов.

— А кто это такие?

— Ну, вот Питер, например, студент выпускного курса. Совсем недавно и я был одним из них.

— А меня можно принять за студента выпускного курса?

IV

Мне иногда кажется, что Природа, подобно ленивому писателю, может вдруг взять и резко свести к короткому рассказу то, что явно было задумано ею как вступление к длинному роману.

На следующее утро мне по почте пришло два письма. Одно из моего банка — возврат герцогского чека на 150 фунтов с пометой «Платежи приостановлены», а второе — из адвокатской конторы, имеющей удовольствие уведомить меня о том, что они, а скорее один из них, зайдет ко мне тем же утром в связи с делом герцога Ванбурга. Письма я вручил Джорджу.

— Было у меня такое чувство, что все это слишком хорошо, чтобы длиться долго, — вот и все, что он сказал.

Адвокат прибыл своевременно. Кажется, ему не понравилось, что мы встретили его неодетыми. Он дал мне понять, что хочет поговорить со мной наедине.

Его милость якобы изменил свои планы в отношении внука. У него пропало желание отправлять его за границу. Конечно, между нами, мы вынуждены признать, что мальчик не вполне в здравом уме… весьма печально… эти старинные

фамилии… поставить меня в столь затруднительное положение — мало ли что может случиться… Его милость обсудил все с леди Эмили и леди Гертрудой… Это и впрямь был опасный эксперимент… кроме того, они намеренно держали мальчика взаперти, не желая, чтобы свет узнал… дискредитация известного имени, знаете ли… и, если бы он бывал в обществе, конечно, пошли бы разговоры… люди любят посудачить. Строго говоря, не его это дело — подвергать сомнению мудрость решения клиента, но, опять же, между нами, он был весьма удивлен, что его милость вообще надумал позволить мальчику покинуть дом… Позднее, возможно, но не сейчас… он должен постоянно находиться под наблюдением. И конечно, доверить ему такие большие деньги… Строго между нами, его милость гораздо состоятельнее, чем думают… собственность в городе… налог на наследство… расходы на содержание Стейла… и так далее.

Ему же даны указания оплатить понесенные расходы по нынешнее число и выдать мне жалованье за три месяца… неслыханная щедрость со стороны его милости, без всяких юридических обязательств и расписок… Что касается одежды… очевидно, мы и в самом деле изрядно превысили

указанную сумму. Однако все вещи, сшитые не на заказ, вне всякого сомнения, могут быть возвращены в магазины. Распоряжения на этот счет будут даны… доставить лорда Стейла к его деду также должен он сам.

И через час адвокат с Джорджем отбыли.

— Это были чудесные четыре дня, — сказал юноша на прощанье, затем добавил: — В любом случае через три года мне исполнится двадцать один год и тогда я смогу получить деньги, которые мне оставила мать. И все же, мне кажется, стыдно как-то отсылать все эти галстуки назад в магазин. Как по-вашему, могу я оставить себе парочку?

Через пять минут позвонила Джулия и пригласила нас на ланч.

Перевод Л. Житковой

Хозяин «Кремля»

Эту историю рассказал мне однажды утром в Париже хозяин известного ночного клуба, и я почти не сомневаюсь в ее подлинности.

Я не раскрою вам ни настоящего имени рассказчика, ни названия его клуба, ибо это не та реклама, которая пришлась бы ему по душе, и буду называть его Борис, а заведение — «Кремль».

«Кремль» живет по собственным законам и правилам.

Шляпу и пальто принимает у вас при входе самый настоящий казак свирепой наружности, в сапогах со шпорами для верховой езды, а его лицо там, где оно не скрыто бородой, обезображено рубцами и шрамами, как у довоенного немецкого студента.

Интерьер оформлен в виде шатра: стены обтянуты красной шерстяной материей и увешаны коврами. Очень хороший цыганский ансамбль играет цыганскую музыку, а очень хороший джазовый оркестр играет, когда посетители хотят танцевать.

Официанты в роскошных русских ливреях, рослые, как на подбор, разносят пылающие шам-

пуры с нанизанными на них кругляшками мяса, перемежающимися с кольцами лука. Большинство официантов — бывшие офицеры Российской императорской гвардии.

Управляющий Борис — довольно молодой мужчина, ростом шесть футов пять с половиной дюймов. В шелковой русской рубахе, широких штанах, заправленных в высокие сапоги, он прохаживается от стола к столу, проверяя, все ли в порядке.

С двух часов дня и до захода солнца в «Кремле» ни одного пустого места, и посетители из американцев, меланхолично разглядывая счета, часто отмечают, что Борис «хорошо с этого имеет». И это правда.

Мода на Монмартре меняется очень быстро, но если нынешняя популярность заведения продержится еще один сезон, то можно будет подумать о вилле где-нибудь на Ривьере и поселиться там в уединении.

Как-то в субботний вечер или, скорее, в воскресное утро Борис сделал мне честь, присев за мой столик и выпив со мной бокал вина. В тот раз он и поведал мне свою историю.

Его отец был генералом, и, когда началась война, Борис учился в кадетском корпусе военной

академии.

По молодости лет он не мог принимать участие в боевых действиях и был вынужден из-за линии фронта наблюдать крушение царского режима.

Затем, после окончания Первой мировой, наступили смутные времена, и разрозненные остатки царской армии при нерешительной поддержке их бывших союзников втягивались в проигрышную борьбу с большевиками.

Борису было восемнадцать лет. Отец его погиб на фронте, а мать укатила в Америку.

Военная академия закрывалась, и Борис вместе с несколькими товарищами по кадетскому корпусу решил пойти на службу в последнюю царскую армию, которая под командованием Колчака сдерживала большевиков в Сибири.

Странная это была армия. Кавалеристы без конницы, моряки без кораблей, офицеры взбунтовавшихся полков, пограничные гарнизоны и личные адъютанты, ветераны Русско-японской войны и не нюхавшие пороху мальчишки вроде Бориса.

Помимо всего перечисленного, в состав армии Колчака входили части и подразделения союзных держав, направленные туда их переменчивыми правительствами и, судя по всему, благополучно

ими забытые; были британские инженерные войска и несколько французских артиллерийских частей; плюс офицеры связи и военные атташе при Генеральном штабе.

Среди таких атташе был офицер французской кавалерии несколькими годами старше Бориса. До войны большинство образованных русских владели французским языком, как родным.

Борис и французский атташе подружились. Они часто выходили вместе покурить за компанию и делились воспоминаниями о довоенной Москве и Париже.

Через месяц-полтора стало ясно, что колчаковская кампания обречена на провал.

В конечном итоге совет офицеров принял решение прорываться на восточное побережье по единственному открытому пути и оттуда пытаться бежать в Европу.

Для прикрытия отступления пришлось оставить вооруженный отряд, и так вышло, что и Борис, и его французский товарищ получили назначение в этот арьергард. В следующем же бою малочисленный заградотряд был разбит наголову.

В живых из офицерского состава остались только Борис и его друг, но положение их было

практически безвыходным.

Без вещей, без средств к существованию, они оказались одни на пустынной территории, патрулируемой войсками противника и населенной дикими азиатами.

У француза, предоставленного самому себе, шансы на побег были ничтожны, но форма русского офицера пока что имела кое-какой престиж в окрестных деревнях.

Борис одолжил другу собственную шинель, чтобы тот спрятал под ней французскую форму, и они вместе месили снег, пробиваясь к границе.

В итоге они оказались на японской территории. Здесь все русские находились под подозрением, так что настал черед француза обеспечивать им безопасное продвижение к ближайшему французскому консульству.

Теперь главной целью Бориса стало воссоединение с матерью в Америке. А его другу надлежало вернуться в Париж и доложить о себе. На том они и расстались.

Простились они душевно, пообещав друг другу увидеться, когда утрясут все свои дела. Но в глубине души оба сомневались, что счастливый случай когда-нибудь снова сведет их вместе.

Протекли два года, и вот в один весенний день

бедно одетый русский парень очутился в Париже — с тремя сотнями франков в кармане и всеми своими земными сокровищами в вещмешке.

Это был совсем не тот жизнерадостный Борис, который бросил военную академию и подался в армию Колчака. Америка оказалась мало чем похожей на ту Страну Безграничных Возможностей, какой он ее себе представлял.

Его мать продала драгоценности и кое-что из личных вещей, которые ей удалось привезти с собой, и завела небольшое дело по пошиву одежды.

Шансов получить там постоянное место у Бориса не предвиделось, так что после двух-трех месяцев случайных заработков он устроился на пароход в Англию, чтобы отработать стоимость билета.

За несколько следующих месяцев Борис успел поработать официантом, шофером, платным партнером в танцзалах, докером — и дошел до грани нищеты.

В конце концов он встретил старого друга своего отца, в прошлом — первого секретаря дипломатического корпуса, ныне работавшего парикмахером.

Тот посоветовал ему попытать счастья в Па-

риже, где уже сформировалась большая русская община, и дал денег на дорогу.

И вот в то самое утро, когда у деревьев на Елисейских Полях как раз начинали лопаться почки, а кутюрье выставляли там свои весенние коллекции, Борис оказался в очередном чужом городе — в затрапезных обносках и один как перст.

Весь его капитал в пересчете на английские деньги составлял около тридцати шиллингов, и, не имея ни малейшего представления о том, что с ним будет дальше, он решил позавтракать.

Какой-нибудь англичанин, оказавшись в столь же затруднительном положении, вне всякого сомнения, не преминул бы для начала все тщательно рассчитать.

Он бы определил, на какой максимальный срок ему хватит имеющихся у него денег, и методично придерживался рамок бюджета, пока не собрался бы снова «искать работу».

Но когда Борис стоял, пересчитывая эти жалкие гроши, ему вдруг будто что-то стукнуло в голову.

В такой крайней нужде он едва ли мог надеяться протянуть больше двух-трех недель. По их истечении он окажется в точно таком же положении, но на две недели старше, без гроша за душой и ни на йоту не приблизившись к работе.

Так какая же разница, сейчас или две недели спустя? Он был в Париже, о котором столько читал и слышал. И для начала решил как следует поесть, а в остальном положиться на волю случая.

Борис часто слышал, как в разговоре отец упоминал о ресторане «Ларн», но понятия не имел о его местонахождении и поэтому взял такси. Он вошел в ресторан и уселся в одно из кресел, обитых красным плюшем, не обращая внимания на официантов, с подозрением посматривавших на его обноски.

Без тени смущения огляделся вокруг. Здесь было спокойнее и вроде отсутствовала та помпезность, которой отличались крупные рестораны Нью-Йорка и Лондона, но беглый взгляд на меню убедил его, что это не то место, куда часто наведываются бедняки.

Затем он начал заказывать завтрак, и манера поведения официанта резко изменилась, когда он понял, что этот эксцентрично одетый клиент не нуждается в советах при выборе блюд и вина.

* * *

Он съел свежую икру, садовую овсянку в

портвейне[65] и креп-сюзет[66], выпил бутылку винтажного кларета и бокал очень старого коньяка «Фин-Шампань», а потом изучил несколько хьюмидоров[67] с сигарами, прежде чем выбрал идеальную.

Покончив с едой, он попросил счет. Двести шестьдесят франков. Двадцать шесть выдал на чай официанту и четыре — швейцару, который принял у него шляпу и вещмешок. Семь франков стоило такси.

Через полминуты он стоял на краю тротуара ровно с тремя франками на все про все. Но ланч был великолепен, и Борис о нем не жалел.

Пока он стоял, соображая, что делать дальше, сзади вдруг кто-то тронул его за руку, и, обернувшись, он увидел изящно одетого француза,

---

[65] Notes: 65

Для употребления в пищу эту деликатесную птицу откармливают пшеном в темноте, так как темнота активизирует ее потребность в еде, после чего топят в арманьяке и жарят целиком. Подают также целиком, прикрыв салфеткой. Во Франции охота на этих птиц официально запрещена в 1999 году.

[66] Notes: 66

Креп-сюзет — французский десерт, представляющий собой блины с соусом из карамелизированного сахара, масла, мандаринового или апельсинового сока и цедры, их поливают ликером «Гран-Марнье», «Трипл-сек» или апельсиновым «Кюрасао», затем фламбируют.

[67] Notes: 67

Хьюмидор — деревянный ящичек (шкатулка) для сигар.

очевидно только что вышедшего из ресторана. Это был его друг, французский атташе.

— Я сидел за столиком позади тебя, — сказал он. — А ты меня даже не заметил, так был поглощен едой.

— Возможно, это была моя последняя еда на неопределенное будущее, — пояснил Борис, и друг его рассмеялся, приняв эти слова за шутку.

Они двинулись по улице, торопливо разговаривая. Француз поведал, как он уходил в отставку, когда закончился срок его службы в армии, и сообщил, что теперь он глава процветающего предприятия, связанного с автомобильным бизнесом.

— Да и ты не промах, — сказал он. — Я был рад увидеть, что ты тоже преуспеваешь.

— Преуспеваю? Да на данный момент у меня в кармане ровно три франка на всю оставшуюся жизнь.

— Милый мой, люди с тремя франками в кармане не едят икру в «Ларне».

Тут он впервые обратил внимание на потрепанную одежду Бориса. Он ведь видел его только в военной форме, прошедшей через огонь и воду, так что вначале и не удивился тем обноскам, что были на нем сейчас.

Теперь до него дошло, что это не та одежда, которую обычно носят преуспевающие молодые люди.

— Друг мой, — сказал он, — прости, что я рассмеялся, я не понимал… Давай поужинаем сегодня вечером у меня дома, там и обсудим, что делать дальше.

— Вот так я и стал хозяином «Кремля», — подытожил Борис. — Не пойди я в то утро в «Ларн», мы бы с ним, скорее всего, так никогда и не встретились! Мой друг сказал, что я имею полное право на часть его автомобильного бизнеса, но потом, подумав, решил, что любому, кто мог потратить свои последние триста франков на один завтрак, сам Бог велел держать ресторан. Так и случилось. Он меня финансировал. Я собрал кое-кого из моих старых друзей и предложил им работать у нас. Теперь, как вы видите, я относительно богатый человек.

Последние посетители оплатили счет, поднялись из-за стола и, пошатываясь на неверных ногах, направились к выходу. Борис тоже встал, чтобы с ними раскланялся. Свет дня залил помещение, когда они подняли жалюзи и вышли на улицу.

В новом свете все убранство показалось вдруг

фальшивым и мишурным, официанты спешно сбрасывали свои бутафорские ливреи. Борис понял, что я чувствовал.

— Знаю, — сказал он, — здесь ничего русского. Невелика радость быть владельцем популярного ночного клуба, когда ты лишился родины.

Любовь на спаде

I

Возможно, бракосочетание Тома Уотча и Анжелы Тренч-Траубридж было событием столь незначительным, потому что произошло оно на нашей памяти. Ни в добрачной жизни этой молодой пары, ни в их помолвке, ни в свадебной церемонии не было недостатка в деталях, которые могли бы сделать эти события абсолютно типичными среди самых непримечательных в жизни современного общества. Вечерние газеты заливались:

«Горячие деньки выдались в церкви Святой Маргариты. Третья на этой неделе шикарная свадебная церемония состоялась сегодня после полудня: мистер Том Уотч и мисс Анжела Тренч-Траубридж стали мужем и женой. Мистер Уотч, который, как и многие молодые люди нашего времени, работает в городе, является вторым сыном ныне покойного досточтимого Уилфрида Уотча из Холиборн-хауса, Шефтсбери; отец невесты полковник Тренч-Траубридж известен как человек глубоко порядочный, неоднократ-

но баллотировавшийся в парламент от партии консерваторов. Шафером выступал брат мистера Уотча капитан Колдстримской гвардии[68] Питер Уотч. Невесту украшала фата из старинных брюссельских кружев, предоставленная ее бабушкой. В духе последней моды на отпуска в Британии жених с невестой проводят патриотический медовый месяц в Западной Англии».

А когда столько сказано, добавить практически нечего — разве что совсем чуть-чуть.

Анжела была хорошенькая, умненькая, жизнелюбивая, доброжелательная барышня двадцати пяти лет — тип тех самых всеми обожаемых девушек, которые по какой-то мистической причине, глубоко укоренившейся в психологии англосаксов, считают, что самое трудное в жизни — это удачно выйти замуж. Последние семь лет Анжела делала все, что свойственно делать барышням ее типа. В Лондоне она в среднем четыре раза в неделю ходила на танцы: первые три года к кому-нибудь в гости, а последние четыре — в рестораны и ночные клубы; в сельской местности она оказывала небольшую финансовую помощь соседям и, желая их поразить, устраива-

[68] Notes: 68

Колдстримская гвардия — один из пехотных полков британской гвардии в составе гвардейской дивизии.

ла охотничьи балы[69]; она поработала в какой-то бедняцкой шляпной мастерской, опубликовала рассказ, одиннадцать раз побывала подружкой невесты и один раз — крестной матерью; дважды влюблялась — не в тех; продала за пятьдесят гиней свою фотографию отделу рекламы некоего салона красоты; попала в неприятную ситуацию, когда ее имя было упомянуто в светской хронике; участвовала в пяти-шести благотворительных матине[70] и двух представлениях с живыми картинами, агитировала за кандидата от партии консерваторов на двух Всеобщих Выборах и, как и все девушки Британских островов, была несчастлива в родительском доме.

В годы Кризиса все пошло наперекосяк. В течение некоторого времени отец Анжелы выказывал растущее нежелание открывать лондонский дом; теперь же начал пугать разговорами о жесткой «экономии», что означало навсегда переехать в деревню, сократить число домашних слуг, прекратить разжигать камин в спальне, урезать сумму на расходы Анжелы и на приобретение по-

[69] Notes: 69

Охотничий бал — традиционное ежегодное мероприятие в Англии, проводимое охотничьими клубами.

[70] Notes: 70

Матине — утренник, дневной благотворительный концерт.

лутора миль рыболовных угодий по соседству, на которые он положил глаз несколько лет назад.

Оказавшись перед мрачной перспективой непредсказуемо длительной жизни в доме предков, Анжела, как и многие чувствительные английские барышни до нее, решила, что после двух неудачных романов она уже вряд ли снова в кого-нибудь влюбится. Для нее не существовало романтического выбора между любовью и богатством. Старших сыновей в тот год было меньше, чем когда-либо, да к тому же накатила мощная волна конкуренции из Америки и доминионов. Приходилось делать выбор между неудобством жизни в роскошном особняке с родителями и неудобством жизни с мужем в лондонских конюшнях.

Нищий Том Уотч начал выказывать Анжеле кое-какие знаки внимания еще в ее первый светский сезон. Он почти во всем был ее мужским эквивалентом. Человек эрудированный, он, заняв в университете третье место по истории, устроился в контору надежной аудиторской фирмы, где так с тех пор и работал. И на протяжении всех этих хмурых городских будней он с тоской вспоминал то бесшабашное время на выпускном курсе, когда после обычной университетской

рутины счастливо добился успеха, придя вторым на одолженном гунтере[71] в «дрочках»[72] оксфордского колледжа Крайст-Черч, когда крушил мебель с буллингдонцами[73], влезал через окно, возвращаясь под утро с танцев из Лондона, и делил с другими, более состоятельными молодыми людьми темную, но дорогую квартиру в Хайе[74].

Анжела, как одна из популярных девушек на курсе, часто бывала и в Оксфорде, и в тех домах, где Том гостил во время отпусков, а поскольку годы унылого прозябания в аудиторской конторе отрезвили его и вогнали в тоску, он стал воспринимать ее как один из немногих ярких фрагментов его славного прошлого. Он еще продолжал изредка бывать в обществе, так как спрос на неженатых молодых мужчин в Лондоне всегда оставался высок, но последние званые ужины, куда он приходил в скверном настроении, вымотанный рабочей рутиной и далекий от тех вещей,

---

[71] Notes: 71
Гунтер — охотничья лошадь.

[72] Notes: 72
В оригинале сленговое «grind» — так в шутку называли скачки в седле.

[73] Notes: 73
Буллингдонцы — члены Буллингдонского клуба в Оксфорде.

[74] Notes: 74
Хай (The High) — район Оксфорда.

в обсуждение которых пытались его вовлечь дебютанты светских сезонов, лишь показывали ему, насколько шире стала пропасть между ним и его бывшими друзьями.

Будучи девушкой в высшей степени приличной (хотя кто ж их разберет), Анжела всегда была с ним приветлива, и он благодарно отвечал ей тем же. И все же она принадлежала его прошлому, а не будущему. Его отношение к ней было сентиментальным, но без намека на честолюбивые устремления. Она оставалась частью его безвозвратной юности, и у него и в мыслях не было рассматривать ее как потенциальную спутницу жизни. Соответственно, ее предложение заключить брак явилось для него сюрпризом, и отнюдь не желанным.

Сбежав от унылой толкотни танцплощадки, они сидели в ночном клубе и лакомились там копченой рыбкой. Между ними возникла обычная в такой обстановке душевная близость с легким налетом нежности, и Анжела сказала ему ласковым голосом:

— Ты всегда так добр ко мне, Том, гораздо больше, чем кто-либо другой… почему, интересно? — И прежде чем он успел уклониться от ответа — мол, на работе у него был дико трудный

день, а танцы отупляют, — она задала прямой вопрос.

— Ну конечно, — промямлил он, — то есть я хочу сказать, старушка, мне бы и самому хотелось этого, как ничего другого. То есть ты же знаешь, я всегда был от тебя без ума… Но проблема в том, что я просто не могу позволить себе жениться. Об этом и речи быть не может в ближайшие несколько лет.

— Но я бы вряд ли стала возражать против того, чтобы разделить с тобой бедность, — мы ведь так хорошо друг друга знаем. Все образуется.

И прежде чем Том успел понять, нравится ему это или нет, была объявлена помолвка.

Он зарабатывал восемь сотен в год, Анжела — две. Со временем у обоих «будет больше». Все сложится не так уж плохо, если они проявят благоразумие и повременят обзаводиться детьми. Ему придется отказаться от сезонной охоты; она откажется от прислуги. И на фундаменте такого взаимного самопожертвования они построят общее будущее.

В день свадьбы лил страшный дождь, и лишь самые стойкие и упорные среди прихожан церкви Святой Маргариты вышли поглазеть на меланхоличную вереницу гостей, выскакиваю-

щих из мокрых машин и ныряющих под навес церковной дорожки. После церемонии гости переместились в дом Анжелы на Эгертон-Гарденс. В половине пятого молодожены сели в поезд на Паддингтонском вокзале и отправились в Западную Англию. Голубой ковер и полосатый навес были собраны и заперты в кладовке вместе с пуфиками и свечными огарками. Лампы в проходах погашены, двери закрыты и заперты на засов. Цветы и кусты упакованы для последующего размещения в палатах больницы для неисцелимых, к которой проявляла интерес миссис Уотч. Секретарь миссис Тренч-Траубридж принялся упаковывать куски свадебного торта в серебристо-белые картонные коробки для отправки прислуге и сельским жителям. Один из капельдинеров поспешил в Ковент-Гарден, чтобы вернуть фрак в контору по прокату мужской одежды, где он его арендовал. К малолетнему племяннику жениха, исполнявшему на свадебной церемонии обязанности пажа и привлекшему всеобщее внимание чересчур откровенными комментариями, вызвали врача, так как у него поднялась температура и появились многочисленные тревожные симптомы пищевого отравления. Горничная Сары Трампери тактично вернула дорожные часы,

которые престарелая леди машинально прихватила с прилавка со свадебными подарками. (Эта ее слабость всем была хорошо известна, и детективы имели постоянно действующий приказ избегать неприятных сцен на приемах и званых вечерах. Не так уж часто приглашали ее нынче на свадьбы. А если и приглашали, то украденные подарки неизменно возвращались в тот же вечер или на следующий день.) Подружки невесты собрались вместе за ужином и принялись горячо обсуждать интимные моменты медового месяца, потому как в данном случае шансы были три против двух, что церемоний не предвидится. Экспресс «Грейт Вестерн» громыхал по не просыхающим от дождей британским графствам. Том и Анжела, оба с унылыми лицами, сидели в вагоне первого класса для курящих и обсуждали прошедший день.

— Удивительно, что никто из нас не опоздал.

— Мама вся изнервничалась…

— Что-то я Джона не видел, ты не видела?

— Был он, был. Попрощался с нами в прихожей.

— А, да… Надеюсь, они все упаковали.

— Ты какие книги взяла?

Самая обычная свадьба, без происшествий.

Вдруг Том сказал:

— Наверное, как-то непредприимчиво с нашей стороны банально поехать в Девон к тете Марте. Помнишь, как Локвуды ездили в Марокко и попали в лапы разбойников?

— А Рэндаллы на десять дней застряли в снегах Норвегии.

— Боюсь, в Девоне нам приключения не светят.

— Ну, мы же не ради приключений поженились, Том?

И, как водится, именно с этой минуты медовый месяц принял странный оборот.

II

— Не знаешь, мы с пересадкой?

— Вроде да. Забыл спросить. Билеты покупал Питер. Выйду в Эксетере[75] и узнаю.

Поезд прибыл на станцию.

— Я на минутку, — сказал Том, закрывая за собой дверь купе, дабы не впустить холод. Он вышел на перрон, купил местную «вечерку», узнал, что едут они без пересадки, и уже подходил к вагону, как вдруг кто-то окликнул его, схватив

---

[75] Notes: 75

Эксетер — главный город графства Девоншир на реке Экс.

за руку:

— Уотч! Привет, старина! Помнишь меня? — (И Том почти сразу узнал улыбчивое лицо старого школьного приятеля.) — Смотрю, ты недавно женился. Мои поздравления! Собирался тебе написать. Надо же, как мне повезло вот так вдруг с тобой столкнуться. Пойдем выпьем.

— Я бы с радостью. Но у меня поезд, надо возвращаться.

— Еще уйма времени, старик! Стоит двенадцать минут. Надо выпить.

Продолжая рыться в памяти в поисках имени старого друга, Том отправился с ним в привокзальный буфет.

— А я живу в пятнадцати милях отсюда. Просто приехал встретить поезд. Жду одну пышечку из Лондона. Как в воду канула. Ну и ладно, баба с возу…

Они выпили по два виски — даже приятно после холодного поезда. И Том сказал:

— Что ж, рад был тебя повидать. А теперь мне пора на поезд. Пойдем, я познакомлю тебя с женой.

Но когда они добрались до платформы, поезда и след простыл.

— Слушай, старик, это же чертовски весело. Что

делать будешь? Поездов сегодня вечером уже не предвидится. А знаешь, поедем-ка лучше ко мне, переночуешь, а утром двинешься дальше. Мы можем телеграфировать твоей жене и сообщить, где ты находишься.

— Только бы с Анжелой ничего не случилось.

— Силы небесные! Да что в Англии может случиться? К тому же ты все равно ничего не сможешь сделать. Давай мне ее адрес, я срочно пошлю ей телеграмму и напишу, где ты находишься. Прыгай в машину и жди.

Наутро Том проснулся с ощущением легкой тревоги. Поворочался в постели, изучая сонным взглядом незнакомую обстановку. И наконец вспомнил. Ну конечно! Он ведь женился. Анжела уехала в поезде без него, а он многие мили трясся в темноте на машине и приехал в дом старого друга, чьего имени так и не вспомнил. Добрались к ужину. Выпили бургундского, порта[76] и бренди. Строго говоря, упились в стельку. Вспоминали какие-то бытовые скандалы, всякие веселые издевательства над учителями химии, ночные эскапады, когда они сбегали в Лондон, в клуб

---

[76] Notes: 76

Порт — один из сортов виски.

«43»[77]. Как же его звали? Теперь и спросить не у кого. В любом случае нужно добраться до Анжелы. Он надеялся, что она благополучно доехала до дома тети Марты и получила его телеграмму. Нелепое начало медового месяца — зато они с Анжелой так хорошо друг друга знают… Это вам не какой-нибудь случайный роман.

Вскоре ему позвонили.

— Сегодня утром, сэр, недалеко отсюда собирают гончих. Капитан интересовался, не желаете ли поохотиться.

— Нет-нет! Я должен выехать сразу после завтрака.

— Капитан сказал, что может снабдить вас верховой лошадью, сэр, и одолжить охотничий костюм.

— Нет-нет! Ни в коем случае.

Но когда Том, спустившись к завтраку, увидел, как хозяин дома наливает в седельную фляжку шерри-бренди, сердце его дрогнуло.

— Правда, компания у нас — смех один. Выезжают все: приходской священник, фермеры, кто-то со своей живностью. Но нам обычно достается пристойный маршрут вдоль границы

---

[77] Notes: 77

Знаменитый в эпоху джаза ночной клуб в Сохо на Геррард-стрит, 43.

охотничьих угодий по краю вересковой пустоши. Жаль, что не сможешь выехать. Я бы хотел, чтобы ты опробовал мою новую кобылу — чудесная лошадка… пожалуй, даже слишком… для такой местности.

А почему бы, собственно, и нет?.. В конце концов, они с Анжелой так хорошо друг друга знают… не то что какие-нибудь там…

И спустя два часа Том обнаружил, что он, забыв обо всем на свете, бешеным галопом несется с ветром наперегонки по худшим охотничьим угодьям Британских островов — чередование вереска и изрытого выбоинами болотного мха, валунов, горных ручьев и заброшенных гравийных карьеров, — свора гончих сплошным потоком устремляется вверх к долине напротив, кобыла идет идеально, фермерские мальчишки на маленьких косматых пони, жены поверенных — на кобылках, старые флотские капитаны-отставники подпрыгивают на высоченных тяжеловозах, ветеринары и викарии выныривают со всех сторон от него, а ему хоть бы хны.

Еще через два часа он оказался в менее счастливых обстоятельствах — один как перст в зарослях вереска, окруженный со всех сторон болотами до линии горизонта, не разорванной ни единым

столбом. Он спешился подтянуть подпругу, а лошадь его, пустившись в галоп по склону холма, чтобы нагнать остальных, попала ногой в кроличью нору, повалилась, перевернулась в опасной близости от него и, высвободив ногу, резво поскакала в сторону конюшни, бросив его пыхтеть и отдуваться, лежа на спине. Теперь он оказался один в совершенно незнакомой местности. Он не знал ни имени своего хозяина, ни названия его усадьбы. Представил, как бродит от деревни к деревне, обращаясь ко всем с одним и тем же вопросом: «Не подскажете ли адрес одного молодого человека, который был сегодня утром на охоте? Он бывал в Бутчер-хаусе в Итоне!» Мало того, Том вдруг вспомнил, что он женился. Ну да, они с Анжелой так хорошо знают друг друга… но всему есть предел.

В восемь часов вечера в освещенную газовыми лампами гостиную отеля «Ройал Джордж» в городе Чагфорд ввалился совершенно обессилевший тип. В сапогах для верховой езды и в грязных лохмотьях. Он пять часов проплутал по пустоши и дико проголодался. Ему подали канадского сыра, маргарина, консервированного лосося и

бутылочного стаута[78], после чего уложили на широкую латунную кровать, скрипевшую при каждом его движении. Однако проспал он до половины одиннадцатого утра.

Третий день медового месяца начался более благоприятно. Бледное солнце не было чересчур жарким. Негнущимися руками, превозмогая боль во всем теле, Том натянул еще непросохший охотничий костюм его неизвестного хозяина и разузнал, как добраться до отдаленной деревни, где находится дом его тети Марты и где Анжела наверняка уже вся изнервничалась в ожидании. Он отправил ей телеграмму: «Приезжаю сегодня вечером. Все объясню. Люблю», — и навел справки о поездах. Поезд ходил раз в сутки, отправлялся в середине дня и после трех пересадок поздним вечером доставил его на соседнюю станцию. Там он подвергся еще одному испытанию. Доехать до деревни не на чем — машин нет. До дома его тети восемь миль. Телефон после семи вечера не работает. После целого дня в дороге, еще и в мокрой одежде, он продрог и расчихался. И конечно же, сильно простудился. Перспектива пройти восемь

[78] Notes: 78

Стаут — темный элевый сорт пива, приготовленного с использованием жженого солода с добавлением карамельного солода; известен с XVII века.

миль пешком в темноте была немыслимой. Он провел ночь в гостинице.

Четвертый день занялся, когда Том уже потерял голос и почти оглох. В таком состоянии его посадили в машину и доставили в дом, так заботливо нанятый на его медовую неделю. Здесь его встретили известием, что Анжела уехала ранним утром.

— Миссис Уотч, сэр, получила телеграмму, в которой сообщалось, что во время охоты с вами произошел несчастный случай. Это совершенно выбило ее из колеи, так как она уже пригласила на ланч несколько друзей.

— Но куда она уехала?

— Адрес был указан на телеграмме, сэр. Тот же, что в вашей первой телеграмме… Нет, сэр, та телеграмма не сохранилась.

Стало быть, Анжела отправилась к его хозяину, живущему в окрестностях Эксетера, — что ж, она сможет прекрасно о себе позаботиться. Том слишком плохо себя чувствовал, чтобы беспокоиться. Он сразу лег спать.

Пятый день прошел в горестном оцепенении. Том валялся в постели, апатично листая страницы таких же книг, которые его тетя собрала за пятьдесят лет суровой деревенской жизни. На

шестой день его стали мучить угрызения совести. Наверное, надо что-то предпринять в отношении Анжелы. И вот тогда-то дворецкий высказал предположение, что имя, значившееся на внутреннем кармане охотничьей куртки, возможно, и было именем недавнего хозяина Тома и нынешнего — Анжелы. Немного работы с местной адресной книгой решило дело. Том отправил телеграмму:

«Как ты? Жду тебя здесь. Том».

И в ответ получил:

«Вполне. Твой друг божественен. Присоединяйся. Анжела».

«Лежу. Подхватил простуду. Том».

«Сочувствую дорогой. Увидимся Лондоне или я приеду тебе. Вряд ли это имеет смысл. Анжела».

«Увидимся Лондоне. Том».

И в самом деле Том с Анжелой знали друг друга лучше некуда…

Через два дня они встретились в крошечной квартирке, которую украсила для них миссис Уотч.

— Надеюсь, ты весь багаж привезла?

— Да, дорогой. До чего же хорошо дома!

— Завтра на службу.

— Да, а мне нужно обзвонить уйму народу. Я еще никого не поблагодарила за последнюю

порцию подарков.

— Хорошо провела время?

— Неплохо. Как твоя простуда?

— Лучше. Что у нас сегодня вечером?

— Я обещала навестить маменьку. А потом, как и говорила, ужинаю с твоим другом из Девона. Он приехал со мной — повидать какую-то пышечку. Надо же как-то отблагодарить его за гостеприимство.

— Вот и отлично. Но к маменьке я вряд ли приду.

— И не надо. Я должна рассказать ей кучу всего такого, что тебе будет скучно слушать.

Вечером миссис Тренч-Траубридж сказала:

— По-моему, сегодня вечером Анджела была очень мила. Медовый месяц пошел ей на пользу. Том проявил благоразумие, не увезя ее в какое-нибудь изнурительное путешествие на континент. Видно, что она вернулась совершенно отдохнувшей. А то ведь медовый месяц часто бывает очень тяжелым, особенно после всей этой свадебной чехарды.

— Так что там у них со съемным коттеджем в Девоне? — спросил ее супруг.

— Не съемным, дорогой, его им подарили. Рядом с домом того холостяка, друга Тома, как я поняла.

Анджела говорила, для нее это будет такое миленькое местечко, куда она сможет ездить, если захочет сменить обстановку. Из-за работы Тома у них никогда не бывает нормального отпуска.

— Весьма благоразумно, и в самом деле весьма благоразумно, — сказал мистер Тренч-Траубридж, погружаясь в обычную для него в девять вечера легкую дрему.

Перевод Л. Житковой

Избыток терпимости

Круглое, приятное лицо — не загорелое, а скорее раскрасневшееся под тропическим солнцем; круглые, слегка растерянные серые глаза; коротко остриженные песочные волосы; широкая улыбка; усики песочного цвета; опрятный белый парусиновый костюм и пробковый шлем — типичный портрет английского коммивояжера, застрявшего между пароходными рейсами в маленьком душном порту на Красном море.

Мы с ним были единственными европейцами в гостинице. Судно, которого мы дожидались, отчаливало через два дня. Все это время мы провели вместе.

Мы посещали местный базар и играли бесконечные партии в покер на костях за столиками кафе. В такой атмосфере случайные знакомые легко переходят на доверительный тон.

Совершенно естественно, что сперва мы говорили на общие темы — местные условия и расовые проблемы.

— Не могу понять, из-за чего все эти распри. Они славные ребята, когда узнаешь их получше.

Британские чиновники, местные арабы, ин-

дийские поселенцы — все они для моего нового друга были «славными ребятами». Как странно, что они не могли поладить. Конечно, у представителей разных рас идеи тоже разные: кто-то не моется, у кого-то превратные представления о честности, некоторые время от времени распускаются, хлебнув лишнего.

— И все-таки, — сказал он, — это их, и только их, личное дело. Если бы все они оставили друг друга в покое и жили каждый по-своему, не было бы никаких сложностей. Что касается религий, ну, в каждой есть много чего хорошего: в индуизме, в исламе, в язычестве; миссионеры тоже совершают много добрых дел: уэслианцы[79], католики, англиканцы — все они отличные ребята.

Люди, оказавшиеся в отдаленных уголках мира, как правило, выработали непререкаемое мнение по любому вопросу. После нескольких месяцев, проведенных среди них, небывалым облегчением было встретить такого терпимого человека со столь широкими взглядами.

В первый вечер я расстался со своим спутником

---

[79] Notes: 79

Уэслианские методисты — название, которое использовалось последователями английского богослова Джона Уэсли (1703–1791) после смерти этого проповедника, ознаменовавшей окончательное отделение методистского движения от англиканской церкви и раскол в самом этом движении.

с чувством теплого уважения. Наконец-то здесь, на континенте, населенном почти сплошь фанатиками разного рода, мне попался, как я думал, приятный человек.

На следующий день мы коснулись более интимных тем, и я начал кое-что узнавать о его жизни. Ему было где-то за сорок — скорее даже под пятьдесят, хотя я бы дал ему меньше.

Он был единственным сыном и вырос в провинциальном английском городке, в доме, где над каждым членом семейства довлели строгие принципы викторианской благовидности.

Родители произвели его на свет довольно поздно, и все его воспоминания берут начало в том времени, когда его отец ушел на покой с ответственного государственного поста в Индии.

И хотя сама его натура категорически отрицала возможность какого-либо разлада или неудобств, из этих воспоминаний становилось ясно, что для него отеческий дом никогда не был по-настоящему родным.

Суровые правила морали и этикета, беспощадное порицание соседей и непреодолимый классовый барьер, воздвигаемый перед каждым, кого считали социально неполноценным, враждебное неодобрение тех, кто в чем-то их

превосходил, — таковыми, вне всяких сомнений, были принципы родителей моего друга, и он вырос с глубоко укоренившейся решимостью строить собственную жизнь на совершенно иных началах.

Характер его работы, о котором он поведал мне в вечер нашей встречи, поразил меня. Он промышлял поставкой швейных машин индийским лавочникам по всему восточному побережью Африки.

Было совершенно ясно, что такая работа не соответствовала ни его возрасту, ни образованию. Позднее я получил объяснение.

Он занялся коммерцией сразу по окончании привилегированной школы, преуспел и в конце концов прямо перед войной основал собственное дело, вложив капитал, который достался ему после смерти отца.

— Мне не повезло, — сказал он. — Я не думаю, что это полностью моя вина. Видите ли, я взял в партнеры одного парня. Мы с ним служили в одной конторе, и он всегда мне нравился, хотя с другими ребятами он не слишком ладил. Его уволили как раз в то время, когда я получил наследство. Я так и не понял, в чем была проблема, и в любом случае это было не мое дело. Пона-

чалу наше сотрудничество казалось довольно удачным, поскольку мой партнер не годился для военной службы и мог присмотреть за делами дома, пока я служил в армии. Казалось, дела идут очень хорошо. Мы переехали в новый офис, наняли больше служащих и всю войну получали солидные дивиденды. Но это было лишь временное процветание. Когда я вернулся с войны, то не слишком много внимания уделял делам, боюсь, я слегка потерял голову оттого, что нынче я дома и в безопасности. Я оставил все в руках моего партнера и, полагаю, пустил все на самотек на два года. Так или иначе, я не знал, насколько плохо обстоят наши дела, пока внезапно он не сообщил мне, что мы должны объявить о банкротстве. С тех пор мне время от времени удавалось найти работу, но это не то же самое, что быть самому себе хозяином.

Он смотрел на набережную, задумчиво вертя в руках стакан. Затем, словно спохватившись, сделал красочное дополнение к своему рассказу:

— Одно меня очень утешает, — сказал он. — Мой партнер не покатился по наклонной вместе со мной. Почти сразу же после нашего банкротства он открыл собственное дело — в той же области, но гораздо более солидное. Теперь он

богатый человек.

Чуть позже в тот же день он удивил меня, упомянув как бы между прочим, что у него есть сын.

— Сын?

— Да. Дома я оставил мальчика двадцати семи лет. Он ужасно славный паренек. Жалко, что я нечасто бываю на родине и мы редко видимся. Но у него теперь свои друзья, и я осмелюсь сказать, что ему и без меня хорошо. Он увлекся театром. Сам-то я в этом не очень разбираюсь. Знаете, все его друзья-театралы — интереснейшие ребята! Я так счастлив, что мой сын нашел себе занятие по душе. Я всегда стоял на том, что нельзя пытаться навязать ему интерес к тому, что его не привлекает. Жаль только, что денег это приносит крайне мало. Он всегда в поиске работы в театре или синематографе, но он говорит: это так трудно, если не знаешь нужных людей, и очень дорого. Я посылаю ему сколько могу, но ему надо хорошо одеваться, и посещать разные места, и развлекаться, а все это требует денег. Но я надеюсь, что все это во что-то выльется в конце концов. Он ведь такой славный парнишка.

И только несколько дней спустя, на борту корабля, когда мы уже пришвартовались в порту, где на следующий день мой знакомый должен

был сойти на берег, он упомянул о своей жене.

Мы выпили не один бокал, желая друг другу удачи в наших путешествиях. Близкое расставание обеспечило взаимное доверие, невозможное между постоянными попутчиками.

— Моя жена меня покинула, — просто сказал он. — Это было очень неожиданно. Я до сих пор ума не приложу, почему так случилось. Я всегда поощрял ее желания делать то, что она хочет. Понимаете, навидался я викторианских браков, где супруга не должна иметь иных интересов, кроме ведения хозяйства, а отец семейства каждый вечер ужинает дома. Не одобряю я эти идеи. Мне нравилось, что у жены есть собственные друзья, что она может принимать их дома, когда пожелает, выходить, когда ей вздумается, и сам тоже так поступал. Я думал, что мы счастливы, что наша жизнь идеальна. Она любила танцевать, а я — нет, так что, когда подвернулся парень, с которым, как мне казалось, ей нравилось проводить время, я был в восторге. Мы пару раз встречались с ним, и я слыхал, что он увивается за женщинами, но это было не мое дело. Мой отец строго разграничивал тех друзей, которых встречал в клубе, и тех, кого приглашал в свой дом. Он никогда не привел бы домой того, чей мораль-

ный облик был хоть в чем-то небезупречен. Я же считаю, что все это старомодная чушь. Так или иначе, чтобы сократить длинный рассказ, скажу лишь, что через некоторое время после того, как она начала появляться там и сям с этим парнем, она внезапно в него влюбилась и сбежала с ним. Мне он тоже всегда нравился, очень славный парень. Полагаю, у нее было полное право делать то, что она предпочитает. И все равно я был удивлен. С тех пор я одинок.

В этот момент мимо нашего столика прошли двое попутчиков, знакомства с которыми я старательно избегал. Он зазвал их за наш стол, так что я пожелал ему доброй ночи и ушел вниз.

На следующий день мы не виделись и не разговаривали, но я мельком заметил его на пирсе — он наблюдал за погрузкой ящика с образцами швейных машин.

Я видел, как он окончил свои дела и зашагал в город — неунывающая и трагическая фигурка в подпрыгивающем пробковом шлеме. Человек, которого предал и лишил наследного капитала партнер, обманывал явно никчемный сын, бросила жена, человек неудержимый, сбитый с толку, бодрой пружинящей походкой прокладывал себе путь на целый континент хищных и безжалостных славных ребят.

Перевод Е. Калявиной

Вылазка в действительность

I

Все годные на свалку лондонские такси, видимо, поступают в распоряжение швейцара ресторана Эспинозы. У него командирская выправка, и на груди его тремя рядами блещут воинские ордена, повествуя о геройстве и невзгодах, о том, как рушатся в огне фермы буров, как врываются в рай фанатики из племени фузи-вузи и как высокомерные мандарины созерцают солдат, топчущих их фарфор и рвущих тончайшие шелка. Стоит ему только снизойти по ступенькам крыльца Эспинозы — и к вашим услугам готов экипаж, столь же разбитый, как враги короля Британской империи.

Саймон Лент сунул полкроны в белую лайковую перчатку и не стал спрашивать сдачи. Вслед за Сильвией он пристроился среди сломанных пружин на сквозняке между окнами автомобиля. Вечер был не из самых приятных. Они сидели за столиком до двух, благо ресторан нынче поздно закрывался. Сильвия не стала ничего заказывать, потому что Саймон пожаловался на безденежье.

Так они провели часов пять или шесть — то молча, то в перекорах, то безучастно кивая проходящим парам. Саймон высадил Сильвию у ее подъезда, он неловко поцеловал ее, она холодно подставила губы; и надо было возвращаться к себе, в маленькую квартирку над бессонным гаражом. За нее Саймон платил шесть гиней в неделю.

Перед его подъездом мыли лимузин. Он протиснулся мимо и одолел узкую лестницу, где в былые времена раздавался свист и топот конюхов, спозаранку спешивших к стойлам. (Бедные и молодые обитатели бывших Конюшен! Бедные, бедные и слегка влюбленные холостяки, живущие здесь на свои восемьсот фунтов в год!) На его туалетном столике были набросаны письма, которые пришли ввечеру, пока он одевался. Он зажег газовый светильник и принялся их распечатывать. Счет от портного на 56 фунтов, от галантерейщика на 43 фунта; уведомление о неуплате его годового клубного взноса; счет от Эспинозы с приложенным сообщением, что ежемесячная плата наличными была строго оговорена и что в дальнейшем кредита ему предоставляться не будет; извещение из банка: «как выяснилось», его последний чек превышал на 10 фунтов 16

шиллингов сумму допустимого превышения; запрос от налогового инспектора относительно количества и жалованья наемной рабочей силы (то есть миссис Шоу, которая приходила прибрать постель и поставить апельсиновый сок за 4 шиллинга 6 пенсов в день); счета поменьше за книги, очки, сигары, лосьон и за подарки к последним четырем дням рождения Сильвии (бедные магазины, где имеют дело с молодыми людьми, живущими в бывших Конюшнях!).

Остальная почта была совсем иного рода. Коробка сушеного инжира от почитателя из Фресно (Калифорния); два письма от юных леди, каждая из которых сообщала, что готовит доклад о его творчестве для своего университетского литературного общества, — обеим нужна была поэтому его фотография; газетные вырезки, где он был назван «популярнейшим», «блестящим», «метеорическим» молодым романистом «завидного таланта»; требование дать взаймы 200 фунтов журналисту-паралитику; приглашение к завтраку у леди Метроланд; шесть страниц обоснованной ругани из сумасшедшего дома на севере Англии. Ибо Саймон Лент был в своем роде и в своих пределах молодой знаменитостью, о чем вряд ли кто догадался бы, глядя ему в душу.

Последний конверт с машинописным адресом Саймон вскрыл тоже без особых надежд. Внутри оказался бланк с названием какой-то киностудии из лондонских предместий. Письмо на бланке было короткое и деловое.

Дорогой Саймон Лент! (Обращение, как он давно заметил, ходовое в театральных кругах.)

Любопытно, не предполагаете ли Вы начать писать для кино. Мы были бы Вам признательны за Ваши соображения по поводу нашего нового фильма. Желательно было бы повидаться с Вами завтра во время ланча в Гаррик-клубе и услышать, что Вы об этом думаете. О своем согласии поставьте, пожалуйста, в известность мою ночную секретаршу в любое время до восьми часов завтрашнего утра или мою дневную секретаршу после этого часа.

Искренне Ваш…

Внизу были два слова, написанные от руки, что-то вроде Иудее Маккавее, а под ними то же самое на машинке — сэр Джеймс Макрэй.

Саймон перечел все это дважды. Потом он позвонил сэру Джеймсу Макрэю и уведомил его ночную секретаршу, что он явится завтра к означенному ланчу. Едва он положил трубку, как

телефон зазвонил.

— Говорит ночная секретарша сэра Джеймса Макрэя. Сэр Джеймс был бы весьма признателен, если бы мистер Лент заехал сейчас повидаться с ним у него на дому в Хэмпстеде.

Саймон посмотрел на часы. Время близилось к трем утра.

— Но… как-то поздновато в такую даль…

— Сэр Джеймс высылает за вами машину.

У Саймона мигом прошла всякая усталость. Пока он ждал машину, телефон снова зазвонил.

— Саймон, — сказал голос Сильвии, — ты спишь?

— Нет, я как раз выхожу из дому.

— Саймон… Тебе со мной было сегодня очень скверно?

— Омерзительно.

— Ну знаешь, мне с тобой тоже было довольно омерзительно.

— Ладно. Увидимся — разберемся.

— Ты что, не хочешь со мной разговаривать?

— Прости, мне не до того. У меня тут кое-какие дела.

— Саймон, ты не с ума ли сошел?

— Нет времени объяснять. Машина ждет.

— Когда мы увидимся, завтра?

— Честное слово, не знаю. Позвони утром. Спокойной ночи.

За несколько сот метров Сильвия положила трубку, поднялась с коврика, на котором устроилась в надежде минут двадцать повыяснять отношения, и уныло забралась в постель.

Саймон катил в Хэмпстед по пустым улицам. Он откинулся назад и испытывал приятное волнение. Дорога круто пошла вверх, и вскоре открылись лужайка, пруд и кроны деревьев, густые и черные, как джунгли. Ночной дворецкий открыл ему двери невысокого дома в георгианском стиле и провел в библиотеку, где сэр Джеймс Макрэй стоял перед камином, облаченный в рыжие брюки-гольф. Стол был накрыт для ужина.

— А, Лент, привет. Как чудно, что вы подъехали. Дела, дела, днем и ночью. Какао? Виски? Вот еще пирог с крольчатиной, вкусный. С утра никак не удается поесть. Позвоните, еще какао принесут, вот так, молодец. Да, ну так в чем дело, зачем я вам понадобился?

— Но… мне казалось, что я вам понадобился.

— Да? Очень может быть. Мисс Бентам в курсе. Это ее рук дело. Нажмите вон там на столе кнопку, не затруднит?

Саймон позвонил, и немедленно явилась ноч-

ная секретарша.

— Мисс Бентам, зачем мне понадобился мистер Лент?

— Боюсь, что не могу вам сказать, сэр Джеймс. Мистер Лент был поручен мисс Харпер. Когда я вечером приняла дежурство, от нее была только записка с просьбой устроить это свидание как можно скорее.

— Жаль, — сказал сэр Джеймс. — Придется подождать, пока завтра заступит мисс Харпер.

— По-моему, это было что-то насчет сценария.

— Очень может быть, — сказал сэр Джеймс. — Скорее всего, что-нибудь в этом роде. Незамедлительно вам сообщу. Спасибо, что заскочили. — Он поставил чашку какао и протянул руку с искренним дружелюбием. — Спокойной ночи, мой мальчик. — Он позвонил, и явился ночной дворецкий. — Сэндерс, Бенсону надо будет доставить мистера Лента обратно.

— Сожалею, сэр. Бенсон только что уехал на городскую студию за мисс Гритс.

— Жаль, — сказал сэр Джеймс. — Что ж, придется вам взять такси или что-нибудь в этом роде.

II

Саймон улегся в половине пятого. В десять минут девятого зазвонил телефон на ночном столике.

— Мистер Лент? Говорит секретарша сэра Джеймса Макрэя. Машина сэра Джеймса заедет за вами в половине девятого и подвезет вас на студию.

— Простите, в половине девятого я выехать еще не смогу.

Дневная секретарша потрясенно замолчала, затем сказала:

— Прекрасно, мистер Лент. Я проверю, нельзя ли устроить иначе, и позвоню вам через несколько минут.

Тем временем Саймон снова заснул. Его опять разбудил телефон, и тот же бесстрастный голос адресовался к нему:

— Мистер Лент? Я поговорила с сэром Джеймсом. Его машина заедет за вами в восемь сорок пять.

Саймон торопливо оделся. Миссис Шоу еще не приходила, и позавтракать было нечем. Он нашел в кухонном буфете какой-то черствый пирог и поедал его, когда прибыла машина сэра Джеймса.

Он прихватил с собой ломоть и жевал на ходу.

— Напрасно вы взяли это с собой, — сказал суровый голос из машины. — Сэр Джеймс прислал вам кое-что к завтраку. Быстро садитесь, мы опаздываем.

В углу сиденья куталась в плед молодая женщина в игривой красной шляпке, у нее были живые глаза и очень волевой подбородок.

— Видимо, вы мисс Харпер?

— Нет. Я Эльфреда Гритс. Насколько я понимаю, мы с вами работаем над сценарием. Я была занята всю ночь с сэром Джеймсом. Если вы не против, я посплю минут двадцать. Можете достать термос с какао и кусок пирога с крольчатиной из корзинки на полу.

— Сэр Джеймс всегда пьет какао и ест пироги с крольчатиной?

— Нет, это остатки вчерашнего ужина. Пожалуйста, помолчите. Я хочу спать.

Саймон пренебрег пирогом и налил себе дымящегося какао в металлическую крышечку термоса. В углу мисс Гритс расположилась спать. Она сняла игривую красную шляпку и положила ее на сиденье между ними, смежила синеватые веки и слегка расслабила подобранные губы. Ее непокрытая белокурая голова вздрагивала и

покачивалась с рывками автомобиля, который мчался между сходящимися и расходящимися трамвайными рельсами. Лондон остался позади. Замелькал голый кирпич, и кафельные фасады станций метро сменились бетонными, появились безлюдные строительные площадки и свежепосаженные деревья вдоль еще безымянных шоссе. Ровно за пять минут до прибытия на студию мисс Гритс открыла глаза, припудрила нос, чуть подвела губы и, косо нацепив шляпку, выпрямилась, как стрела, навстречу новому дню.

Сэра Джеймса они застали в гуще дела. В знойно-белом аду, предположительно за ресторанным столиком, нудно и нескончаемо беседовали два юных существа. На заднем плане безжизненно танцевали изможденные парочки числом около дюжины. В другом конце огромного сарая плотники трудились над декорацией усадьбы тюдоровских времен. Люди в козырьках сновали туда-сюда. Отовсюду глядели таблички: «Не курить», «Не разговаривать», «Осторожно! Кабель высокого напряжения».

Тем не менее мисс Гритс закурила сигарету, попутно отшвырнула ногой какой-то электроприбор, сказала: «Он занят. Надо думать, он позовет нас, как только отснимет эту сцену» — и исчезла

в двери с табличкой «Вход воспрещен».

Вскоре после одиннадцати сэр Джеймс заметил Саймона.

— Чудно, что подъехали. Скоро освобожусь, — крикнул он ему. — Мистер Бриггс, стул для мистера Лента.

В два часа он снова заметил Саймона.

— Завтракали?

— Нет, — сказал Саймон.

— Я тоже нет. Сейчас кончаем.

В половине четвертого к нему подошла мисс Гритс и сказала:

— Что ж, пока все спокойно. Не думайте, что мы всегда так лодырничаем. Тут во дворе столовая. Пойдемте перехватим чего-нибудь.

Громадный буфет был полон разодетыми и более или менее загримированными людьми. Безработные актрисы томно разносили чай и яйца вкрутую. Саймон с мисс Гритс заказали сандвичи и только собирались за них приняться, как репродуктор над ними вдруг объявил с угрожающей отчетливостью: «Сэр Джеймс Макрэй просит мистера Лента и мисс Гритс в конференц-зал».

— Ну, быстро, — сказала мисс Гритс.

Она протолкнула его между стеклянными створками, протащила через двор к зданию ди-

рекции и проволокла по лестнице к тяжелым дубовым дверям с табличкой: «Не входить. Идет совещание».

Опоздали.

— Сэра Джеймса вызвали в город, — сказала секретарша. — Он просит вас быть у него в Вест-Энде к пяти тридцати.

Назад в Лондон, в этот раз на метро. В пять тридцать они были в приемной на Пикадилли, готовые к дальнейшим указаниям. Их направили в Хэмпстед. Наконец к восьми они вернулись на студию. Мисс Гритс была свежа и энергична.

— Старикан расщедрился — целый день отгула, — заметила она. — С ним сейчас вообще одно удовольствие работать, не то что было в Голливуде. Давайте-ка поужинаем.

Но только они зашли в столовую и на них приятно пахнуло легкими закусками, как репродуктор снова объявил: «Сэр Джеймс Макрэй просит мистера Лента и мисс Гритс в конференц-зал».

На этот раз они не опоздали. Сэр Джеймс находился во главе овального стола, по кругу от него располагались ответственные лица. Он сидел в пальто, низко свесив голову, упершись локтями в стол и обхватив руками затылок. Все участливо безмолвствовали. Вскоре он поднял глаза, встрях-

нулся и приветливо заулыбался.

— Чудно, что подъехали, — сказал он. — Жаль, не вышло у нас с вами пораньше. Такая работа — уйма всяких мелочей. Обедали?

— Нет еще.

— Зря. Надо питаться, знаете ли. Не будете питаться как следует — не выдержите полной нагрузки.

Затем Саймона и мисс Гритс усадили, и сэр Джеймс изъяснил свой план:

— Я хочу, леди и джентльмены, представить вам мистера Лента. Уверен, что все вы и без меня слыхали это имя, а кто-нибудь из вас знаком и с его творчеством. Так вот, я вызвал его помочь нам и надеюсь, что он согласится сотрудничать с нами, когда услышит, в чем дело. Я хочу экранизировать «Гамлета». Надо полагать, вам эта идея не кажется особенно оригинальной, но в мире кино важно не что, а как. Я думаю сделать это совершенно по-новому. Поэтому я и вызвал мистера Лента. Я хочу, чтобы он написал нам диалоги.

— Понятно, — сказал Саймон, — но ведь диалоги там как будто уже имеются?

— А, я вижу, вы не уловили. Шекспира много ставили в современном платье. Мы его поставим

на современном языке. Как же вы хотите, чтобы публика воспринимала Шекспира, когда у него в диалогах ничего не разберешь? Да я сам на днях заглянул в текст, и будь я проклят, если хоть что-нибудь понял. И тут я себе сказал: «Публике нужен Шекспир во всем богатстве его мыслей и образов, переведенный на нормальный язык». И естественно, мне сразу пришло на ум имя мистера Лента. Многие самые первоклассные критики рекомендовали диалоги мистера Лента. И мне кажется, что мы сделаем так: мисс Гритс будет консультировать мистера Лента, поможет ему с раскадровкой и вообще по части техники дела, а мистеру Ленту мы предоставим полную свободу в написании сценария…

Сообщение продолжалось четверть часа, затем ответственные лица закивали с пониманием дела, Саймона повели в другую комнату и дали ему подписать контракт на пятьдесят фунтов в неделю и двести пятьдесят аванса.

— Советую вам четко определить с мисс Гритс удобные для вас часы работы. Первых результатов буду ждать к концу недели. На вашем месте я бы пошел и пообедал. Надо питаться.

Слегка пошатываясь, Саймон устремился в столовую, которую две томные блондинки закры-

вали на ночь.

— Мы с четырех утра на ногах, — сказали они, — был ужасный наплыв народу, и все съели. Осталась только нуга. К сожалению.

Посасывая ломтик нуги, Саймон пробрался в опустелую студию. С трех сторон в ужасающем жизнеподобии высились четырехметровые мраморные стены декорации ресторана, на столике у локтя Саймона стояла декоративная бутылка шампанского в ведре с подтаявшим льдом, сверху мрачно нависли балки необъятного свода.

«Факты, — сказал себе Саймон, — деятельное существование… пульс жизни… деньги, голод… действительность».

На другое утро к нему постучали со словами: «Две молодые леди хотят вас видеть».

— Две?

Саймон надел халат и вышел в гостиную со стаканом апельсинового сока в руке. Мисс Гритс приветливо кивнула.

— Мы условились начать в десять, — сказала она. — Но это, в общем, не важно. На первых порах вы мне почти не понадобитесь. Это мисс Доукинс. Она наша штатная стенографистка. Сэр Джеймс решил, что она вам пригодится. Мисс Доукинс будет состоять при вас до дальнейших

распоряжений. Сэр Джеймс прислал вам также два экземпляра «Гамлета». Сейчас вы примете ванну, потом я ознакомлю вас с моим черновиком к нашей первой читке.

Но этого не случилось: Саймон не успел еще одеться, как мисс Гритс вызвали на киностудию по неотложному делу.

— Я позвоню вам, когда освобожусь, — сказала она.

Целое утро Саймон диктовал письма всем, кого припомнил, они начинались: «Простите за форму, в которой я уведомляю вас о том, что в настоящее время по причине крайней занятости я не смогу уделять внимание частной переписке…» Мисс Доукинс почтительно строчила в блокноте. Он дал ей номер телефона Сильвии.

— Будьте так добры позвонить по этому телефону и передать мисс Леннокс мои наилучшие пожелания, а также пригласить ее к завтраку в ресторан Эспинозы… И закажите столик на двоих к часу сорока пяти.

— Милый, — сказала Сильвия, когда они встретились, — почему тебя вчера весь день не было дома и что это за голос разговаривал со мной сегодня утром?

— А, это мисс Доукинс, моя стенографистка.

— Саймон, ты не с ума ли сошел?

— Видишь ли, я теперь работаю в кинопромышленности.

— Милый. Возьми меня на работу.

— Ну, в настоящее время я не комплектую штат, но буду иметь тебя в виду.

— Господи. Как ты изменился за два дня!

— Да! — сказал Саймон с чрезвычайным самодовольством. — Да, пожалуй, я изменился. Видишь ли, я впервые соприкоснулся с Действительной Жизнью. Я бросил писать романы. Вообще это была чистая дребедень. Печатное слово отжило — сперва папирус, затем книгопечатание, теперь кино. Писатель больше не может творить в одиночку. Он должен быть на уровне времени, ему, как и пролетарию, полагается еженедельный конверт с заработной платой — хотя, разумеется, моя дорогая Сильвия, разный труд оплачивается по-разному. Вторгаясь в жизнь, искусство тем самым включается в определенные общественные отношения. Кооперация… координация… сплоченные и целенаправленные устремления человеческого сообщества…

Саймон распространялся в том же роде еще довольно долго и поедал тем временем завтрак диккенсовских размеров; наконец Сильвия ска-

зала жалобным голоском:

— А я думаю, ты влюбился в какую-нибудь противную кинозвезду.

— О боже, — сказал Саймон, — нет, только девицы могут изрекать такие пошлости.

Они собрались было начать привычную и нескончаемую перебранку, когда рассыльный передал телефонное извещение, что мисс Гритс желала бы немедленно возобновить работу.

— Значит, вот как ее зовут, — сказала Сильвия.

— Если б ты только знала, как это нелепо, — сказал Саймон, подписывая счет своими инициалами, и удалился, прежде чем Сильвия успела схватить перчатки и сумочку.

Однако он стал любовником мисс Гритс на этой же неделе. Это была ее мысль. Она предложила это как-то вечером у него на квартире за вычиткой окончательной версии первого наброска сценария.

— О нет, — сказал Саймон в ужасе. — О нет. Нет, это никак невозможно. Простите, но…

— В чем дело? Вас не устраивают женщины?

— Устраивают, но…

— Ах, перестаньте, — отрезала мисс Гритс. — Не тратьте попусту драгоценного времени. — Потом, укладывая рукопись в кожаный чемоданчик, она

сказала: — Надо будет заняться этим еще как-нибудь, если выпадет свободная минута. Кроме всего прочего, я нахожу, что с мужчиной проще иметь дело, когда у тебя с ним роман.

III

Три недели Саймон и мисс Гритс — а она и в любовницах оставалась для него мисс Гритс — работали в полном согласии. Его жизнь перестроилась и преобразилась. Он больше не залеживался утром в унылых мыслях о предстоящем дне; он больше не засиживался за ужином в ленивых перекорах с Сильвией; прекратились вялые выяснения отношений по телефону. Его затянуло в беспорядочный круговорот. Днем или ночью его вызывали звонком на совещания, которые обычно отменялись: иногда в Хэмпстед, иногда на студию, однажды на побережье, в Брайтон. Он подолгу работал, расхаживая туда-сюда по своей гостиной; мисс Гритс расхаживала взад-вперед вдоль противоположной стены, а мисс Доукинс послушно усаживалась между ними. Оба диктовали, правили и переписывали свой сценарий. Иногда — ночью или днем — доводилось поесть; увлеченно и по-деловому проходили интимные эпизоды с мисс Гритс. Он поглощал какую-ни-

будь неслыханную и несуразную пищу, проезжая через пригороды на автомобиле сэра Джеймса, или шагая по ковру и диктуя мисс Доукинс, или устраиваясь на безлюдных съемочных площадках — среди сооружений, похожих на памятники, воздвигнутые на случай крушения цивилизации. На мгновение он впадал, как мисс Гритс, в мертвое забытье и иногда, очнувшись, удивленно замечал, что во время сна перенесся на какую-то улицу, к какой-то фабрике или пустырю.

Тем временем фильм взрастал как на дрожжах, что ни день раздаваясь вширь и внезапно изменяясь на сто ладов под самым носом сценаристов. С каждым совещанием история Гамлета поворачивалась по-новому. Мисс Гритс отчетливо и строго оглашала итоги их совместного творчества. Сэр Джеймс сидел, уронив голову на руки, покачиваясь из стороны в сторону, время от времени у него вырывались глухие стоны или всхлипы. Кругом сидели эксперты: режиссура, дирекция, распределители ролей, раскадровщики, оформители и калькуляторы, — у всех блестели глаза, все жаждали привлечь внимание начальства уместным замечанием.

— Что ж, — говорил сэр Джеймс, — я думаю, что хорошо, то хорошо. Ваши предложения, джентль-

мены?

После некоторой паузы эксперты один за другим начинали выкладывать свои соображения.

— Мне кажется, сэр, что ни к чему нам забираться в Данию. Зрителю надоела всякая экзотика. Не обосноваться ли нам в Шотландии и не подключить ли к делу горцев в юбках и сцену-другую со сборищем клана?

— Верно, очень здравое предложение. Запишите там у себя, Лент…

— Я думаю, не лучше ли выбросить из сценария королеву? Правильнее будет, если она умрет до начала действия. Она тормозит события. Да и зритель не потерпит такого обращения Гамлета с матерью.

— Верно, запишите там у себя, Лент.

— А что, сэр, если мы введем призрак королевы, а не короля…

— Вам не кажется, сэр, что правильнее, чтоб Офелия была сестрой Горацио? Как бы тут пояснее выразиться… острее будет конфликт.

— Верно, запишите там у себя…

— По-моему, в конце здесь чересчур накручено. В основе сюжета у нас привидения, и незачем тянуть сюжет…

Таким образом, простая история величествен-

но разрослась. К концу второй недели сэр Джеймс согласился, правда после некоторого обсуждения, что в тот же сценарий просится «Макбет». Саймон воспротивился, но вспомнил о трех ведьмах и не устоял. Название изменили на «Белая леди из Дунсинана», и вдвоем с мисс Гритс они чудесным образом за неделю переписали весь сценарий.

IV

Конец наступил так же внезапно, как и все остальные события этой любопытной истории. Третье совещание состоялось в отеле в Нью-Форесте; эксперты прибыли по срочному вызову поездом, на машинах и на мотоциклах и были утомлены и безучастны. Мисс Гритс зачитала последний вариант, на это ушло время, ибо сценарий был в стадии «беловика», — можно было начинать съемки. Сэр Джеймс сидел в размышлении дольше обычного. Потом он поднял голову и сказал всего-навсего:

— Нет.

— Нет?

— Нет, не пойдет. Все насмарку. Что-то мы далеко отошли от текста. Вообще не понимаю, зачем вам понадобились Юлий Цезарь и король Артур.

— Но сэр, вы же сами их предложили на послед-

нем совещании.

— Неужели? Ну, что ж теперь поделаешь. Значит, я был переутомлен и слегка рассеян… Кстати, мне не нравится диалог. В нем утрачена вся поэтичность оригинала. Зрителю нужен Шекспир, весь Шекспир и ничего, кроме Шекспира. Вот что я вам скажу. Мы отснимем пьесу именно так, как она написана, с протокольной точностью. Запишите там у себя, мисс Гритс.

— Так что в моих услугах вы больше не нуждаетесь? — сказал Саймон.

— Да, пожалуй что не нуждаюсь. Но чудно, что вы подъехали.

На другое утро Саймон проснулся, как обычно, бодр и свеж и собрался было вскочить с постели, как вдруг припомнил события прошлой ночи. Дел не стало. Ему предстоял пустой день. Ни мисс Гритс, ни мисс Доукинс, ни срочных совещаний, ни надиктованных диалогов. Он позвонил мисс Гритс и пригласил ее позавтракать с ним.

— Нет, боюсь, что это никак не выйдет. К концу недели мне нужно раскадровать сценарий Евангелия от Иоанна. Работка не из легких. Снимать будем в Алжире, чтоб воссоздать обстановку. А через месяц — в Голливуд. Думаю, что мы с вами больше не увидимся. До свидания.

Саймон лежал в постели, и энергия его постепенно улетучивалась. Снова безделье. Что ж, подумал он, теперь самое время поехать в деревню дописывать роман. Или съездить за границу? Где-нибудь в тихом солнечном кафе можно будет подумать над этими несчастными последними главами. Да, так он и сделает… вскорости… Скажем, на этой неделе.

Пока что он приподнялся на локте, снял трубку, назвал номер Сильвии и приготовился к двадцатипятиминутному язвительному примирению.

Перевод В. Муравьева

Происшествие в Азании

Азания — большой воображаемый остров у восточного побережья Африки; по характеру и истории является смесью Занзибара и Абиссинии[80]. В финале романа «Черная напасть» местное правительство было свергнуто и установлен протекторат англичан и французов. Многие персонажи перекочевали в данный рассказ из «Черной напасти».

I

Британский клуб в Матоди разительно контрастировал с ютившимися на косогорах бунгало, в которых обитало большинство его членов. Клуб располагался в центре города, на набережной — арабский особняк семнадцатого столетия, массивными белеными стенами окружавший небольшой дворик. Из зарешеченных окон в былые времена женская часть семейства почтеннейшего купца обозревала проезжую улицу; тяжелые двери, усеянные медными шишечками,

---

[80] Notes: 80
Абиссиния — современная Эфиопия.

открывались в густую тень внутреннего двора, где меж корней громадного мангового дерева бил маленький родник, а лестница резного кедра вела в прохладу внутренних покоев.

Привратник-араб в феске и белом платье, вычищенном и накрахмаленном, точно стихарь епископа, и перепоясанном малиновым кушаком, сонно восседал у ворот. Он почтительно встал и поклонился, когда мировой судья мистер Реппингтон и санитарный инспектор мистер Брезертон прошествовали мимо него в бар.

В ознаменование сердечного согласия и совместного правления французские чиновники были приняты в почетные члены клуба, а фотография предыдущего президента Франции («Мы не в состоянии, — сказал майор Лепперидж, — перевешивать фотографии всякий раз, когда лягушатники расквакаются») висела в курительной комнате напротив портрета принца Уэльского; впрочем, за исключением праздничных вечеров, французы редко пользовались своей привилегией. Единственным французским журналом, который выписывал клуб, был «Ля ви паризьен», который в указанный вечер находился в руках коротышки с плебейской внешностью, одиноко сидевшего в плетеном кресле.

Реппингтон и Брезертон раскланивались на ходу:

— Добрый вечер, Грейнджер.

— Добрый вечер, Баркер.

— Добрый вечер, Джаггер.

А затем, понизив голос, но довольно отчетливо, Брезертон поинтересовался:

— Что это за малый вон там в углу с «Ля ви»?

— Зовется Бруксом. Нефть или еще что-то в этом роде.

— Ага.

— Розовый джин?[81]

— Ага.

— Как день прошел?

— Довольно-таки паршиво. Проблемы с осушением крикетного поля. Никакой подпочвы.

— Ага. Паршиво, да.

Бармен, уроженец Гоа, поставил перед ними напитки. Брезертон подмахнул счет.

— Будем здоровы!

— Будем здоровы!

Мистер Брукс по уши погрузился в «Ла ви парижьен».

---

[81] Notes: 81

Розовый джин — коктейль, ставший модным в Англии в середине XIX века, состоит из плимутского джина с примесью ангостуры (темно-красной горькой настойки), которая делает весь напиток розоватым.

Тут вошел майор Лепперидж, и возникло ощутимое напряжение. (Он был командиром местного гарнизона, откомандированным из Индии.)

— Вечер добрый, майор, — (штатские).

— Добрый вечер, сэр, — (военные).

— Добрый. Добрый. Добрый. Фух. Только что набегался по корту с молодым Кентишем. Укрепляющего мне. Джин с лаймом. Кстати, Брезертон, крикетное поле будто куры общипали.

— Я знаю. Нет подпочвы.

— Я и говорю, дело дрянь. Никакой подпочвы. Ну, вы уж постарайтесь, там же есть парни, которые могут помочь. Выглядит ужасно. Плешь на плеши, а посередине огромное озеро.

Майор взял свой джин с лаймом и направился было к стулу, но внезапно приметил мистера Брукса, и его властность разом смягчилась до непривычного дружелюбия.

— Ба, привет, Брукс! Как поживаете? — сказал он. — Рад встретить вас снова. С возвращением! Имел удовольствие видеть вашу дочь в теннисном клубе только что. Моя благоверная спрашивала, не согласится ли она пообедать с нами как-нибудь вечерком? Как насчет вторника? Замечательно! Жена будет в восторге. Доброй

ночи, друзья. Нужно принять душ.

Происшествие было из ряда вон. Брезертон и Риппингтон уставились друг на друга, будто громом пораженные.

Майор Лепперидж как по рангу, так и по личным качествам был влиятельнейшим человеком в Матоди — и конечно же, во всей Азании, если не принимать во внимание верховного комиссара в Дебра-Дове. Непостижима была сама мысль, что Брукс может ужинать у Леппериджей. Брезертон отужинал у них всего раз, а он — правительство как-никак.

— Привет, Брукс, — сказал Риппингтон. — Не увидел вас за вашей прессой. Идите-ка сюда, выпьем.

— И то верно, Брукс, — сказал Брезертон. — Не знал, что вы вернулись. Ну как, повеселились в отпуске? Какие спектакли видели?

— Вы очень добры, но мне нужно идти. Мы прибыли во вторник на «Нгоме». Нет. Я не видел ни одного спектакля. Большую часть времени я провел в Борнмуте.

— По одной на посошок!

— Нет, благодарю вас, честное слово, мне нужно бежать. Дочка будет ждать. Но все равно спасибо. Увидимся.

Дочка?..

II

В Матоди было всего восемь англичанок, считая двухлетнюю дочурку миссис Брезертон, девять, если включить в этот список миссис Макдональд (но никто не включал в него миссис Макдональд: она приехала из Бомбея и множество симптомов выдавали несомненное наличие азиатской крови в ее жилах. К тому же никто доподлинно не знал, кем был мистер Макдональд. Миссис Макдональд держала на окраине города пансион с дурной репутацией под названием «Бугенвиллея»). Все особы брачного возраста уже состояли в браке и влачили жизнь под взаимным присмотром, слишком пристальным и неусыпным для любовных историй. Зато неженатых англичан в Матоде было семеро — трое на государственной службе, трое торговцев и один бездельник, сбежавший в Матоди от своих кенийских кредиторов. (Иногда он туманно упоминал об «озеленении» и «изысканиях», а тем временем каждый месяц получал денежный перевод и день-деньской болтался с приветливым видом в клубе и на теннисных кортах.)

Считалось, что у большинства этих самых холо-

стяков на родине остались девушки; они хранили у себя в комнатах их фотографии, регулярно писали длинные письма, а когда уезжали, то намекали, что из отпуска, скорее всего, вернутся не одни. Но неизменно возвращались в одиночестве. Возможно, в своем безудержном стремлении к сочувствию они слишком мрачными красками рисовали азанийскую жизнь, а может, тропики пагубно подействовали на их мозги…

Как бы то ни было, явление Прунеллы Брукс подняло в английском обществе волну возбуждения. В нормальных обстоятельствах для дочери агента нефтяной компании мистера Брукса выбор должным образом ограничился бы тремя коммерсантами: мистером Джеймсом из компании «Истерн Иксченж Телеграф», а также мистерами Уотсоном и Джаггером из банка, — но Прунелла была девушкой настолько неоспоримых личных преимуществ, что в первый же свой день на теннисном корте, как уже было показано выше, без усилия и даже неосознанно вышла из тени и шагнула прямиком в святая святых — в бунгало Лепперидж.

Миниатюрная и непосредственная, яркая блондинка с нежной, свежей кожей — вдвойне пленительной на фоне иссушенных тропиками

загорелых лиц вокруг; гибкие, юные руки и ноги, личико, светившееся щенячьим восторгом даже от самых пустых шуток; а еще серьезный интерес к мнениям и опыту каждого встречного и поперечного; прирожденная наперсница, она не стремилась стать центром внимания, а скорее была склонна общаться с друзьями наедине, когда в ней нуждались, уделяя каждому свое время; почтительная и очаровательная с замужними дамами; нежная, дружелюбная и слегка кокетливая с мужчинами; ловкая и умелая в играх, но не настолько, чтобы поколебать мужское превосходство; преданная дочь, отказывающая себе в любом удовольствии, которое могло нарушить незыблемый распорядок дома Бруксов: «Нет, я должна идти. Я не могу допустить, чтобы папа вернулся из клуба и не застал меня дома. Я должна его встретить», — такая девушка и вправду могла бы стать светочем и благословением любого форпоста империи. И через несколько дней все в Матоди на разные лады заговорили о своей большой удаче.

Разумеется, первым делом ее должны были экзаменовать и проинструктировать матроны колонии, но она подчинилась обряду посвящения с таким кротким благодушием, словно

и не подозревала об опасностях испытания, уготованного ей миссис Лепперидж и миссис Риппингтон. В глубоких дебрях страны, в не знающих солнечного света потайных чащобах — там, где перекрученный стебель поперек тропы в джунглях, тряпка, развевающаяся на суку, обезглавленная домашняя птица, распростертая на старом пне, отмечали табу, которое не мог преступить ни один мужчина, — женщины сакуйя пели свою первобытную литанию инициации; а здесь, на склоне холма, за чайным столом миссис Лепперидж творилась не менее жуткая церемония. Сначала вопросы: замаскированные и деликатные за чайным пирогом, но ускоряющие свой темп по мере того, как нарастал племенной ритм, а со стола убирали поднос и чайник. Они обрушивались все быстрее и быстрее, как исступленные руки на натянутую коровью шкуру, росли и набухали с первой сигаретой; последовательность настойчивых, властных допросов. На все вопросы Прунелла отвечала с послушной простотой. Вся ее жизнь, воспитание и образование были извлечены на свет, изучены и признаны образцовыми; смерть матери, заботы тетушки, школа при монастыре в пригороде, привившая ей очаровательные манеры, готовность

найти хорошего мужа и обосноваться с ним там, куда призовет его служба; ее вера в узкий семейный круг и европейское образование, увлечение спортом, ее любовь к животным и нежное покровительственное отношение к мужчинам.

Затем, когда она доказала, что достойна этого, настал черед наставлений. Интимные детали здоровья и гигиены, то, что должна знать каждая девушка, общие опасности секса и особые — в тропиках; правильное обращение с остальными обитателями Матоди; этикет по отношению к дамам более высокого ранга, визитные карточки… «Никогда не здоровайтесь за руку с туземцами, какими бы высокообразованными они себя ни мнили. Арабы — другое дело, многие из них почти как джентльмены… не хуже большинства итальянцев, право слово… С индийцами, к счастью, вам не придется встречаться… никогда не позволяйте туземным слугами видеть вас в халате… и будьте крайне внимательны насчет шторы на окне в ванной — туземцы подглядывают… никогда не ходите в одиночку по переулкам — на самом деле вам там совершенно нечего делать… никогда не катайтесь верхом одна за пределами нашего поселка. Было несколько случаев нападения разбойников… вот только в прошлом году

напали на американского миссионера, правда, он был настоящим нонконформистом[82]... мы не должны подвергать себя ненужному риску, таковы наши обязательства перед нашими мужчинами... шайка разбойников под предводительством сакуйя по имени Джоав... майор скоро разделается с этими бандитами — вот только приведет новобранцев в надлежащую форму. Их положение сейчас незавидное... а пока что самое главное правило безопасности — повсюду ходить с мужчиной...

III

И Прунелла никогда не ведала недостатка в провожатых. Шли недели, и для бдительной колонии наконец стало ясно, что ее выбор сузился до двух претендентов: мистера Кентиша, помощника местного комиссара, и мистера Бенсона, младшего лейтенанта местного гарнизона. Это не означало, что она перестала быть неизменно очаровательной со всеми остальными, даже с омерзительным мистером Джаггером и нахлебником, живущим на переводы из дому, но

[82] Notes: 82

Нонконформизм — неприятие существующего порядка и ценностей, и одновременно — течение в англиканской церкви.

разнообразными знаками предпочтения она дала понять, что Кентиш и Бенсон — ее фавориты. Теперь исследование ее невинных романов с обоими претендентами возродило интерес к общественной жизни города. Конечно, у него и до этого было немало развлечений: джимханы[83] и теннисные турниры, танцы и званые обеды, визиты и сплетни, любительская опера и, наконец, церковные базары (впрочем, то были события безрадостные и исполненные осознания долга). Англичане сознавали свое бремя, живя за границей; им нужно было держать марку перед туземцами и их сорадетелями; им надо было о чем-то писать домой; посему они стойко сносили однообразные мероприятия, положенные по статусу. Но с появлением Прунеллы все озарилось новым светом, стало больше вечеринок, больше танцев, все обрело новый смысл. Мистер Брукс, до этого никогда не обедавший вне дома, внезапно стал нарасхват, а поскольку прежняя отчужденность от общества нисколько его не волновала, свою нынешнюю популярность он воспринял

[83] Notes: 83

Джимхана — англо-индийское выражение, происходящее от персидского «Джамат-хана» и широко распространившееся в Британской империи. Первоначально означало «место общего собрания», в описываемое время означало «смешанные спортивные состязания».

как естественный результат дочкиного обаяния — с удовольствием и некоторым смущением. Он осознавал, что вскоре ей захочется выйти замуж, и воспринимал это как неизбежную перспективу собственного возвращения к одиночеству.

Бенсон и Кентиш тем временем шли ноздря в ноздрю сквозь буйство и суматоху азанийской весны, и никто не мог с уверенностью сказать, кто же из них лидирует. Ставки понемногу склонялись в пользу Бенсона, который танцевал с девицей на вечерах Каледонского клуба и клуба игроков в поло, когда разразилось бедствие, потрясшее азанийцев до глубины души. Прунеллу Брукс похитили.

Обстоятельства похищения были туманными и немного сомнительными. Прунелла, которая, как известно, никогда ни на йоту не отступала от постулатов местного кодекса, одна каталась верхом по холмам. Это обстоятельство выяснилось с самого начала дознания, а позднее, на перекрестном допросе, конюх признался, что барышня шалила так уже некоторое время, дважды или трижды в неделю. Ее пренебрежение правилами вызвало в сообществе почти такой же сильный шок, как и само ее исчезновение.

Но худшее было впереди. Однажды вечером в

клубе (мистер Брукс отсутствовал: его популярность за последние несколько дней померкла, а его присутствие создавало болезненную скованность) мужчины без тени смущения обсуждали тайные поездки Прунеллы, и вдруг в разговор ворвался слегка нетрезвый голос.

— Все всплывет, так или иначе, — сказал беглец из Кении. — Так что я могу вам признаться прямо сейчас. Прунелла обычно каталась верхом со мной. Она не хотела, чтобы о нас судачили, так что мы встречались у мусульманских гробниц, на дороге в Дебра-Дову. Я буду скучать по тем вечерам, очень-очень, — продолжил он, и в голосе его слышалась алкоголическая дрожь, — и я в значительной степени виню себя за всё, что случилось. Видите ли, я, должно быть, выпил немного больше, чем следовало, в то утро, а еще стояла сильная жара, так что одно наложилось на другое, и, переодеваясь в бриджи для верховой езды, я заснул и проснулся только после обеда. И возможно, мы больше никогда ее не увидим… — И две громадные слезы скатились по его щекам.

Сие недостойное мужчины зрелище разрядило обстановку, поскольку Бенсон и Кентиш уже начали угрожающе надвигаться на горемыку. Но карать того, кто и так уже погрузился в бездонные

глубины жалости к самому себе, — удовольствие сомнительное, да и строгий голос майора Лепериджа призвал их к порядку:

— Бенсон, Кентиш, не могу сказать, что не сочувствую вам, ребята, и что точно знаю, как бы я сам поступил в подобных обстоятельствах. История, которую мы только что услышали, может быть правдой, а может ею и не быть. В обоих случаях мне кажется, что я знаю, какие чувства мы все испытываем к рассказчику. Но это подождет. У нас будет масса времени все уладить, когда мисс Брукс окажется в безопасности. Это наш первейший долг.

Мобилизованное таким образом общественное мнение вновь сплотилось вокруг Прунеллы, и срочность ее дела была драматически подчеркнута два дня спустя прибытием в американское консульство правого уха баптистского миссионера, ухо было небрежно завернуто в газету и перевязано бечевкой. Мужчины колонии — за исключением, разумеется, кенийского нахлебника — собрались в бунгало Лепериджей и создали комитет обороны — прежде всего, для защиты тех женщин, которые у них еще остались, а во вторую очередь — для спасения мисс Брукс, каких бы лишений и риска оно ни подразумевало.

IV

Первое требование выкупа поступило через посредничество мистера Юкумяна. Английское сообщество уже хорошо знало маленького армянина и в общем-то относилось к нему с приязнью; как славно, что нашелся иностранец, который в такой полноте отвечал их представлениям о том, каким идеальный иностранец должен быть. Два дня спустя после основания Британского комитета защиты женщин он появился в опрятной комнате майора, предварительно испросив приватной аудиенции, — жизнерадостный, пухлый, подобострастный человечек в лоснящемся костюме из альпаки, круглой шапочке на макушке и желтых штиблетах с резинками сбоку.

— Майор Лепперидж, — сказал он, — вы меня знаете; все джентльмены Матоди меня знают. Англичане — мои любимые джентльмены, прирожденные защитники низших рас, не хуже самой Лиги Наций. Слушайте, майор Лепперидж, у меня ушки на макушке, мне все доверяют. Не дело это, что черные мужчины похищают английских леди. Я могу все устроить о'кей.

На вопросы майора Юкумян, с бесконечными увертками и обиняками, пояснил, что через

многочисленных дальних родственников своей жены он наладил связь с неким арабом, одна из жен которого приходилась сестрой сакуйе из банды Джоава, что мисс Брукс в настоящее время находится в безопасности и что сам Джоав расположен обсудить вопрос выкупа.

— Джоав назначил высокую цену, — сказал он. — Он хочет сто тысяч долларов, бронированный автомобиль, два пулемета, сто винтовок и пять тысяч патронов, пятьдесят лошадей, пятьдесят золотых наручных часов, радиоприемник, пятьдесят ящиков виски, полную амнистию и звание почетного полковника азанийского гарнизона.

— Об этом, разумеется, не может быть и речи.

Маленький армянин пожал плечами:

— О, ну, тогда он отрежет ушки мисс Брукс, как отрезал тому американскому священнику. Слушайте, майор, это ужасно нехорошая страна, и я живу в этой проклятой стране уже сорок лет и знаю, что говорю. Я был человек маленький, и я был большой человек в этой стране, и в ней для больших и крошек одни и те же правила. Если местный хочет, чтобы вы ему что-то дали быстро, так дайте, а потом устройте ему адское пекло и отберите все назад. Туземцы — чертовы дураки,

но все они дикие, как звери. Слушайте меня, майор, я делаю лучший виски в Матоди — скотч, ирландский, все марки. В лавке у меня есть чудные наручные часы — не отличишь от золотых. А броневик, лошадки и пулеметы — это по вашей части. Так уладим все дельце пополам, нет?

V

Два дня спустя мистер Юкумян появился на пороге бунгало мистера Брукса.

— Письмо от мисс Брукс, — сообщил он. — Его доставил один сакуйя, я дал ему рупию.

Неряшливые каракули внутри конверта сообщали:

Дорогой папочка!

Сейчас я в безопасности и вполне здорова. Ни в коем случае не выслеживайте посланника. Джоав и его разбойники запытают меня до смерти. Пожалуйста, пришли граммофон и пластинки. Выполни его условия, иначе я не знаю, что случится.

Прунелла

Таково было первое из серии посланий, которые стали приходить каждые два-три дня через посредничество мистера Юкумяна. В основном

они содержали просьбы прислать те или иные личные вещи…

Дорогой папочка!

Не эти пластинки. Нужны те, что с танцевальной музыкой… Пришли, пожалуйста, крем для лица — в баночке из ванной, а еще иллюстрированные журналы… зеленую шелковую пижаму… сигареты «Лаки страйк»… две легкие тиковые юбки и шелковые блузки без рукавов…

Письма были принесены в клуб и прочитаны вслух, и по прошествии нескольких дней напряжение начало спадать и возникло общее ощущение, что драма превратилась в прозу.

— Они обязаны снизить цену. Девушка пока что в безопасности, — объявил майор Лепперидж, авторитетно выразив то, что долгое время невысказанно вертелось в умах сообщества.

Жизнь города начала возвращаться в привычное русло: хозяйственные дела, спорт, сплетни. Прибытие второго уха американского миссионера не вызвало большого шума, разве что мистер Юкумян немедленно раздобыл слуховую трубку и попытался продать ее штаб-квартире миссии. Дамы колонии оставили затворническую жизнь, которую вели, испугавшись поначалу. Мужчины

ослабили пригляд и, как и прежде, засиживались в клубе допоздна.

И тогда случилось нечто, оживившее интерес к пленнице. Сэм Стеббинг обнаружил шифр.

Это был утонченный и сверхобразованный молодой человек, недавно прибывший из Кембриджа, дабы посвятить себя службе в иммиграционном отделе у Грейнджера. С самого начала он проявлял к случившемуся более горячий интерес, чем прочие его коллеги. Две недели изнуряющей жары он просиживал до зари, изучая тексты сообщений Прунеллы. Затем он явился и ошеломил всех сообщением, что письма были зашифрованы. Система, с помощью которой он это распознал, была далеко не из простых. Он был готов растолковать ее в подробностях, но слушатели неизменно теряли нить, упускали доводы и довольствовались результатом…

— Видите ли, если перевести это на латынь, то получается анаграмма между первым и последним словом первого сообщения и вторым и последним словом третьего, если считать с середины. Бьюсь об заклад, это сбило разбойников с толку…

— Да, старина. К тому же никто из них вообще не умеет читать…

— Затем в четвертом сообщении возвращаемся к первоначальной системе, берем четвертое слово, но с конца…

— Да-да, я понял. Не надо дальше объяснять. Просто скажи нам, что там на самом деле сказано.

— Там сказано: «С КАЖДЫМ ДНЕМ СМЕРТЬ ВСЕ ЖИЖЕ», — тут ее система дала сбой, видимо, не «жиже» а «ближе». Потом я не смог расшифровать слово «ПЛЗГФ», бедняжка, несомненно, находилась в сильном возбуждении, когда писала это, а в конце значится: «УПОВАЮ НА МОЕГО КОРОЛЯ».

В целом это был настоящий триумф. Мужья принесли новость женам:

— Стеббинг чертовски изобретательно все это расшифровал. Не стану утруждаться, вдаваясь в подробности, ты все равно не поймешь. В любом случае результат ясен как день. Мисс Брукс в ужасной опасности. Мы все должны что-нибудь сделать.

— Кто бы мог подумать, что малышка Прунелла такая находчивая…

— А я всегда говорила, что у этой девочки есть голова на плечах.

VI

Новость об этом открытии облетела новостные агентства всего цивилизованного мира. Поначалу похищение вызвало огромное внимание. В течение двух дней сообщение о нем появлялось на первой полосе, с портретом, затем на развороте — тоже с портретом, и наконец — на третьей странице «Эксцесса», по мере того как история становилась день ото дня менее тревожной. Шифр дал истории новое дыхание. Портрет Стеббинга появился на первой странице. Газета предложила десять тысяч фунтов для выкупа, и звезда журналистики спустилась с небес на аэроплане, чтобы вести переговоры и сделать о них репортаж.

Это был крепкий молодой человек родом из Австралии, и с его появлением все завертелось с большим размахом. Проглотив свою обычную враждебность к прессе, обитатели поселения приняли его в клуб и заполнили его досуг коктейлями и теннисными состязаниями. Он даже узурпировал место Лепериджа в качестве авторитета по общемировым вопросам.

Однако его пребывание было кратким. В первый день он взял интервью у мистера Брукса

и всех важных лиц городка и телеграфировал трогательную «человечную» историю о том, как Прунелла стала сердцем поселения. С этого дня для почти трехмиллионной читательской аудитории мисс Брукс стала просто Прунеллой. (Журналисту не удалось встретиться лишь с одной местной знаменитостью. Бедный мистер Стеббинг занемог, получив тепловой удар, и был отправлен морем на лечение в Англию в крайне расстроенном состоянии нервов и разума.)

На второй день репортер интервьюировал мистера Юкумяна. Они засели с бутылочкой мастики за круглый стол позади прилавка в магазинчике мистера Юкумяна в десять утра. Было уже три часа пополудни, когда репортер вышел на белую пыльную жару, но своего он добился. Мистер Юкумян пообещал отвести его в разбойничий лагерь. Оба поклялись хранить все в тайне. К закату весь Матоди обсуждал предстоящую экспедицию, но журналиста никто не смущал расспросами. В тот вечер он сидел один, печатая отчет о том, что, как он предполагал, произойдет на следующий день.

Он описал выступление на заре: «Серый свет занимается над осиротевшим поселением Матоди… верблюды фыркают и натягивают поводья…

множество горестных англичан, для которых солнце означает лишь завершение еще одной ночи безнадежного созерцания… серебряные рассветные лучи врываются в комнатку Прунеллы, скользят по откинутому покрывалу на кровати — таким она оставила его в тот роковой день…» Он описал подъем в горы, где «…роскошная тропическая растительность уступает место бесплодному кустарнику и голым скалам…». Описал, как «посланец разбойников завязал ему глаза и как он, покачиваясь на спине верблюда, ехал в неизвестность, объятый мраком. А затем, спустя, казалось, вечность, — остановка… повязку долой… разбойничий лагерь… двадцать пар безжалостных восточных глаз поверх жуткого вида винтовок…». Тут он вынул лист из печатной машинки и внес исправление. Разбойничье логово должно находиться в пещере, «усеянной костями и шкурами»… Джоав, атаман разбойников, сидел на корточках во всем своем варварском великолепии, держа на коленях меч, украшенный драгоценными каменьями. И наконец, кульминация рассказа — Прунелла связана. Какое-то время он лелеял идею ее раздеть и начал было ковать словесное изображение девического тела, сжавшегося в полумраке, подобно Андромеде.

Но благоразумие возобладало, и он удовольствовался «ее прекрасным, стройным станом, перетянутым пеньковой веревкой, впившейся в юные лодыжки и запястья...». Заключительный абзац он посвятил тому, как внезапно отчаяние растаяло в ее глазах, уступив место надежде, когда он сделал шаг вперед, протягивая выкуп атаману, и «...от имени „Дейли эксцесс“ и народа Великобритании вернул ей достояние свободы».

Закончил он уже поздно ночью, зато спать лег с чувством глубочайшего удовлетворения, а наутро, прежде чем отправиться с мистером Юкумяном в горы, сдал рукопись в «Восточную телеграфную компанию».

Экспедиция ни в малейшей степени не походила на то, что он описал в своем повествовании. После плотного завтрака в уютной атмосфере они выступили, провожаемые большинством англичан и многими жителями французской общины. Все желали им удачи. Однако вместо поездки верхом на верблюдах они отправились на малыше-«остине» мистера Кентиша. Не добрались они и до логова Джоава. Отъехав не более десяти миль, они увидели девушку, идущую в одиночестве по дороге им навстречу. Выглядела она не слишком опрятно, особенно это касалось

прически, но во всем остальном демонстрировала все признаки крепкого здоровья.

— Мисс Брукс, я полагаю? — спросил журналист, бессознательно следуя известному прецеденту. — Но где же разбойники?

Прунелла вопросительно посмотрела на мистера Юкумяна, а тот, стоя в нескольких шагах позади, энергично затряс головой.

— Это британский писучий джентльмен из газеты, — пояснил тот. — Он знакомец всех джентльменов в Матоди. Он имеет тысячу фунтов для Джоава.

— Что ж, тогда ему лучше поостеречься, — сказала мисс Брукс. — Разбойники повсюду вокруг нас. О, вы их, конечно, не видите, но я могу побиться об заклад, что пятьдесят стволов целятся в нас прямо сейчас из-за холмов, валунов и прочего. — Она взмахнула загорелой рукой, широким жестом охватив безмятежный с виду пейзаж. — Надеюсь, выкуп вы доставили в золоте?

— Все здесь, на заднем сиденье машины, мисс Брукс.

— Великолепно. Но боюсь, Джоав не пустит вас в свое логово, так что мы с вами подождем здесь, а Юкумян отвезет выкуп в горы.

— Но послушайте, мисс Брукс, моя газета вло-

жила уйму денег в эту историю. Я должен увидеть логово.

— Я сама все расскажу вам о нем, — пообещала Прунелла. Сказано — сделано. — Там три хижины, — начала она ровным и мягким голосом, опустив глаза и скрестив руки, будто повторяла урок, — самая тесная и мрачная служила мне темницей.

Репортер беспокойно поежился.

— Хижины, — сказал он. — У меня сложилось впечатление, что это должны быть пещеры.

— Так и есть, — сказала Прунелла. — На местном наречии «хижина» означает «пещера». День и ночь меня сторожили два льва на цепи. Глаза их сверкали, я чувствовала их зловонное дыхание. Цепи их были такой длины, что, пока я лежала совершенно неподвижно, я была для них недосягаема, но стоило мне пошевелиться… — Она умолкла и слегка содрогнулась.

К тому времени, когда вернулся Юкумян, у журналиста уже был готов материал для новой эффектной истории на первой полосе.

— Джоав отдал приказ убрать снайперов, — объявила Прунелла, шепотом посовещавшись с армянином. — Теперь путь безопасен, мы можем уехать.

Они сели в автомобильчик и без приключений вернулись в Матоди.

VII

Осталось рассказать самую малость. Город воспринял возвращение Прунеллы с горячим энтузиазмом, а власти устроили в ее честь официальный прием в следующий же вторник. Журналист сделал множество фотографий, описал сцену возвращения домой, взволновавшую британскую общественность до глубины души, и вскоре улетел на своем аэроплане, чтобы получить поздравления и поощрения в редакции «Дейли эксцесс».

Ожидалось, что теперь Прунелла сделает наконец выбор между Кентишем и Бенсоном, но в этом удовольствии колонии было отказано. Напротив — разведка донесла огорчительную весть, что она возвращается в Англию. Казалось, свет, озарявший жизнь азанийцев, померк, и, вместо того чтобы, как водится, пожелать ей доброго пути, вся колония накануне ее отбытия проявляла сдержанность — почти негодование, — словно своим отъездом Прунелла совершала неслыханное предательство. «Эксцесс» посвятила ее возвращению коротенькую заметку, озаглав-

ленную «ОТЗВУКИ ДЕЛА О ПОХИЩЕНИИ», но в остальном она, похоже, благополучно ускользнула от внимания публики. Стеббинг — бедняга — был вынужден уволиться со службы. Рассудок его, похоже, навсегда повредился, и с тех пор он проводил свои дни — без вреда, но и безо всякой пользы — в частном приюте, выискивая скрытые сообщения в «Железнодорожном справочнике Брэдшоу». Даже в Матоди все реже вспоминали похищение.

Как-то раз, шесть месяцев спустя, Лепперидж и Брезертон сидели в клубе за вечерним бокалом розового джина. Вокруг все только и говорили что о разбойниках, потому что в то самое утро у ворот баптистской миссии было найдено лишенное рук и ног тело очередного американского проповедника.

— Это одна из проблем, которые нам придется решать, — сказал Лепперидж. — Повод к действиям. Я собираюсь составить подробный отчет обо всем этом.

Мимо них прошел мистер Брукс, направляясь к своему уединенному обеденному столику; теперь он редко захаживал в клуб — нефтяное агентство неуклонно процветало, заставляя его допоздна сидеть за рабочим столом. Он не помнил о своей

недолгой популярности и не сожалел о ней, однако Лепперидж при встрече всегда относился к нему с виноватой сердечностью.

— Вечер добрый, Брукс. Есть новости от мисс Прунеллы?

— Да, кстати сказать, как раз сегодня она сообщила мне, что вышла замуж.

— Что ж, рад за нее… Надеюсь, вы счастливы. Кто-то из знакомых?

— Да, я счастлив в некотором смысле, хотя, конечно, я буду по ней скучать. Этот тот парень из Кении, который жил здесь одно время. Помните его?

— Ах да, тот самый? Ну-ну… Передавайте дочери наше «салам», когда будете ей писать.

Мистер Брукс сошел по лестнице в тихий и душистый вечер. Лепперидж и Брезертон остались совершенно одни. Майор наклонился к собеседнику и заговорил хрипловатым, доверительным тоном:

— Послушайте, Брезертон. Вот что я вам скажу: я давно уже об этом задумываюсь, строго между нами, разумеется. Не кажется ли вам, что у этого похищения есть некий сомнительный душок?

— Душок, сэр?

— Душок.

— Кажется, я понимаю, о чем вы, сэр. Ну, кое-кто из нас в последнее время задумывался…

— Вот именно.

— Конечно, ничего определенного. Просто, как вы и сказали, некий сомнительный душок.

— Именно… Слушайте, Брезертон. Думаю, вы могли бы передать всем, что это не тема для обсуждения. Моя благоверная оповестит о том же дам…

— Конечно, сэр. Это не то, о чем хочется болтать… Я имею в виду арабов и лягушатников.

— Именно так.

Повисла еще одна долгая пауза. Наконец Лепперидж поднялся, чтобы уйти.

— Я виню себя, — произнес он. — Мы сильно ошиблись насчет этой девушки. Мне следовало быть прозорливее. В конце концов, когда все уже сказано и сделано, Брукс прежде всего коммерция-валла[84].

Перевод Е. Калявиной

---

[84] Notes: 84

Коммерция-валла — калька с арабского; здесь: знаток коммерции.

Бал Беллы Флис

Баллингар расположен в четырех с половиной часах езды от Дублина, если успеть на ранний поезд со станции Бродстон, и в пяти часах с четвертью, если выехать пополудни. Это торговый центр большого и сравнительно густонаселенного района. Здесь имеется красивая протестантская церковь в готическом стиле 1820 года постройки по одну сторону площади, а напротив — огромный недостроенный католический собор, задуманный в той безответственной мешанине архитектурных стилей, которая столь мила сердцу заморских пиетистов[85]. Ближе к границам площади латинский алфавит на фасадах магазинов постепенно вытесняется подобием кельтского письма. Все они торгуют одними и теми же товарами разной степени ветхости. И «Лавка Муллигана», и «Лавка Фланнигана», и «Лавка Райли» — в каждой продаются грубые черные башмаки, подвешенные в связках, мылкий колониальный сыр, скобяные товары и галан-

[85] Notes: 85

Пиетизм — реформаторское движение; протестанты бурно возмущались излишней пышностью католических церквей.

терея, растительное масло и конская упряжь, и каждая имеет лицензию на продажу эля и портера для употребления внутри или «навынос». Остов казарм стоит с зияющими оконными рамами и почерневшим нутром, словно памятник эмансипации. На почтовом ящике кто-то вывел дегтем надпись: «Папа римский — предатель». Типичный ирландский городок.

Флистаун находится в пятнадцати милях от Баллингара, на прямой ухабистой дороге, пролегающей через типичную ирландскую глубинку. Призрачные фиолетово-пурпурные холмы вдалеке, а между ними и дорогой, по одну ее сторону, едва видимые сквозь клочья белого тумана, непрерывные мили болот, усеянных кое-где штабелями нарезанного торфа. С другой стороны дороги почва поднимается к северу, неравномерно разделенная валами и каменными стенами на пустые поля, на которых гончие Баллингара проводят свои самые насыщенные событиями охоты. Все устилает мох. Грубым зеленым ковром на стенах и валах, мягким зеленым бархатом на древесине — он размывает границы, и невозможно понять, где заканчивается земля и начинается ствол или каменная кладка. На всем протяжении от Баллингара расположена череда беленых хи-

жин и около дюжины довольно внушительных фермерских домов. Но господский дом находится не здесь, поскольку все это было собственностью Флисов во времена, предшествующие Земельной комиссии[86]. Поместная земля — это все, что нынче принадлежит Флистауну и сдается под пастбища окрестным фермерам. Несколько грядок составляют небольшой огород за каменным забором. Остальное пришло в упадок — колючий кустарник, лишенный съедобных плодов, разросся среди сорных, постепенно дичающих цветов. Оранжереи и теплицы вот уже десять лет как превратились в продуваемые сквозняками скелеты. Внушительные ворота в георгианском арочном портале постоянно заперты на висячий замок, сторожки и флигели заброшены, а полоса главной подъездной аллеи еле видна в густой траве. К дому можно подобраться через ферму в полумиле отсюда, по тропе, унавоженной скотом.

Но сам дом в то время, о котором мы повествуем, находился в относительно хорошем состоянии — если сравнивать его с Баллингар-Хаусом, зам-

---

[86] Notes: 86

Земельная комиссия была создана в 1881 году как единый орган по установлению арендной платы согласно Закону о земле, также известному как Второй Закон о земле Ирландии. В течение столетия эта организация отвечала за перераспределение сельскохозяйственных угодий на большей части территории Ирландии.

ком Бойкотт или Нод-Холлом. Ему, конечно же, не соперничать с Гордонтауном, где американка леди Гордон провела электричество, установила центральное отопление и лифт, или с Мок-Хаусом, или с Ньюхиллом, которые были сданы в аренду щеголеватым и спортивным англичанам, или с Касл-Мокстоком, с тех пор как лорд Мокосток унизился до неравного брака. Эти четыре поместья с аккуратно просеянным гравием на дорожках, ванными и динамо-машинами были как достопримечательностями, так и темой для шуток по всей стране. Но Флистаун, выдержав честную конкуренцию с истинно ирландскими домами Свободного государства[87], был более чем пригоден для жизни.

Крыша была цела, а именно крыша определяет разницу между вторым и третьим классами ирландских сельских домов. Стоит ей прохудиться, и вот уже у вас мох в спальне, папоротники на лестнице и коровы в библиотеке, и через несколько лет вам придется перебраться жить на маслобойню или в одну из сторожек. Но покуда у ирландца — в буквальном смысле — есть крыша над головой, его дом остается его крепо-

[87] Notes: 87

Ирландское Свободное государство — официальное название Ирландии в 1932–1937 годах.

стью. Были слабые стороны и у Флистауна, но общее мнение сводилось к тому, что свинцовые пластины кровли протянут еще лет двадцать и, безусловно, переживут нынешнюю владелицу.

Мисс Аннабель Рошфор Дойл Флис — назовем ее полным именем, под которым она указана в справочниках, хотя всей округе она была известна как Белла Флис, — была последней представительницей своего семейства. Флисы да Флейсеры проживали в Баллингаре и окрестностях со времен Стронгбоу[88], и фермерские строения отмечали места их обитания в укрепленном форте за два столетия до нашествия всяких Бойкоттов, Гордонов и Мокстоков. В бильярдной висело фамильное древо, еще в девятнадцатом веке завизированное Геральдической палатой. Оно демонстрировало, каким образом изначальный род слился с не менее древними Рошфорами и респектабельными, хотя и более поздними Дойлами. Нынешний дом приобрел свои экстравагантные очертания в середине восемнадцатого столетия, когда семейство хоть и несколько ослабело, однако еще не утратило богатства и влияния. Было бы утомительно прослеживать его постепенный

[88] Notes: 88

Стронгбоу — родовое имя нескольких правителей Лагена (совр. Лейнстер) — древнего королевства на востоке Ирландии.

упадок, достаточно сказать, что виной тому было не героическое распутство. Просто Флисы незаметно беднели, как беднеют семьи, которые не прилагают никаких усилий, чтобы поддержать себя. В последних поколениях тоже проглядывали черты эксцентричности. Например, мать Беллы Флис — О'Хара из Ньюхилла — от первого дня замужества и до самой смерти своей страдала заблуждением, что она негритянка. Ее брат, от которого она получила наследство, посвятил себя живописи. Его мысли были заняты незатейливой темой убийства, и ко времени своей смерти он запечатлел на картинах практически все исторические эпизоды на эту тему от Юлия Цезаря до генерала Уилсона. Он работал над картиной, изображением собственного убийства, во время смуты, когда его подкараулили и застрелили из дробовика на его же подъездной аллее.

Именно под одной из картин кисти брата — «Авраам Линкольн в своей театральной ложе» — сидела Белла Флис тем бесцветным ноябрьским утром, когда ее осенила идея устроить рождественскую вечеринку. Подробно описывать внешность мисс Флис нет необходимости — это бы только сбило с толку, поскольку наружность по большей части противоречила чертам

ее характера. Ей было за восемьдесят, была она очень неопрятна и очень румяна. Седые волосы были скручены на затылке в узелок, выбившиеся тонкие прядки свисали вокруг щек. Нос у нее был внушительный, с голубыми прожилками, а глаза — млечно-голубые, пустые и безумные. Улыбалась она задорно, а выговор выдавал ирландку. Она ходила, опираясь на палку, охромев много лет назад, когда лошадь протащила ее по камням на исходе долгого дня, проведенного с баллингарскими гончими. Подвыпивший охотничий лекарь довершил ущерб, и она больше уже не могла ездить верхом. Она присутствовала на охоте, передвигаясь пешком, наблюдая за собаками, прочесывающими звериные логовища, и громко критикуя поведение охотников, однако с каждым годом друзей становилось все меньше; появлялись какие-то странные лица.

Они знали Беллу, хотя она их не знала. Среди соседей она стала притчей во языцех, драгоценным посмешищем.

— Паршивый денек, — говаривали они. — Мы нашли лису, но почти тут же ее упустили. Зато видели Беллу. Интересно, как долго старушенция еще протянет? Ей же, наверное, почти девяносто. Мой папаша помнит, как она охотилась, но все

тоже давно быльем поросло.

Саму Беллу, конечно же, перспектива грядущей смерти занимала все больше с каждым днем. Прошлой зимой — за год до описываемых событий — она серьезно захворала. Оправилась только в апреле, щеки ее были румяны, как и прежде, но двигалась и соображала она куда медленнее. Она дала указания относительно ухода за могилами отца и брата, а в июне совершила беспрецедентный шаг — пригласила в гости своего наследника. До сих пор она категорически не желала видеть этого молодого человека. Это был англичанин, очень дальний кузен по фамилии Бэнкс. Он жил в Южном Кенсингтоне и работал в музее[89]. Он приехал в августе и писал длинные и весьма забавные письма об этом визите всем своим друзьям, а затем из этих впечатлений сложился небольшой рассказ для журнала «Спектейтор». Белла невзлюбила его, едва он ступил на порог. У него были очки в роговой оправе и голос как у диктора с радио Би-би-си. Почти целыми днями он фотографировал каминные полки Флистауна и лепнину над дверными проемами. Однажды он заявился к Белле, сгибаясь под тяжестью стопки

[89] Notes: 89

Имеется в виду Британский музей — центральный историко-археологический музей Великобритании и один из крупнейших музеев мира.

томов в переплетах из телячьей кожи, обнаруженных им в библиотеке.

— Слушайте, а вы знали, что у вас есть эти книги? — спросил он.

— Знала, — соврала Белла.

— И всё первые издания! Они, наверное, необычайно ценные.

— Поставь их туда, откуда взял.

Позднее, благодаря ее за приглашение в гости в письме, к которому прилагались некоторые сделанные им фотографии, он снова упомянул эти книги. И Белла задумалась. С какой стати этот молодой щенок будет рыскать по дому и всему назначать цену? Она еще не умерла, думала Белла. И чем больше она об этом думала, тем отвратительнее становился ей Арчи Бэнкс. Подумать только, он отвезет ее книги в Южный Кенсингтон, поснимает ее каминные доски и, чего доброго, выполнит свою угрозу и напишет эссе о ее доме для «Аркитектурал ревю»! Она часто слышала, что эти книги дорого стоят. Что ж, в библиотеке книг кучи, и с какой стати Арчи Бэнкс должен на них нажиться? И она написала букинисту из Дублина. Тот приехал, осмотрел библиотеку и какое-то время спустя предложил ей тысячу двести фунтов за всё или тысячу за те

шесть книг, что приглянулись Арчи Бэнксу. Белла сомневалась, что имеет право продавать вещи из дому, полную распродажу могли бы заметить. Посему она сохранила проповеди и книги по военной истории, составлявшие львиную долю коллекции. Дублинский букинист укатил с первыми изданиями, которые в конечном итоге принесли даже меньше, чем он за них отдал, а Белла осталась в канун зимы с тысячей фунтов на руках.

Вот тогда-то ей и вздумалось устроить прием. В окрестностях Баллингара всегда хватало праздничных вечеринок на Рождество, но в последние годы Беллу ни на одну из них не приглашали — отчасти потому, что многие соседи ни разу с ней и словом не обмолвились, отчасти потому, что она и сама вряд ли захотела бы прийти, а если бы и пришла, то никто не знал бы, что с ней делать. А между тем Белла любила праздники и балы. Любила сидеть за ужином в шумной комнате, любила танцевальную музыку, любила посудачить о хорошеньких девушках и о тех, кто в них влюблен, любила выпивку и всякие вкусные штуки, которые приносили ей мужчины в розовых ливреях. И хотя она и пыталась утешиться презрительными размышлениями о

происхождении хозяек, ей было досадно слышать об очередном соседском празднике, на который ее опять не пригласили.

Вот так, сидя с «Айриш таймс» под картиной с Авраамом Линкольном и пристально глядя сквозь голые деревья в парке на отдаленные холмы, Белла и решила закатить вечеринку. Она немедленно поднялась с кресла и проковыляла через комнату к звонку. Вскоре в маленькую столовую явился ее дворецкий; на нем был зеленый передник, в котором он обычно чистил серебро, а щетка для тарелок в его руках подчеркивала несвоевременность вызова.

— Вы, что ли, изволили трезвонить? — спросил он.

— Я, а кто же еще?

— Но я при серебре!

— Райли, — произнесла Белла с некоторой торжественностью в голосе. — Я собираюсь устроить рождественский бал.

— Вот те на! — сказал дворецкий. — И с чего это вам вздумалось плясать в ваши-то лета?

Но по мере того как Белла обрисовала свою идею, в глазах Райли загорелся сочувственный огонек.

— Да таких балов в наших краях не бывало уже

двадцать пять лет. Такой бал будет стоить целое состояние.

— Он будет стоить тысячу фунтов, — гордо сообщила Белла.

Грянули приготовления — необходимые и грандиозные. В деревне были рекрутированы семеро новых слуг, чтобы все отмыть и отполировать, вычистить мягкую мебель и выбить ковры. Их усердие только вскрыло новые беды: гипсовая лепнина, давно уже пришедшая в негодность, крошилась под перьевыми метелками, а изъеденные червями половицы красного дерева поднимались вместе с гвоздями; голые кирпичи выглядывали из-за шкафов в главной гостиной. Вторая волна нашествия принесла с собой маляров, обойщиков и лудильщиков, и в приступе энтузиазма Белла позолотила наново карниз и капители колонн в зале. В окна вставили стекла, перила водрузили в зиявшие гнезда, а ковер на лестнице передвинули так, чтобы истертые полосы не слишком бросались в глаза.

И посреди всех этих трудов и хлопот Белла была неутомима. Мелкими шажками она сновала из гостиной в холл, по всей длинной галерее, вверх по ступеням, напутствуя наемных слуг, помогая с наиболее легкими предметами обстановки,

скользя, когда пришло время, по половицам красного дерева в гостиной, где надо поработать «французским мелом»[90]. Она отперла сундуки с фамильным серебром на чердаке, отыскала давным-давно позабытые фарфоровые сервизы, спустилась вместе с Райли в погреба, чтобы пересчитать залежавшиеся там несколько бутылок шампанского — теперь уже негодного и забродившего. А вечерами, когда измученные работники физического труда уходили отдохнуть и предаться своим мужланским забавам, Белла просиживала допоздна, листая страницы поваренных книг, сравнивая цены конкурирующих поставщиков провизии, сочиняя длинные и подробные письма агентам танцевальных оркестров и, самое главное, составляя список гостей и надписывая пригласительные открытки с гравировкой, двумя внушительными стопками возвышавшиеся у нее в секретере.

Расстояние в Ирландии мало что значит. Люди охотно проедут три часа, чтобы нанести послеполуденный визит, а уж ради столь знаменательного бала никакая поездка не покажется чересчур

[90] Notes: 90

Французский мел — порошок на основе талька, который использовался для устранения скрипа деревянных половиц и уменьшения их скользкости.

долгой. Не без мучений Белла завершила свой список с помощью подручных справочных материалов, более современных светских познаний Райли и собственной внезапно оживившейся памяти. Бодро, ровным школьным почерком она переписала фамилии и имена на открытки и подписала конверты. Работа эта стоила ей нескольких бдений допоздна. Многие из тех, чьи имена были переписаны, уже умерли или были прикованы к постели; кое-кто из тех, кого она помнила еще младенцами, уже приближались к пенсионному возрасту в разных уголках земного шара; от многих домов по указанным ею адресам после смуты остались только почерневшие остовы — их так никогда и не отстроили заново, в других домах «никто не проживал, кроме фермеров-арендаторов»[91]. Но рано или поздно всё кончается, вот и последний конверт был подписан — хотя скорее поздно, чем рано. Пришлось потратить время на приклеивание марок — и позже, чем обычно, она поднялась из-за стола. Руки и ноги у нее затекли, глаза слезились, язык облепил клей почтового министерства Свободного государства. Чувствуя легкое головокружение,

[91] Notes: 91
Пометка в почтовом справочнике.

она тем не менее заперла стол с осознанием, что исполнила самую серьезную часть работы по подготовке праздника. Несколько весьма заметных и преднамеренных исключений было сделано в этом списке.

* * *

— Что это за вечеринка у Беллы Флис, о которой все только и говорят? — спросила леди Гордон у леди Мокстон. — Я не получала приглашения.

— Я тоже пока не получила. Надеюсь, старая кошелка не забыла обо мне. Я пойду обязательно — никогда не бывала внутри этого дома, уверена, у нее там найдется немало премиленьких вещиц.

С истинно английской сдержанностью леди, чей муж арендовал Мок-Холл, ничем не выдала, что ей известно о назревающем празднике во Флистауне.

Настали последние дни, которые Белла посвятила своей внешности. За последние несколько лет она купила очень мало одежды, да и дублинская портниха, с которой она обычно имела дело, закрыла свое ателье. Какое-то безумное мгновение Белла лелеяла идею съездить в Лондон или

даже в Париж, и только соображения времени заставили ее отказаться от путешествия. В конце концов она отыскала магазин, который ее устроил, и купила великолепнейшее платье из малинового атласа, а к нему — длинные белые перчатки и атласные туфли. Тиары — увы! — не имелось среди ее драгоценностей, зато она извлекла на свет огромное количество ярких, неописуемо викторианских перстней, несколько цепочек с кулонами, жемчужные броши, бирюзовые серьги и гранатовое ожерелье. Она вызвала из Дублина куафера, чтобы тот сделал ей прическу.

В день бала она проснулась чуть свет, слегка дрожа от нервного возбуждения, и ворочалась в постели, беспокойно прокручивая в голове малейшие подробности приготовлений, пока к ней не постучались. До полудня она должна была проследить за установкой сотен свечей в люстры бального зала и гостиной, а также в три огромных канделябра из граненого уотерфордского стекла. Она осмотрела столы, уставленные серебром и бокалами, и массивные ледники с вином у буфета. Она помогла украсить хризантемами лестницу и холл. В тот день она отказалась от ланча, хотя Райли уговаривал ее отведать образцы дели-

катесов, которые уже доставили из магазина. Она почувствовала легкую дурноту, прилегла ненадолго, но вскоре собралась с силами, чтобы собственноручно пришить гербовые пуговицы на ливреи наемных лакеев.

В приглашениях было указано время — восемь часов вечера. Белла немного призадумалась — она слыхала россказни о вечеринках, начинавшихся очень поздно, — но день тянулся невыносимо долго, и густые сумерки обволокли дом, и Белла порадовалась, что установила недолгий срок этому изнурительному ожиданию.

В шесть она пошла наверх одеваться. Парикмахер был уже на месте с полной сумкой щипцов и гребешков. Он расчесывал и завивал ей волосы, взбивал их и вообще всячески обрабатывал, пока они не легли в аккуратную, строгую и куда более пышную, нежели обычно, прическу. Белла надела все украшения и, стоя перед огромным зеркалом в своей комнате, не удержалась от изумленного вздоха. Затем она спустилась в зал.

Дом смотрелся великолепно в ярком свете свечей. Оркестр был уже на месте, как и двенадцать лакеев, и Райли в бриджах и черных чулках.

Пробило восемь. Белла ждала. Никто не приехал.

Она села в золоченое кресло на верхней площадке лестницы и уставилась перед собой пустыми голубыми глазами. В холле, в гардеробной, в обеденном зале наемные лакеи переглядывались и перемигивались: «А что эта старушенция себе думала? Никто не заканчивает ужин раньше десяти».

Распорядители на крыльце притопывали и потирали руки.

В половине одиннадцатого Белла встала с кресла. По лицу ее невозможно было понять, о чем она думает.

— Райли, я, пожалуй, поем. Что-то я не совсем хорошо себя чувствую. — Она медленно проковыляла в обеденный зал. — Подай мне фаршированную перепелку и бокал вина. Да вели оркестру играть.

Вальс «Голубой Дунай» хлынул и наполнил собой дом. Белла одобрительно улыбнулась, слегка покачивая головой в такт.

— Райли, а я и в самом деле проголодалась, ведь ни крошки за весь день во рту не было. Положи мне еще одну перепелку и налей еще шампанского.

В одиночестве, среди свечей и наемных лакеев, Райли подавал своей госпоже роскошный ужин.

Она вкушала его, наслаждаясь каждым глотком, каждым кусочком.

Наконец Белла встала.

— Боюсь, произошла какая-то ошибка. Никто, похоже, не приедет на бал. Это очень печально — после всех наших хлопот. Можешь сказать музыкантам, пусть едут домой.

Но как раз когда она выходила из обеденного зала, в холле послышался какой-то шум. Это явились гости. С дикой решимостью Белла бросилась наверх по ступеням. Она должна оказаться на самом верху прежде, чем объявят гостей. Одной рукой хватаясь за перила, другой опираясь на палку, с выскакивающим из груди сердцем перепрыгивала она через ступеньку. Наконец, достигнув верхней площадки, она повернулась лицом к входящим. В глазах стоял туман, в ушах звенело. Она с трудом перевела дух, но смутно различила четыре фигуры и увидела, как Райли встретил их, и слышала, как он объявил:

— Лорд и леди Моксток. Сэр Сэмюэль и леди Гордон.

Внезапно оцепенение, охватившее ее, рассеялось. Здесь, на ступенях, стояли две женщины, которых она не пригласила, — леди Моксток, дочка галантерейщика, и леди Гордон, американка.

Белла выпрямилась и уставилась на них своими пустыми млечно-голубыми глазами.

— Я не ожидала такой чести, — сказала она. — Прошу простить, если не смогу вас развлечь.

Мокстоки и Гордоны оцепенели в ужасе. Они видели безумный взгляд голубых глаз хозяйки, ее малиновое платье, бальный зал у нее за спиной, огромный в своей пустоте, слышали музыку, эхом несущуюся по пустому дому. Воздух полнился ароматом хризантем. А затем драматизм и нереальность этой сцены рассеялись. Мисс Флис внезапно осела в кресло и, протянув руки к своему дворецкому, сказала:

— Невдомек мне, что происходит.

Он и еще двое лакеев перенесли старую даму на софу. Она снова заговорила лишь однажды. Ее разум занимала все та же тема.

— Они пришли без приглашения, те две пары… А больше никто.

На следующий день она скончалась.

Мистер Бэнкс прибыл на похороны и провел неделю, разбирая тетушкины пожитки. Среди обнаруженного в секретере барахла была стопка приглашений на бал в подписанных конвертах с марками. Так и не отправленных.

Перевод Е. Калявиной

Морское путешествие (Письма дочки богатых родителей)

Пароход «Слава Эллады»

Дорогая моя!

Ну так вот я обещала сразу написать и написала бы но очень качало просто ужас. Сейчас стало немножко легче так что сажусь писать. Ну вот ты ведь знаешь наше путешествие начинается в Монте-Карло а когда папа и мы все приехали на вокзал оказалось что путь от Лондона туда в билеты не входит и папа рассердился просто ужасно и сказал что не поедет а мама сказала глупости конечно поедем и мы тоже но папа успел обменять все деньги на лиры и франки только оставил шиллинг на чай носильщику в Дувре он такой методичный так что ему пришлось все менять обратно и он после этого ворчал всю дорогу и не взял мне и Берти билетов в спальном вагоне а сам в спальном всю ночь не спал до того был рассержен. Ужас как грустно.

Потом все пошло гораздо лучше судовой кассир назвал его полковник и каюта ему понравилась так что он повел Берти в казино и проиграл а

Берти выиграл и Берти кажется нализался во всяком случае он когда ложился спать издавал такие звуки он в соседней каюте как будто его тошнило. Берти везет с собой книги по искусству барокко раз он учится в Оксфорде.

Ну так вот в первый день была качка и мне прямо с утра как только я села в ванну стало не по себе и мыло не мылилось п. ч. вода соленая ты ведь знаешь а потом пошла завтракать в меню было ужасно всего много даже бифштекс с луком и очень симпатичный молодой человек он сказал только мы с вами и пришли можно к вам подсесть и все шло замечательно он заказал бифштекс с луком но я сплоховала пришлось уйти к себе и опять лечь а он как раз говорил что больше всего восхищается девушками которые не боятся качки ужас как грустно.

Самое главное не принимать ванну и совсем не делать быстрых движений. Ну на следующий день был Неаполь и мы посмотрели несколько церквей для Берти и тот город который взорвался во время землетрясения и убило несчастную собаку у них там есть с нее гипсовый слепок ужас как грустно. Папа и Берти видели какие-то картинки а нам их не показали мне их потом Билл рисовал а мисс Ф. подсматривала. Я тебе

еще не писала про Билла и мисс Ф.? Ну так вот Билл уже старый но очень элегантный то есть на самом деле он наверно не такой уж старый только он разочарован в жизни из-за жены он говорит что не хочет говорить о ней дурно но она сбежала с каким-то иностранцем так что он теперь ненавидит иностранцев. Мисс Ф. зовут мисс Филлипс препротивная ходит в яхтсменском кепи ужасная дрянь. Лезет ко второму помощнику это конечно никого не касается но всякому дураку ясно что он ее видеть не может просто всем морякам полагается делать вид будто они влюблены в пассажирок. Кто у нас есть еще? Ну всякие старички и старушки. Папа пристроился к одной леди Мюриел дальше не помню, она знала еще моего дядю Нэда. Есть одни молодожены это очень неловко. И еще священник и еще очень милый педик с фотографическим аппаратом в белом костюме и несколько семейств с нашего промышленного севера.

Целую крепко Берти тоже.

Мама купила шаль и какую-то зверюшку из лавы.

ОТКРЫТКА

Это вид Таормины. Мама купила здесь шаль. Было очень смешно п. ч. мисс Ф. дружила только

со вторым помощником а его не пустили на берег и когда рассаживались по машинам мисс Ф. пришлось втиснуться вместе с одним семейством с промышленного севера.

Пароход «Слава Эллады»

Дорогая моя!

Надеюсь ты получила мою открытку из Сицилии. Мораль ее в том чтобы не дружить с моряками но я-то подружилась с кассиром это совсем другое дело п. ч. он ведет двойную жизнь у него в каюте граммофон и сколько угодно коктейлей а иногда гренки с сыром и я спросила а вы за все это платите? А он сказал нет но пусть это вас не беспокоит.

Теперь мы три дня будем в море и священник сказал что это хорошо п. ч. мы все сдружимся но мы с мисс Ф. не сдружились она впилась в несчастного Билла как пиявка не хочет рисковать снова оказаться одной когда нас пустят на берег. Кассир говорит что одна такая всегда на пароходе найдется он даже говорит так про всех кроме меня а про меня совершенно правильно говорит что я не такая. Ужас как мил.

На палубе играют во всякие игры гадость ужасная. А в последний день перед Хайфой будет маскарад. Папа здорово играет во всякие игры

особенно в шайбу и ест больше чем в Лондоне но это вероятно ничего. Костюмы для бала надо брать напрокат у парикмахера то есть это нам надо а у мисс Ф. есть собственный. Я придумала замечательную штуку вернее это кассир мне посоветовал чтобы одеться матросом я уже примеряла костюм он мне идет ужасно. Бедная мисс Ф.

Берти ни с кем не дружит в игры играть он не хочет и вчера вечером опять нализался и пробовал спуститься вниз по вентилятору его второй помощник вытащил и все старички за капитанским столом смотрят на него скептически. Это новое слово. Очень литературно? Или нет?

Педик кажется пишет книгу у него зеленая вечная ручка и зеленые чернила но что он пишет я не разглядела. Целую крепко. Ты скажешь здорово я наловчилась писать письма и будешь права.

ОТКРЫТКА

Это снимок Земли Обетованной и знаменитого Галилейского моря. Здесь все оч. восточное с верблюдами. Про маскарад скоро напишу это целая история насмотрелась же я. Папа уезжал на весь день с леди М. потом сказал что она очаровательная женщина знает жизнь.

Пароход «Слава Эллады»

Дорогая моя!

Ну так вот на маскарад уже к обеду надо было прийти в костюмах и когда мы входили все аплодировали. Я опоздала п. ч. никак не могла решить надевать шапочку или нет потом надела и получилось дивно. Но мне похлопали совсем мало и когда я огляделась то увидела штук двадцать девушек и нескольких женщин в таких же костюмах вот каким двуличным человеком оказался этот кассир. Берти был апашем банально до ужаса. Мама и папа были прелесть. Мисс Ф. была в балетном костюме из русского балета он ей как корове седло ну за обедом мы пили шампанское а потом бросали серпантин я бросила не раскрутив и попала мисс Ф. прямо по носу. Ха-ха. Мне захотелось поболтать и я сказала официанту как весело правда? А он сказал да, только не для тех кому потом прибираться надо. Ужас как грустно.

Ну Берти конечно нализался и немножко переборщил особенно в разговоре с леди М. а потом сидел в темноте в каюте у двуличного кассира и плакал мы с Биллом нашли его там и Билл дал ему выпить и что бы ты думала он исчез куда-то с мисс Ф. и больше мы их не видели это наглядный пример до какого позора может довести нас то

есть его Демон Пьянства.

А потом кого бы ты думала я встретила того молодого человека который в первый день заказал бифштекс с луком его зовут Роберт и он сказал я вас все время ищу. Ну я немножко поиздевалась над ним ужас как мил.

Бедную маму выбрал в поверенные Билл он рассказал ей все про свою жену и как она разочаровала его с иностранцем ну завтра мы прибываем в Порт Саид D. V. это по-латыни на случай что ты не знаешь означает если богу будет угодно а оттуда вверх по Нилу и в Каир.

Пришлю открытку со сфинксом.

ОТКРЫТКА
Это сфинкс. Ужас как грустно.

ОТКРЫТКА
Это храм не помню кого. Дорогая моя спешу тебе сообщить я обручилась с Артуром. Артур это тот про которого я думала что он педик. Берти находит что египетское искусство никакое не искусство.

ОТКРЫТКА
Это гробница Тутанхамена оч. знаменитая. Берти говорит что это пошлятина а сам обручился с мисс Ф. т. ч. не ему бы говорить я теперь называю

ее Мэбел. Ужас как грустно. Билл не разговаривает с Берти. Роберт не разговаривает со мной папа и леди М. видимо поругались был один человек со змеей в мешке и еще мальчик он мне предсказал судьбу оч. счастливую. Мама купила шаль.

ОТКРЫТКА

Сегодня видела эту мечеть. Роберт обручился с новой девушкой как зовут не знаю препротивная.

Пароход «Слава Эллады»

Дорогая моя!

Ну так вот мы все вернулись из Египта перебудораженные и двуличный кассир спросил какие новости а я сказала новости? Пожалуйста я обручилась с Артуром а Берти обручился с мисс Ф., ее теперь зовут Мэбел это уж совсем невыносимо я так и сказала а Роберт с какой-то противной девицей а папа поругался с леди М. а Билл поругался с Берти а Робертова противная девица меня обхамила а Артур был прелесть но двуличный кассир ничуть не удивился он сказал что так бывает каждый рейс во время экскурсии по Египту все либо обручаются либо ссорятся а я сказала не в моих привычках обручаться с кем попало за кого он меня принимает а он сказал как видно не в моих привычках ездить в Египет т. ч. больше я

с ним не разговариваю и Артур тоже.

Целую.

Пароход «Слава Эллады»

Деточка,

мы в Алжире он не очень восточный тут полным-полно французов. Так вот с Артуром все кончено я все-таки оказалась права а теперь я обручилась с Робертом это гораздо лучше для всех особенно для Артура из-за того о чем я тебе писала первое впечатление никогда нас не обманывает. Правда? Или нет? Мы с Робертом целый день катались по Ботаническому саду и он был ужас как мил. Берти нализался и поссорился с Мэбел теперь она опять мисс Ф. т. ч. тут все в порядке а противная Робертова девица весь день оставалась на пароходе со вторым помощником. Мама купила шаль. Билл рассказал леди М. про свое разочарование и она рассказала Роберту а он сказал что да мы все уже про это слышали а леди М. сказала что Биллу недостает умения молчать и она после этого его не уважает и не винит его жену и того иностранца.

Целую.

ОТКРЫТКА

Забыла о чем писала в последнем письме но

если я упоминала препротивного человека по имени Роберт считай что ничего этого не было. Мы все еще в Алжире папа поел сомнительных устриц но все обошлось. Берти пошел в один дом полный шлюх и там нализался а теперь ему недостает умения про это молчать как сказала бы леди М.

ОТКРЫТКА

Ну вот мы и вернулись и все спели хором за счастье прежних дней и я расцеловалась с Артуром а с Робертом не разговариваю он плакал то есть Артур а не Роберт потом Берти извинился почти перед всеми кого он обхамил но мисс Ф. сделала вид что не слышит и ушла. Ужас какая дрянь.

Перевод М. Лорие

Человек, который любил Диккенса

Хотя мистер Макмастер и прожил в Амазонасе[92] почти шестьдесят лет, о его существовании было известно разве что нескольким семействам индейцев племени шириана. Усадьба его располагалась на участке саванны из тех, что порой возникают в тамошней местности, — клочок песка и травы около трех миль в поперечнике, со всех сторон окруженный лесом.

Орошавший эти земли ручей не был обозначен ни на одной из существующих карт; он сплошь состоял из порогов, во всякий сезон опасных, а большую часть года и вовсе непреодолимых. По ним стремительный поток мчался к истокам реки Урарикуэра, чье русло, как бы добросовестно его ни обозначали в любом школьном атласе, все-таки и поныне в значительной степени является плодом вдохновенных предположений. За исключением мистера Макмастера, никто из местных жителей и слыхом не слыхивал о Колумбии, Венесуэле, Бразилии или Боливии,

---

[92] Notes: 92

Амазонас — крупнейший штат Бразилии, расположенный на северо-западе страны.

которые попеременно предъявляли претензии на эту территорию.

Дом мистера Макмастера по размерам превосходил обиталища его ближайших соседей, однако по своим архитектурным принципам ничем от них не отличался: кровля из высушенных пальмовых листьев, саманные стены и глинобитный пол. Мистеру Макмастеру принадлежали также примерно дюжина голов пасущихся в саванне коровенок здешней низкорослой породы, плантация маниоки, рощица банановых и манговых деревьев, собака и, наконец, единственный на всю округу экземпляр огнестрельного оружия — одноствольный дробовик, заряжавшийся с казенной части. Немногочисленные предметы внешней цивилизации, скрашивавшие быт владельца усадьбы, попадали к нему через длинную череду торговцев. Много месяцев эти товары переходили из рук в руки, из-за них торговались на дюжине языков и наречий, они преодолевали изощреннейшую коммерческую паутину, раскинувшуюся от са́мого Манаоса[93] до глухих деревушек, затерянных в непроходимой сельве.

Однажды, когда мистер Макмастер набивал

---

[93] Notes: 93
Манаос — столица штата Амазонас.

патроны, к нему явился индеец-шириана и сообщил, что к ним по лесу движется белый человек, в полном одиночестве и очень больной. Макмастер зарядил уже набитым патроном свой дробовик, прочие, уже готовые снаряды сунул в нагрудный карман и двинулся в направлении, указанном индейцем.

Человек, о котором шла речь, когда мистер Макмастер подоспел к нему, уже выбрался из подлеска и обессиленно сидел на опушке — по всему было видно, что дела его плохи. На нем не было ни шляпы, ни ботинок, одежда изорвана в клочья до такой степени, что лохмотья держались на теле, лишь поскольку насквозь пропитались по́том; изрезанные босые ноги чудовищно распухли, каждый открытый участок тела покрывали язвы и шрамы от укусов насекомых и летучих мышей; широко распахнутые глаза лихорадочно блестели. Он вполголоса беседовал о чем-то сам с собой, но замолчал, стоило мистеру Макмастеру обратиться к нему по-английски.

— Я устал, — сказал гость, а потом добавил: — Сил нет идти. Я Хенти, и я больше не могу. Андерсон умер. Это случилось давным-давно. Вероятно, вы думаете, что я спятил.

— Думаю, вы очень больны, друг мой.

— Я просто устал. И кажется, уже несколько месяцев у меня крошки во рту не было.

Мистер Макмастер помог ему подняться с земли и, поддерживая под руку, повел сквозь заросли травы к своей усадьбе.

— Здесь недалеко. Когда доберемся, я дам вам кое-какое снадобье, от него вам полегчает.

— Это так мило с вашей стороны. — Чуть погодя гость добавил: — Смотрю, вы говорите по-английски. Я тоже англичанин. Моя фамилия Хенти.

— Что ж, мистер Хенти, все ваши беды позади, вам больше не о чем беспокоиться. Вы больны, вы проделали долгий тяжелый путь. Я позабочусь о вас.

Они шли очень медленно, но наконец добрались до дома.

— Полежите пока в гамаке, а я кое-что приготовлю для вас.

Мистер Макмастер направился в кладовку, где извлек из-под груды шкур жестяную банку, доверху заполненную сушеными листьями и кусочками коры. Он зачерпнул горсть этой смеси и вышел на двор, где горел костер. Вернувшись, он завел руку за голову Хенти и, приподняв боль-

ного, поднес к его губам калебас[94] с травяным настоем. Содрогаясь от невыносимой горечи, тот через силу глотал микстуру. Наконец он выпил все, и мистер Макмастер выплеснул осадок на пол. Тихо всхлипывая, Хенти скорчился в гамаке и вскоре погрузился в беспробудный сон.

Экспедицию Андерсона, который намеревался исследовать дельту Паримы[95] и верховья Урарикуэры на бразильской территории, пресса изначально окрестила «злополучной». Каждый этап этого предприятия сопровождался неудачами — начиная от формирования состава экспедиции в Лондоне и вплоть до ее трагического краха в Амазонасе. Пол Хенти пал жертвой этих злосчастий еще на ранней фазе подготовки путешествия.

По своей натуре он вовсе не был исследователем — уравновешенный, симпатичный молодой человек с утонченными вкусами и завидным состоянием, он не претендовал на звание интеллектуала, но слыл ценителем балета, а также изящной архитектуры. Он много путешествовал

---

[94] Notes: 94

Калебас — сосуд из выдолбленной тыквы-горлянки, используемый для питья и хранения продуктов.

[95] Notes: 95

Парима — река в штате Рорайма на севере Бразилии.

по наиболее доступным частям света и собрал коллекцию редкостей, в которых, впрочем, не разбирался. Хозяйки гостиниц обожали его почти так же пылко, как и его собственные тетки. Он был женат на даме исключительной красоты и обаяния, и именно она нарушила размеренное течение его жизни, второй раз за восемь лет брака признавшись, что любит другого мужчину. Первый эпизод не заслуживал беспокойства — тогда миссис Хенти ненадолго увлеклась профессиональным игроком в теннис. Нынешним объектом ее нежных чувств являлся капитан Колдстримской гвардии[96], и это было куда серьезнее.

Первой мыслью Хенти, получившего это шокирующее известие, было переварить его где-нибудь за обедом в одиночестве. Он был членом четырех клубов, однако в трех из них рисковал столкнуться лицом к лицу с любовником своей жены. Посему он отправился туда, где бывал реже всего, — в этом клубе собиралась полуинтеллектуальная компания из адвокатов, издателей и

[96] Notes: 96

Колдстримская гвардия — одно из старейших пехотных подразделений Великобритании, в настоящее время выполняет роль почетного караула в королевском Виндзорском замке, колдстримские гвардейцы до наших дней сохранили знаменитую парадную форму — красные мундиры и высокие медвежьи шапки.

ученых мужей, изнывавших в ожидании избрания в Атенеум[97].

Здесь после обеда он разговорился с профессором Андерсоном и впервые услышал о планирующейся экспедиции в Бразилию. На тот момент главным несчастьем, тормозившим подготовку, была растрата двух третей уставного капитала предприятия его секретарем. Руководство экспедиции пребывало наготове — сам профессор Андерсон, антрополог доктор Симмонс, биолог мистер Некер, а также мистер Броу, совмещавший в одном лице геодезиста, радиста и главного механика; аппаратура, оборудование и охотничье снаряжение давно были запакованы в ящики, готовы к погрузке и снабжены соответствующими печатями и официальными разрешениями. Но если каким-то чудом где-нибудь не отыщется тысяча двести фунтов — всему конец.

Хенти, как уже говорилось, был человеком состоятельным; экспедиция должна была продлиться от девяти месяцев до года; он мог на это время закрыть двери своего загородного поместья — ибо миссис Хенти, без сомнения, предпочтет остаться в Лондоне со своим возлюбленным — и

---

[97] Notes: 97

Атенеум — престижный лондонский литературный и научный клуб.

с лихвой покрыть сумму, которая требовалась на нужды экспедиции. Кроме того, это путешествие окутывал романтический флер, который, чувствовал Хенти, придаст ему привлекательности даже в глазах собственной жены. Недолго думая, он тут же, у клубного камелька, завербовался в команду профессора Андерсона.

Вернувшись домой, он объявил жене о своем решении:

— Теперь я знаю, как мне следует поступить.

— И как же именно, милый?

— Ты совершенно уверена в том, что больше меня не любишь?

— Милый, ты же знаешь: я тебя обожаю!

— Но этого своего гвардейца, Тони, или как там его, ты любишь больше?

— О, милый, конечно, я люблю его больше. Это же совсем другое!

— Что ж, отлично. В течение следующего года я не стану предпринимать никаких шагов в отношении развода. У тебя будет время обдумать все хорошенько. На следующей неделе я отбываю на Урарикуэру.

— С ума сойти, это, вообще, где?

— Я и сам точно не знаю. Вроде бы где-то в Бразилии. Это неизведанные земли. Я планирую

вернуться через год.

— Но, милый, как это скучно! Ты словно персонаж из книги — я имею в виду, стремление к высокой цели и всякое такое.

— Что ж, думаю, ты уже давно убедилась в том, что я очень скучный человек.

— Милый, не говори гадостей — ах, телефон звонит! Это, должно быть, Тони. Ты ведь не будешь возражать, если я чуточку поболтаю с ним наедине?

Однако в последующие десять дней подготовки к отъезду она выказала немало нежности и участия и дважды давала отставку своему солдату, чтобы сопровождать Хенти в поездках по магазинам, где он приобретал свое снаряжение. Она даже настояла на покупке камвольного[98] кушака с кармашками. Накануне отъезда мужа она устроила званый вечер в посольстве, на который позволила пригласить кого-нибудь из его друзей. У него на уме был один профессор Андерсон; тот явился странно одетым, танцевал без устали и, кажется, у всех вызвал лишь осуждение и насмешки. На следующий день миссис Хенти

[98] Notes: 98

Камвольная пряжа — шерстяная пряжа в виде гладкой, ровной нити, преимущественно высоких, тонких номеров, получаемая обработкой на гребнечесальных машинах.

проводила мужа на поезд, доставлявший путешественников к пароходной пристани, и подарила ему бледно-голубое, почти непристойно мягкое одеяло в замшевом чехле того же цвета, застегнутом на молнию и украшенном монограммой. На прощание она поцеловала его со словами: «Куда бы ты ни отправлялся, береги себя».

Если бы она последовала за ним до Саутгемптона, то стала бы свидетельницей двух драматических сцен. Буквально у трапа парохода мистер Броу был арестован за долги на сумму тридцать два фунта — последствия публикаций в прессе об отплытии экспедиции. Хенти уплатил по векселю.

Уладить второе происшествие было не так легко. Мистер Некер заявился на пароход в компании собственной матушки: ей случилось прочитать отчет одного миссионера об условиях жизни в бразильских лесах. Она останется на борту и сойдет на берег лишь вместе с сыном, и никакие силы не вырвут у нее разрешение на его отъезд. Впрочем, она готова лично сопровождать его в путешествии, в ином случае нога ее отпрыска не ступит в бразильскую чащу. Уговоры были бесполезны, убедительные доводы не возымели действия, и за пять минут до отплытия парохода

торжествующая старушка отконвоировала сыночка назад на пристань, оставив экспедицию без биолога.

Мистер Броу тоже недолго хранил верность знамени науки. Корабль, на котором они плыли, был обычным круизным лайнером и на протяжении всего рейса заходил в каждый порт и брал пассажиров. Мистер Броу не пробыл на борту и недели и даже не успел оправиться от морской болезни, как оказался помолвленным. Когда они прибыли в Манаос, он все еще был помолвлен, правда уже с другой дамой, и, несмотря на все увещевания и призывы продолжать путешествие, взял у Хенти в долг на обратный билет и вернулся в Саутгемптон вместе с первой своей избранницей, с которой тут же и обвенчался.

В Бразилии выяснилось, что все официальные лица, которым были адресованы их верительные грамоты, уже лишились своих постов. Оставив Хенти и профессора Андерсона вести переговоры с новой администрацией, доктор Симмонс с большей частью снаряжения отправился вверх по реке в Боа-Висту[99], чтобы разбить там базовый лагерь. Последний немедленно оказался

---

[99] Notes: 99

Боа-Виста — столица бразильского штата Рорайма.

захвачен революционным гарнизоном, припасы и оборудование были реквизированы, а сам доктор на несколько дней заключен в тюрьму, где подвергся различным унижениям. Все это привело почтенного ученого в такую ярость, что после освобождения он немедленно помчался на побережье, задержавшись в Манаосе лишь для того, чтобы сообщить коллегам о намерении лично представить свое дело на рассмотрение центральных властей в Рио.

Таким образом, не прошло и месяца с начала экспедиции, как Хенти и профессор Андерсон остались вдвоем, да к тому же лишенные большей части своего снаряжения. Вернуться сейчас означало покрыть себя несмываемым позором. Какое-то время они всерьез обсуждали возможность отсидеться полгода где-нибудь на Мадейре или Тенерифе, но даже там они рисковали быть узнанными — слишком часто их фотографии мелькали в газетах накануне отбытия из Лондона. В соответствующем угнетенном настроении двое исследователей наконец отправились к Урарикуэре, почти не надеясь обнаружить что-либо представляющее для кого-нибудь хоть какой-то интерес.

Семь недель они плыли по влажным зеленым

лесным туннелям. Они сделали несколько снимков обнаженных и не слишком благожелательно настроенных индейцев; закупорили по бутылкам нескольких змей, которых позже потеряли, когда их каноэ перевернулось на очередном пороге; они испортили пищеварение, поглощая тошнотворные напитки на различных местных празднествах; остатки сахара у них украл гвианский старатель. В довершение всего профессор Андерсон подцепил злокачественную малярию, пару дней провалялся в бреду в своем гамаке, а затем умер, оставив компаньона на милость дюжины гребцов из племени маку, ни один из которых не говорил ни на одном известном Хенти языке. Они повернули назад и отправились вниз по течению, испытывая острую нехватку как провизии, так и взаимного доверия.

Как-то раз, спустя примерно неделю после смерти профессора Андерсона, Хенти проснулся и обнаружил что его гребцы бесследно исчезли вместе с каноэ и всем снаряжением, оставив ему лишь пижаму и гамак. Он находился в двух или трех сотнях миль от ближайшего бразильского поселения, и, хотя не было никакого смысла двигаться дальше, природа запрещала ему оставаться на месте. Он продолжал идти вниз по

течению, сперва его не оставляла надежда повстречать чью-нибудь байдарку. Но вскоре лес наполнился для него неистовыми призраками, хотя никакой реальной угрозы не было. Он брел все медленнее, то по колено в воде, то продираясь через заросли.

Прежде его воображению смутно представлялось, что джунгли — это такое место, где полно еды. Здесь тебе грозит опасность столкнуться со змеями, хищниками или дикарями, но никак не умереть с голоду. Теперь он на горьком опыте убедился, что глубоко заблуждался. Джунгли, казалось, сплошь состояли из толстенных древесных стволов, утыканных колючками и переплетенных лозами, и весь этот растительный мир был исключительно несъедобен. В первый день Хенти ужасно страдал от голода. Позже его охватило какое-то оцепенение сродни наркотическому опьянению. Теперь его беспокоило только поведение лесных обитателей, которые то выходили навстречу из зарослей в лакейских ливреях, неся на подносах его обед, но в самый последний момент безответственно растворялись в воздухе, то откидывали крышки с блюд и демонстрировали ему живых черепах. Вокруг сновало множество лондонских знакомых,

донимавших его насмешками и вопросами, на которые он не знал ответа. Появилась жена, и он был рад ее видеть, вообразив, что ее гвардеец ей наскучил и она приплыла, чтобы забрать Хенти домой. Но вскоре и жена бесследно растаяла в воздухе, как и все прочие.

Именно тогда он вспомнил, что ему необходимо добраться до Манаоса, и с удвоенной энергией кинулся преодолевать препятствия, то и дело спотыкаясь о речные валуны в реке и выпутываясь из ловушек терновника и лозы. «Но все же я должен беречь силы», — было его последней мыслью, перед тем как он впал в забытье, из которого вынырнул уже в гамаке в усадьбе мистера Макмастера.

Здоровье возвращалось к нему медленно. Сперва моменты просветления чередовались с долгими периодами бреда. Затем жар спал, и он оставался в сознании даже во время приступов болезни, которые случались все реже. Наконец лихорадка достигла нормального для тропиков баланса, когда она навещает свою жертву лишь после продолжительной фазы относительного здоровья. Мистер Макмастер регулярно потчевал его травяным настоем.

— На вкус омерзительно, — признавался Хен-

ти. — Но он, несомненно, приносит пользу.

— В лесу можно отыскать средство для чего угодно, — говорил ему мистер Макмастер. — Есть травы, чтобы вылечить, есть — чтобы погубить. Моя мать была из индейского племени, от нее я многому научился. Кое-что я узнал от своих жен. Растения способны исцелять и вызывать лихорадку, убивать и сводить с ума, отпугивать змей и опьянять рыбу так, что вы можете таскать ее из воды руками, как срываете спелые плоды с дерева. Есть такие снадобья, которые неведомы даже мне. Говорят, можно приготовить средство, которое оживит мертвого уже после того, как от него начнет попахивать, но сам я не сталкивался ни с чем подобным.

— Но вы ведь точно англичанин?

— Мой отец им был, — во всяком случае, он родился на Барбадосе. Он приехал в Британскую Гвиану как миссионер. Он был женат на белой женщине, но оставил ее в Гвиане, когда отправился на поиски золота. Затем он взял мою мать. Женщины из племени шириана, как правило, очень уродливы, но отличаются исключительной преданностью. У меня их было множество. Почти все здешние мужчины и женщины — мои дети, вот почему они во всем мне подчиняются, ну, и

еще потому, что у меня есть дробовик. Мой отец дожил до преклонных лет и умер недавно — еще и двадцати лет не прошло. Он был образованным человеком. Вы умеете читать?

— Ну разумеется.

— Далеко не все такие счастливчики, как вы. Я вот не умею.

Хенти виновато закашлялся:

— Без сомнений, у вас здесь было не слишком много возможностей…

— Уж это точно. Но у меня полно книг — я покажу их вам, когда поправитесь. Пять лет назад у меня гостил англичанин — правда, он был чернокожий, но получил хорошее образование в Джорджтауне. Он умер. А прежде чем умереть, он читал мне каждый день. Вы тоже могли бы почитать мне, когда почувствуете себя лучше.

— С большим удовольствием.

— Да-да, вы будете мне читать, — повторил Макмастер, кивая поверх горлышка калебаса.

В первые дни выздоровления Хенти мало общался со своим хозяином; он лежал в гамаке навзничь, уставившись на соломенную кровлю, и думал о жене, снова и снова прокручивая в памяти эпизоды их супружеской жизни, включая ее интрижки с теннисистом и солдатом. Дни,

ровно по двенадцать световых часов в каждом, проходили чередой, неотличимо похожие друг на друга. Мистер Макмастер ложился спать с заходом солнца, оставляя гореть маленький ночник — грубо сплетенный фитиль, опущенный в плошку с говяжьим жиром, — чтобы отпугнуть летучих мышей-вампиров.

Когда Хенти впервые смог переступить порог дома, Макмастер решил устроить ему небольшую прогулку по усадьбе.

— Я покажу вам могилу чернокожего, — любезно предложил он и повел гостя к холмику под манговым деревом. — Он был очень добр ко мне. Он читал мне каждый вечер по два часа, до самой своей смерти. Хочу поставить здесь крест — в память о нем и в честь вашего прибытия; правда хорошая идея? Вы верите в Бога?

— Знаете, в сущности я никогда об этом не задумывался.

— И правильно делали. Я ужасно много думал об этом и все равно так ничего и не знаю. Диккенс знал.

— Думаю, вы правы.

— Конечно, об этом ведь написано в его книгах. Сами убедитесь.

Этим же вечером мистер Макмастер приступил

к изготовлению надгробья для могилы негра. Он работал большим стругом с таким усердием, что деревянная заготовка звенела и визжала, словно метал.

Наконец Хенти прожил шесть или семь дней без всяких признаков лихорадки, и мистер Макмастер объявил:

— Думаю, вы уже вполне готовы взглянуть на книги.

В одном конце хижины было что-то вроде чердака, образованного платформой, грубо сколоченной под соломенной кровлей. Мистер Макмастер прислонил к ней лестницу и вскарабкался наверх. Все еще шатаясь от слабости, Хенти последовал за ним. Мистер Макмастер уселся на помосте, а Хенти, стоя на лестнице и вцепившись в верхнюю перекладину, оглядел чердак. Он был завален маленькими свертками, упакованными в тряпье, пальмовые листья и сыромятные кожи.

— Нелегко уберечь их от гусениц и муравьев. Два тома они практически изгрызли в крошки. Но сейчас я пользуюсь особым индейским составом, он помогает.

Макмастер развернул ближайший сверток и протянул Хенти книгу в телячьем переплете. Это

было раннее американское издание «Холодного дома»[100].

— Не важно, с чего мы начнем.

— Вам нравится Диккенс?

— Разумеется, нравится. Гораздо больше, чем просто «нравится». Понимаете, его книги — единственные, которые я когда-либо знал. Мой отец читал их мне, а потом черный парень… а теперь прочтете вы. Я слышал каждую из них по несколько раз, и мне это никогда не наскучит — всякий раз подмечаешь что-то новое и чему-то учишься, в них столько персонажей, столько разных событий, так много слов… У меня есть все книги Диккенса, кроме тех, которые сожрали муравьи. Чтобы перечитать их, нужно много времени — года два, даже больше.

— Что ж, — легкомысленно сказал Хенти, — стало быть, пока я гощу здесь, нам их точно хватит.

— О, надеюсь, что нет. Начинать сначала — это такое удовольствие! Каждый раз находишь что-то новое, чтобы ликовать и наслаждаться.

Они забрали с собой первый том «Холодного до-

---

[100] Notes: 100

«Холодный дом» — роман Чарльза Диккенса, впервые изданный в 1853 году. В нем описаны нравы разных слоев викторианского общества и дана гротескная картина запутанного британского судебного производства.

ма», и тем вечером Хенти приступил к чтению.

Ему всегда нравилось читать вслух, в первые годы брака он старался приобщить к этим утехам жену и таким образом прочел ей несколько книг, пока как-то раз, в один из редких приступов искренности, она не призналась, какая же это для нее пытка. С тех пор он стал задумываться о детях — чтобы было кому почитать. Но в лице мистера Макмастера он обрел поистине уникального слушателя.

Старик сидел в своем гамаке напротив Хенти и, не сводя с него глаз и беззвучно шевеля губами, ловил каждое слово. Порой, с появлением на страницах книги нового героя, он просил: «Повторите его имя, я что-то его подзабыл» — или же: «О да, я хорошо ее помню. Она умерла, бедняжка». Он часто прерывал чтение вопросами, но не теми, которые мог ожидать Хенти. Ни процедуральная система Канцлерского суда, ни социальные предрассудки той эпохи, хоть они и должны были казаться Макмастеру непостижимыми, его не интересовали; все вопросы касались лишь персонажей. «Слушайте, а почему она так сказала? Она это серьезно? Она действительно почувствовала слабость из-за жара от огня, или это из-за того, что она что-то обнаружила в этих бумагах?» Он оглу-

шительно хохотал над всеми юмористическими пассажами, отдельные отрывки, которые самому Хенти вовсе не показались смешными, даже просил перечитать два или три раза; зато при описании страданий отверженных обитателей «Одинокого Тома» слезы текли по щекам в бороду старика. Его комментарии к повествованию были предельно просты. «Сдается, этот Дедлок большой гордец» или «Миссис Джеллиби плохо заботится о своих детишках». Хенти получал от чтения не меньшее удовольствие, чем его хозяин.

В конце этого первого дня старик заявил:

— Вы читаете замечательно, куда лучше черного парня. И объясняете вы понятнее. Порой мне кажется, будто мой отец снова здесь, со мной.

В конце каждого сеанса чтения он всегда учтиво благодарил своего гостя:

— Я получил огромное удовольствие. Это была очень печальная глава. Но если мне не изменяет память, все кончится хорошо.

Однако, когда они приступили ко второму тому, новизна впечатлений от восторгов старика несколько поблекла, а Хенти достаточно окреп для того, чтобы начать беспокоиться. Он уже не раз упоминал о своем отъезде, интересовался насчет каноэ, дождей и возможности нанять

проводников. Но мистер Макмастер пропускал эти намеки мимо ушей, и, казалось, он вовсе не понимает, о чем речь.

Как-то раз, отмеряя большим пальцем, сколько страниц «Холодного дома» еще предстоит прочесть, Хенти сказал:

— До конца еще далеко. Надеюсь, мы успеем дочитать книгу до моего отъезда.

— Ну конечно, — заверил его мистер Макмастер. — Не беспокойтесь об этом, вам хватит времени, чтобы закончить, друг мой.

И Хенти впервые уловил угрожающую нотку в голосе своего хозяина. Тем же вечером, за ужином, состоящим из маниоки и вяленого мяса — эту скудную трапезу они обычно съедали незадолго до заката, — Хенти вновь затронул эту тему:

— Видите ли, мистер Макмастер, я уже слишком долго злоупотребляю вашим гостеприимством, и пришла пора подумать о моем возвращении в цивилизованный мир.

Мистер Макмастер склонился над своей тарелкой, тщательно пережевывая маниоку, и не спешил с ответом.

— Как по-вашему, скоро ли я смогу раздобыть лодку?.. Я спросил, как скоро я смогу заполучить

лодку? Я ценю вашу доброту больше, чем могу выразить словами, но…

— Друг мой, не будем говорить об этом. Если я и проявил какую-то доброту, чтением Диккенса вы расплатились с лихвой.

— Что ж, очень рад, что вам понравилось. Мне, признаться, тоже. Но мне действительно пора подумать о возвращении…

— Да, — проронил мистер Макмастер. — Чернокожий тоже хотел вернуться. Он не прекращал об этом думать. Но умер он здесь…

На следующий день Хенти дважды затрагивал эту тему и получал такие же уклончивые ответы. Наконец он заявил:

— Простите, что настаиваю, мистер Макмастер, но мне требуется прямой ответ. Когда я смогу достать лодку?

— Здесь лодки нет.

— Ладно, но ведь индейцы могли бы ее построить?

— Надо дождаться сезона дождей. Сейчас уровень воды в реке слишком низкий.

— А долго придется ждать?

— Месяц-другой…

Они закончили «Холодный дом» и уже дочиты-

вали «Домби и сына»[101], когда пошли дожди.

— Что ж, пора готовиться к отъезду.

— Увы, это невозможно. Индейцы не станут строить лодку в сезон дождей — это одно из их суеверий.

— Вам следовало сказать мне об этом.

— А разве я не говорил? Должно быть, запамятовал.

На следующее утро, пока хозяин был чем-то занят, Хенти, напустив на себя беспечный вид, в одиночку направился через саванну к кучке индейских хижин. Четверо или пятеро представителей племени шириана сидели на порогах своих обиталищ, но, когда он подошел к ним, даже не подняли глаз. Хенти обратился к ним на языке народа маку, на котором знал несколько слов, но индейцы не подали виду, поняли ли они хоть что-нибудь. Тогда он нарисовал на песке каноэ, затем проделал несколько энергичных движений в воздухе, имитируя действия, необходимые для строительства лодки, ткнул в сторону индейцев, потом указал на себя и в завершение, изобразив жестами, будто бы дает им что-то,

---

[101] Notes: 101

«Торговый дом „Домби и сын“. Торговля оптом, в розницу и на экспорт» — роман Чарльза Диккенса, публиковавшийся отдельными выпусками в 1846–1848 годах.

нацарапал на земле схематичные обозначения ружей, шляп и некоторых других предметов торговли. Какая-то женщина захихикала, но прочие никак не отреагировали на эту попытку контакта, и Хенти ушел несолоно хлебавши.

За полуденной трапезой мистер Макмастер обратился к нему с такими словами:

— Мистер Хенти, индейцы рассказали мне, что вы пытались с ними поговорить. Если вам что-то от них нужно, будет проще обратиться к ним через меня. Видите ли, без моего позволения они не станут ничего делать, поскольку считают себя — и в большинстве случаев совершенно справедливо — моими детьми.

— Вообще-то я расспрашивал их насчет каноэ.

— Я так и понял… А теперь, если вы покушали, мы могли бы приступить к следующей главе. Эта книга такая захватывающая!

Они покончили с «Домби и сыном»; почти год минул с того дня, когда Хенти покинул Англию, и мрачное предчувствие вечной разлуки с родиной усугубил найденный между страницами «Мартина Чеззлвита»[102] документ, написанный неровным почерком карандашом:

---

[102] Notes: 102

«Жизнь и приключения Мартина Чеззлвита» — роман Чарльза Диккенса, впервые опубликованный в 1843–1844 годах.

1919 год

Я, Джеймс Макмастер из Бразилии, клянусь Барнабасу Вашингтону из Джорджтауна, что, если он и вправду дочитает «Мартина Чеззлвита», я отпущу его, как только он закончит.

Внизу стоял жирный карандашный крестик, а еще чуть ниже приписка: «Этот крестик поставил мистер Макмастер, засвидетельствовано Барнабасом Вашингтоном».

— Мистер Макмастер, — начал Хенти. — Я вынужден высказаться откровенно. Вы спасли мне жизнь, и, вернувшись в цивилизованный мир, я сделаю все, что в моих силах, чтобы отблагодарить вас. Но сейчас вы удерживаете меня здесь против моей воли. Я требую, чтобы вы меня отпустили.

— Но, друг мой, кто же вас удерживает? Вы свободны, можете уйти в любой момент, когда пожелаете.

— Вы прекрасно знаете, что без вашей помощи я никак не смогу уйти.

— Что ж, тогда вы должны потешить старика. Прочтите мне еще одну главу.

— Мистер Макмастер, клянусь всем, чем вашей душе угодно, что, добравшись до Манаоса, я найду кого-нибудь, кто займет мое место. Я найму

человека, который будет читать вам весь день напролет.

— Но я не хочу никого на ваше место. Вы читаете превосходно.

— Сегодня я читал вам в последний раз.

— Надеюсь, что это не так, — любезно возразил мистер Макмастер.

Этим вечером подали только одну тарелку с вяленым мясом и маниокой, и мистер Макмастер ужинал в одиночестве. Хенти лежал молча, вперив взгляд в потолок из пальмовой соломы.

И на следующий день перед мистером Макмастером была лишь одна тарелка, но на этот раз обедал он, держа на коленях заряженный дробовик. Хенти возобновил чтение «Мартина Чеззливита» с того места, на котором оно было прервано.

Недели влачились в томительной безысходности. Были прочитаны «Николас Никкльби», «Крошка Доррит» и «Оливер Твист». Неожиданно в саванну заявился странник, старатель-полукровка, один из тех одиночек, которые всю жизнь блуждают по лесам, выискивая ручьи, промывая гравий и унция за унцией наполняя кожаный мешочек золотым песком; чаще всего они умирают от теплового удара или голода, с золотом

на пятьсот долларов, висящим на шее. Мистер Макмастер пришел в смятение от визита старателя и, снабдив его маниокой и пассо, ухитрился спровадить восвояси меньше чем за час, но за этот короткий отрезок времени Хенти успел нацарапать свое имя на клочке бумаги и сунуть его в ладонь незнакомца.

Отныне у него появилась надежда. Дни тянулись, подчиненные незыблемому распорядку: кофе на рассвете, утреннее безделье, пока мистер Макмастер хлопочет по хозяйству на ферме, маниока и пассо в полдень, Диккенс на оставшийся отрезок дня, маниока, пассо, а порой даже немного фруктов на ужин, тишина от заката до рассвета с тусклым светом фитилька в плошке с говяжьим жиром и едва различимой соломенной кровлей над головой; но Хенти жил в тихой уверенности ожидания.

Рано или поздно, в этом году или в следующем, старатель прибудет в бразильскую деревню и расскажет, на кого случайно наткнулся. Пресса не могла обойти вниманием бедствия экспедиции Андерсона. Хенти воображал заголовки во всех популярных изданиях; может статься, и сейчас поисковые партии прочесывают местность в тех краях, где он побывал, и вот-вот англий-

ские голоса зазвучат над саванной и дюжина собратьев-путешественников прорвется через кустарник на опушку. Даже во время чтения, пока его губы механически повторяли напечатанные строчки, сознание было далеко от сумасшедшего старика, сидящего напротив, а воображение рисовало картины возвращения домой — постепенного привыкания к цивилизации; вот он побрился, купил новый костюм в Манаосе, телеграфировал насчет денежного перевода, получил поздравительные депеши; вот он наслаждается неторопливым путешествием по реке в Белем, а затем на океанском лайнере плывет в Европу, смакует отличный кларет и с аппетитом поглощает свежее мясо и молодые овощи; вот он смутился при встрече с женой, не зная, как к ней обратиться… «Но, милый, тебя не было куда дольше, чем ты говорил. Я уже начала думать, что ты заблудился…»

Но мистер Макмастер прервал его грезы:

— Не могли бы вы прочитать этот отрывок еще раз? Это место мне в особенности нравится.

Шли недели; ничто не говорило о спасении, но Хенти жил надеждой на то, что может случиться завтра; он даже испытывал некое подобие сердечности по отношению к своему тюремщику и

потому с легкостью дал согласие, когда тот после долгой беседы с соседом-индейцем пригласил Хенти на пирушку.

— Это один из местных праздников, во время которого готовят пивари, — пояснил старик. — Оно может вам не понравиться, но попробовать стоит. Сегодня вечером мы отправимся к дому этого человека.

На том и порешив, после ужина они присоединились к группе индейцев, которые собрались вокруг костра в одной из хижин на другом краю саванны.

Индейцы равнодушно и монотонно пели, передавая по кругу большой калебас с какой-то жидкостью и по очереди к нему прикладываясь. Для Хенти и мистера Макмастера принесли персональные чаши, а для сидения им предоставили гамаки.

— Вы должны выпить все залпом, не опуская чашу. Таковы здешние правила хорошего тона.

Хенти проглотил темную жидкость, стараясь не обращать внимания на вкус. Однако он вовсе не был отвратительным — в отличие от большинства напитков, которыми его угощали в Бразилии, питье было скорее приятным, с оттенками меда и черного хлеба. Хенти откинулся

на спину в гамаке, чувствуя непривычное удовлетворение. Может быть, поисковая партия уже в нескольких минутах пути от них. Теплая сонливость медленно овладевала им. Звучание песни то усиливалось, то затихало, укачивало, убаюкивало. Ему предложили еще одну чашу пивари, и он вернул ее пустой. Когда шириана пустились в пляс вокруг костра, он уже лежал, вытянувшись во весь рост и наблюдая за игрой теней на тростниковых стенах. Затем он закрыл глаза, подумал об Англии, о жене и погрузился в глубокий сон.

Он очнулся все в той же хижине с ощущением, что проспал обычный час своего пробуждения. По солнцу он определил, что уже давно перевалило за полдень. Вокруг не было ни души. Он взглянул на часы, но, к его удивлению, часов на запястье не оказалось. Хенти решил, что оставил их в доме еще до того, как отправился на пирушку.

«Должно быть, вечером я порядком набрался, — подумал он. — Коварное, однако, пойло». Голова его разламывалась, и он боялся возвращения лихорадки. Поднявшись на ноги, он обнаружил, что стоит с трудом; походка была нетвердой, мысли путались, как в первые недели выздоровления. По пути через саванну ему не раз приходилось

останавливаться и, закрыв глаза, переводить дыхание. Добравшись до дома, он увидел мистера Макмастера.

— Увы, друг мой, на сегодняшнее чтение вы опоздали. До заката осталось каких-то полчаса. Как вы себя чувствуете?

— Омерзительно. Этот напиток решительно не по мне.

— Я дам вам кое-что, вам сразу полегчает. В лесу есть средства для всего — и чтобы взбодриться, и чтобы заснуть.

— Вы случайно не видели мои часы?

— Вы их потеряли?

— Должно быть. Я был уверен, что надел их. Слушайте, мне кажется, что я никогда в жизни не спал так долго.

— Разве что когда вы были младенцем. Знаете, как долго вы спали? Два дня.

— Чепуха. Не мог я столько проспать.

— Так и было, уверяю вас. Вы спали очень долго. Какая жалость, что вы не застали наших гостей.

— Гостей?

— Ну да, я об этом и толкую. Пока вы спали, мне скучать не пришлось. Трое мужчин пришли из внешнего мира. Англичане. Такая досада, что вы с ними не встретились. А для них в особенности, ведь они так хотели вас увидеть. Но что я мог поделать? Вы спали как убитый. Они проделали такой путь, чтобы найти вас, так что я — я знал, вы не стали бы возражать, — подарил им на память ваши часы. Они хотели привезти что-нибудь домой для вашей жены, которая предложила большое вознаграждение за любые сведения о вас. Так что они остались довольны. Еще они сделали пару фотографий креста, который я установил в честь вашего прибытия. Это им тоже понравилось. Оказалось, их так легко порадовать. Но вряд ли они вновь посетят нас, тут такая уединенная жизнь… никаких развлечений кроме чтения… Не думаю, что когда-нибудь кто-то еще навестит нас… ну-ну, полно, сейчас я принесу лекарство, и вам мигом полегчает. У вас все еще болит голова, не так ли? Сегодня никакого Диккенса… но завтра… и послезавтра… и послепослезавтра… Давайте перечтем «Крошку Доррит». В этой книге есть такие места, — когда я слышу их, то не могу удержаться от слез.

Перевод Е. Калявиной

Не в своей тарелке

I

Рип достиг уже почтенного возраста, когда ему разонравилось заводить новые знакомства. Он жил в свое удовольствие между Нью-Йорком и более или менее американизированными частями Европы и повсюду, в зависимости от сезона, находил достаточное количество старых знакомых, чтобы развлекаться без особых усилий. Вот уже пятнадцать лет подряд он обедал у Марго Метроленд в течение первой недели своего пребывания в Лондоне и всегда мог быть уверен, что встретит у нее шесть или восемь знакомых и приветливых лиц. Правда, порой попадались какие-то чужаки, но они проходили мимо и исчезали из памяти, оставляя по себе не большее впечатление, чем смена слуг в отеле, где он останавливался.

Однако нынче вечером, войдя в гостиную и не успев еще поприветствовать хозяйку или кивнуть Аластору Трамптингтону, он ощутил поблизости нечто чуждое и тревожное. Окинув взглядов собравшихся, он убедился, что его тревога не беспочвенна. Все мужчины, кроме

одного, стояли. В основном это были старые приятели и горстка новичков — неуклюжих и совершенно незначительных молодых людей, но фигура сидящего мгновенно привлекла его внимание и заморозила его вежливую улыбку. Это был дородный пожилой мужчина, довольно лысый, с широким белым лицом, простиравшимся вниз далеко за пределы нормы. Как Матушка Бегемотиха из «Тигренка Тима» или манишка на карикатуре Дюморье[103]. В глубине лица виднелся малиновый ухмыляющийся рот, а над ним бегающие глазки с осуждающим взглядом — точь-в-точь как у временного дворецкого, пойманного на краже сорочек.

Леди Метроленд редко оскорбляла светскость своих гостей, представляя их друг другу.

— Дорогой Рип, — сказала она. — Как я рада снова вас видеть. Я, знаете ли, ради вас собрала всю банду. — А затем, заметив, что его взгляд сфокусировался на незнакомце, спохватилась: — Это доктор Какофилос, а это мистер Ван Винкль. Доктор Какофилос, — прибавила она, — великий волшебник. Его привела Нора, не представляю зачем.

---

[103] Notes: 103

Дюморье Джордж Луис Палмелла Бассон (1834–1896) — английский писатель и художник-карикатурист французского происхождения.

— Мошенник?

— Волшебник. Нора утверждает, что для него нет ничего невозможного.

— Как поживаете?

— Твори свою волю, таков да будет весь закон, — произнес доктор Какофилос тонким голосом кокни.

— Э?..

— Ответа не требует. Если пожелаете, правильно было бы сказать: «Любовь есть закон, любовь в согласии с волей»[104].

— Понимаю.

— Вам необычайно повезло. Большинство людей — слепцы.

— Знаете что? — вставила леди Метроленд. — Давайте-ка все пообедаем.

Потребовался целый час обильной еды и питья, чтобы Рип снова почувствовал себя непринужденно. Его посадили очень удобно — между двумя дамами, представительницами его поколения, с каждой из которых у него в свое время был роман, но даже их добродушные сплетни не смогли полностью завладеть его вниманием, и он пой-

---

[104] Notes: 104

Доктор Какофилос цитирует «Книги закона» знаменитого оккультиста Алистера Кроули (1875–1947).

мал себя на том, что неотрывно смотрит через стол — туда, где в десяти местах от него доктор Какофилос стращал пучеглазую дебютантку, лишенную всякого подобия интеллекта. Чуть позже, однако, вино и реминисценции взыграли в нем. Он припомнил, что воспитан в истинно католическом духе, и по этой причине ему нет нужды бояться черной магии. Он вспомнил, что богат и пребывает в добром здравии, что ни одна из его женщин не питала к нему злых чувств (а что это, как не признак отличного характера?), что это его первая неделя в Лондоне и что сегодня здесь, похоже, присутствуют все, кого он больше всего любит, что вино льется так обильно, что он перестал ощущать его совершенство. Он был в ударе, и вскоре шестеро его соседей с интересом слушали истории, которые он рассказывал мягким голосом, чуть с ленцой. Он начал ощущать знакомый трепет, будучи наэлектризован тем, что ему удалось завладеть вниманием дамы, сидевшей напротив, на которую он положил глаз нынешним летом в Венеции, а два года назад — в Париже. Он выпил еще прилично и напрочь забыл о чертовом докторе Какофилосе.

Вскоре, почти незаметно для Рипа, дамы покинули столовую. Внезапно он осознал, что сидит,

развалившись в кресле, с бокалом бренди и чуть ли не впервые в жизни беседует с лордом Метролендом. Он рассказывал ему о большой игре и вдруг ощутил сбоку чье-то присутствие — будто сквозняком холодным потянуло. Обернувшись, он увидел, что к нему бочком подкрался доктор Какофилос.

— Проводите меня сегодня домой? — спросил маг. — Вы и сэр Аластор?

— Черта с два я это сделаю, — сказал Рип.

— Черта с два, — повторил Какофилос, и глубокий смысл прозвучал в его отвратительных интонациях кокни. — Я имею в вас надобность.

— Наверное, нам следует пойти наверх, — сказал лорд Метроленд. — А не то Марго станет беспокоиться.

Остаток вечера Рип провел в блаженном оцепенении. Он помнил, как Марго призналась ему, что Нора и та глупая девочка устроили сцену из-за доктора Какофилоса и обе ушли домой в ярости. Вскоре ряды гостей стали редеть, пока не оказалось, что Рип пьет виски в маленькой гостиной один на один с Аластором Трамптингтоном. Они попрощались и сошли по лестнице, поддерживая друг друга.

— Я тебя подброшу, старина.

— Нет, старина, это я подброшу тебя.

— Я люблю кататься по ночам.

— Я тоже, старина.

На ступенях крыльца холодный голос с акцентом кокни ворвался в их дружескую дискуссию:

— А не могли бы вы подбросить меня? — Ужасающая фигура в черном плаще выскочила прямо на них.

— А куда вы хотите ехать? — спросил Аластор с некоторой неприязнью.

Доктор Какофилос назвал какой-то невразумительный адрес в Блумсбери.

— Извините, старина, мне совсем не по пути.

— И мне тоже.

— Но вы сами сказали, что любите кататься по ночам.

— О боже! Ладно, запрыгивайте.

И они втроем укатили.

Рип так и не понял, каким образом они с Аластором оказались в гостиной доктора Какофилоса. Они точно зашли не выпить, потому что выпивки там не было. Не знал он также, когда это доктор Какофилос успел нарядиться в малиновую хламиду, расшитую золотыми символами, и остроконечный малиновый колпак. Просто до него совершенно внезапно дошло, что доктор

Какофилос облачен во все это. А когда до него это дошло, то он начал хихикать, и хихикал так неудержимо, что ему даже пришлось усесться на кровать. Аластора тоже обуял смех, и они оба долго еще сидели на кровати и хохотали.

Но совершенно неожиданно Рип обнаружил, что они перестали смеяться, а доктор Какофилос, по-прежнему выглядевший по-дурацки в своем жреческом одеянии, глубокомысленно речет о времени, материи, духе и о многих вещах, без малейшего представления о которых Рип прекрасно провел сорок три насыщенных событиями года.

— Итак, — возвестил доктор Какофилос, — вы должны вдохнуть огонь, и воззвать к Омразу — духу освобождения, — и отправиться в прошлое сквозь века, и вновь обрести мудрость, которую века рассудка потратили впустую. Я избрал вас, потому что таких невежд, как вы двое, я в жизни не видывал. Я обладаю слишком большим знанием, чтобы рисковать собой. А если не вернетесь вы — потеря будет невелика.

— Ну знаете, — сказал Аластор.

— И более того — вы под градусом, — заметил доктор Какофилос, внезапно перейдя на будничный тон.

Затем его речь снова обрела поэтическую

окраску, а Рип зевнул, и Аластор зевнул. Наконец Рип сказал:

— Чертовски здорово, старина, что ты нам все это поведал. В другой раз непременно зайду дослушать остальное. А теперь мне пора, знаешь ли.

— Да, — поддакнул Аластор, — вечер удался на славу.

Доктор Какофилос стянул с головы остроконечный колпак и вытер пот с лысой макушки. С нескрываемым презрением он оглядел своих откланивающихся гостей.

— Пьянчуги, — произнес он. — Вы причастны к тайне, сами того не осознавая. Через несколько минут ваша пьяная поступь обгонит века. Скажите, сэр Аластор, — спросил он, и лицо его озарила жуткая шутливая учтивость. — Имеются ли у вас какие-либо предпочтения касательно вашего перемещения? Вы можете выбрать любое столетие, какое пожелаете.

— О, право, чертовски любезно с вашей стороны… Я, знаете ли, не то чтобы большой дока в истории.

— Говорите.

— Да мне, честное слово, все равно, какое хоти-

те. Может, времена Этельреда Неразумного[105]? Всегда питал к нему слабость.

— А вы, мистер ван Винкль?

— Что ж, если бы я захотел переместиться, то, как истинный американец, предпочел бы отправиться в будущее — лет этак на пятьсот.

Доктор Какофилос приосанился.

— Твори свою волю, таков да будет весь закон.

— Я отвечу так: «Любовь есть закон, любовь в согласии с волей».

— Боже, ну и долго же мы проторчали в этом доме, — сказал Аластор, когда они наконец добрались до «бентли». — Жуткий старый жулик. Надо же было так надраться.

— Черт, а я бы еще выпил, — отозвался Рип. — Знаешь какое-нибудь местечко?

— Знаю, — сказал Аластор и, круто свернув за угол, врезался боковиной в почтовый фургон, который грохотал по Шафтсбери-авеню со скоростью сорок пять миль в час.

Когда Рип встал, слегка оглушенный, но, насколько он мог судить, без особых повреждений, то почти не удивился тому, что обе машины

---

[105] Notes: 105

Этельред II Неразумный — король Англии в 978–1013 и в 1014–1016 годы, в период датских завоевательных походов. Отличался слабовольным и нерешительным характером.

исчезли.

Ему и без того было чему удивляться: легкий бриз, чистое, усыпанное звездами небо, просторный горизонт, не заслоненный зданиями. Луна в последней своей четверти, низко повисшая на рощей и озаряющая склон, бугристый дерн и стадо овец, мирно стригущее осоку на площади Пикадилли и в ее окрестностях, отражались в тихой заводи, тут и там пронизанной тростником.

Повинуясь инстинкту, так как его голова и глаза по-прежнему горели от выпитого вина, а в пересохшем рту стоял мерзкий привкус, Рип подошел к воде. Его лакированные туфли с каждым шагом увязали все глубже, и он остановился в нерешительности. Перед ним зиял вход на станцию метро, превращенный в развалины в духе Пиранези[106]. Черное жерло поросло папоротниками, несколько осыпающихся ступеней вели к черной воде. «Эрос»[107] исчез, но пьедестал возвышался над камышами — замшелый и

---

[106] Notes: 106

Пиранези Джованни Батиста (1720–1778) — итальянский художник, прославившийся циклом гравюр с изображением римских древностей.

[107] Notes: 107

«Эрос» — мемориальный фонтан Шафтсбери, широко, но неправильно известный как «Эрос», представляет собой фонтан, увенчанный крылатой статуей Антероса, расположенный на юго-восточной стороне площади Пикадилли в Лондоне.

полуразрушенный.

— Обалдеть, — медленно произнес мистер ван Винкль. — Двадцать пятый век.

Затем он переступил порог станции и, опустившись на колени на скользкой пятой ступеньке, окунул голову в воду.

Абсолютное безмолвие окружало его, лишь овцы ритмично, еле слышно щипали траву. Облака заволокли луну, и Рип встал в благоговейном страхе перед тьмой. Они проплыли, и Рип вышел на свет, покинул грот и взобрался на травяной холмик на углу Хеймаркет.

Между деревьями на юге он мог разглядеть серебряную полоску реки. Осторожно, ибо под ногами были сплошные ямы да расщелины, он пересек то, что когда-то было Лестерской и Трафальгарской площадями. Огромные илистые равнины, затопляемые при высокой воде, простирались под ногами вдоль Стрэнда, а на краю ила и осоки виднелась группа хижин, построенных на сваях — недосягаемых, поскольку их предусмотрительные хозяева подняли лестницы на закате. На утоптанных земляных площадках тлели красные угли двух почти догоревших костров. Оборванный сторож спал, уткнув голову в колени. Две или три собаки рыскали под лачуга-

ми, вынюхивая объедки, но ветер дул с реки, и, хотя Рип и произвел некоторый шум, приближаясь, собаки не подняли тревоги. Беспредельный покой лежал со всех сторон среди чудовищных очертаний поросшей травой каменной кладки и бетона. Рип скрючился в сырой расщелине и ждал утра.

По-прежнему была ночь — еще темнее оттого, что зашла луна, когда закукарекали петухи — штук двадцать или тридцать, прикинул Рип — на своих деревенских насестах. Страж ожил и поворошил угли, подняв целый сноп древесных искр.

Вскоре узкая полоска света появилась ниже по течению, расширяясь в нежный летний рассвет. Птицы запели вокруг. На маленьких помостах перед хижинами появились домочадцы: женщины, почесывающие головы, встряхивающие одеяла, голые дети. Они спускали лестницы из шкур и палок. Две или три женщины с глиняными горшками в руках направились к реке, чтобы набрать воды. Они задрали одежды до пояса и вошли в воду глубоко, по самые бедра.

Из своего укрытия Рип видел всю деревню как на ладони. Хижины тянулись одной линией вдоль берега — на полмили или чуть меньше. Всего около пятидесяти, все одного размера и

формы — глиняные мазанки с крышами из шкур, казавшиеся крепкими и добротными. Не менее дюжины челноков лежали на илистых отмелях. Одни были выдолблены из стволов деревьев, другие напоминали плетеные корзины, покрытые шкурами. Люди были белокожи и светловолосы, но косматы, и передвигались они вприпрыжку — будто дикари. Говорили они медленно, нараспев, словно лишенная письменности раса, сохранность знания которой зависит от устной традиции.

Слова казались знакомыми, но неразборчивыми. Больше часа Рип наблюдал за деревней, которая пробуждалась и начинала свои обычные ежедневные дела, — видел, как подвешивались над огнем котелки, как мужчины спускаются к лодкам и что-то по-рыбацки глубокомысленно бормочут над ними; видел, как дети карабкаются по столбам к отхожим местам внизу, — и, кажется, впервые в жизни он не знал, что ему делать. А затем, собрав всю решимость, на какую только был способен, зашагал к деревне.

Его приближение произвело молниеносный эффект. Женщины в панике похватали детей и все разом кинулись к лестницам. Мужчины у лодок бросили возиться со снастями и неуклюже

стали взбираться на высокий берег. Рип улыбался и шел дальше. Мужчины сбились в кучу и не выказывали ни малейшего желания двигаться с места. Рип поднял сжатые ладони и дружески потряс ими в воздухе — он видел, как это делают боксеры, выходя на ринг. Косматые белые люди не подавали признаков узнавания.

— Доброе утро, — сказал Рип. — Это Лондон?

Мужчины удивленно переглянулись, а один глубокий старик с белой бородой слегка хихикнул. После мучительно долгой паузы предводитель кивнул и сказал:

— Лоннон.

Потом они опасливо стали окружать его, пока, осмелев, не подошли совсем близко, и начали щупать его диковинную одежду, постукиваяороговелыми ногтями по его мятой рубашке, дергая запонки и пуговицы. Женщины тем временем повизгивали от возбуждения на крышах жилищ. Когда Рип посмотрел на них и улыбнулся, они нырнули в дверные проемы и выглядывали на него из сумрачных недр. Он чувствовал себя на редкость глупо, и у него сильно кружилась голова. Мужчины тем временем принялись обсуждать его. Они присели на корточки и начали спорить — без воодушевления или убежденно-

сти. До него долетали обрывки фраз — «белый», «черный хозяин», «обмен», но по большей части их жаргон был лишен смысла. Рип тоже присел. Голоса взмывали и опадали, будто песнопения. Рип зажмурился и предпринял отчаянное усилие, чтобы проснуться, пробудиться от этого нелепого кошмара.

— Я в Лондоне, в тысяча девятьсот тридцать третьем году, остановился в отеле «Ритц». Вчера вечером я слишком много выпил у Марго. В будущем надо поостеречься. На самом деле ничего страшного. Я в «Ритце», в тысяча девятьсот тридцать третьем.

Он повторял это снова и снова, отрешив чувства от всех внешних впечатлений, принуждая свою волю устремиться к здравомыслию. Наконец, полностью убедив себя, он поднял голову и открыл глаза… раннее утро над рекой, скопище мазанок, круг бесстрастных варварских лиц…

II

Не стоит думать, что тот, кто перескочил через пять сотен лет, станет обращать большое внимание на смену дней и ночей. Как часто прежде во время своего беспорядочного чтения Рип наталкивался на фразы вроде «С той поры время

утратило для нее реальность». Наконец он понял, что они означали. Какое-то время он жил под охраной среди лондонцев. Те кормили его рыбой, грубым хлебом и угощали хмельным, тягучим пивом. Часто в предвечерний час, закончив дневные труды, женщины деревни собирались вокруг него и жадно и пристально наблюдали за каждым его движением, порой нетерпеливо (однажды к нему подобралась осанистая молодая матрона и внезапно дернула за волосы), но по большей части застенчиво — готовые захихикать или разбежаться врассыпную при любом необычном движении.

Этот плен, возможно, продлился немало дней. Он чувствовал несвободу и инаковость — и ничего больше.

Затем последовали иные впечатления: прибытие «хозяина»; день общего возбуждения в деревне; появление большой моторной лодки с тентом и флагом; команда щеголеватых негров, одетых в мундиры из кожи и меха, несмотря на разгар лета; негритянский капитан, отдающий приказы тихим надменным голосом. Лондонцы притащили мешки из своих хижин и разложили на пляже вещи, которые они раскопали среди руин, — детали механизмов и украшения, фар-

форовые черепки, стекло и элементы резной каменной кладки, ювелирные изделия и бесполезные куски каких-то предметов, подходящие, как они надеялись, для торговли. Чернокожие сгрузили на сушу тюки плотной материи, кухонную утварь, рыболовные крючки, лезвия для ножей и топоров. Последовали обсуждение и обмен, а потом находки с раскопок перекочевали на борт катера. Рипа вывели вперед, представили, повертели и осмотрели со всех сторон, затем тоже препроводили на катер.

Фантасмагорическое путешествие вниз по течению; Рип, восседающий на тюках в грузовом отсеке; капитан, невозмутимо попыхивающий сигарой. Они то и дело останавливались в селениях куда меньше Лондона, но выстроенных по тому же самому плану. Здесь любопытные англичане толпились на берегу или, барахтаясь, подплывали ближе, чтобы поглазеть на Рипа, пока им категорически не велели держаться на расстоянии. Кошмарное путешествие продолжилось.

Прибытие на побережье; большая военная база; форма из кожи и меха; черные лица; флаги; приветствия. Пристань с большим пароходом; казармы и дом правительства. Негр-антрополог

в огромных очках. Впечатления стали более яркими и более краткими; мгновенное озарение, подобное мерцанию молнии. Кто-то терпеливо пытается поговорить с Рипом. Кто-то очень медленно произносит английские слова, читая ему из книги — знакомые слова с необычным акцентом; чернокожий человек, читающий Рипу Шекспира. Кто-то измеряет его череп штангенциркулем. Усиливается мрак и отчаяние; несвобода и чужеродность; моменты озарения — все более редкие и фантастические.

Ночью, когда Рип просыпался и лежал наедине со своими мыслями — весьма ясными и безутешными, он говорил себе: «Это не сон. Я просто сошел с ума». Потом чернота и дикость стали еще беспросветнее.

Офицеры и официальные лица приходили и уходили. Поговаривали о том, чтобы отправить его «домой». «Дом», — думал Рип, и за следующим административным городом, расплывчатым и более отдаленным, он увидел упорядоченную череду безликих апартаментов с паровым отоплением, крыши кают и прогулочные палубы, казино, бары и рестораны, которые были его домом.

А позднее — насколько позднее, он не мог бы

сказать — что-то новое и в то же время нестареющее. Слово «Миссия», написанное краской на борту. Чернокожий, одетый в доминиканскую рясу… и усиливающаяся ясность. Рип знал, что при всей инаковости там возникло что-то знакомое, очертания среди хаоса. Нечто совершалось. Нечто знакомое Рипу. Нечто неподвластное двадцати пяти векам. Из его собственного детства, пережившего старость мира. В бревенчатой церквушке прибрежного городка он сидел на корточках среди местных прихожан. Некоторые из них были одеты в поношенные мундиры. На женщинах были мешковатые, по-монашески сшитые платья. Растрепанные белые люди вокруг него глядели затуманенными, непонимающими глазами в другой конец комнаты, где горели две свечи. Священник повернул к ним свое кроткое черное лицо.

— Ite, missa est[108].

III

Прошло несколько дней после происшествия, прежде чем Рип пришел в себя настолько, чтобы

---

[108] Notes: 108

Ступайте, месса окончена *(лат.)* — конец богослужения, финальный распев.

говорить. Когда к нему вернулось сознание, он спросил у священника, сидевшего у его изголовья:

— Одного я не могу понять, отче: каким образом вы-то там оказались?

— Меня вызвали проведать сэра Аластора. Он не слишком пострадал, но лежал без памяти. Вы оба счастливо отделались. Странно, что сэр Аластор послал за мной, — он ведь не был католиком, но, похоже, пока он лежал без чувств, ему приснился некий сон, заставивший его послать за священником. Потом мне сказали, что и вы здесь, так что я навестил и вас.

Рип ненадолго задумался. Он почувствовал сильное головокружение, когда попытался размышлять.

— Аластор тоже видел сон?

— Очевидно, что-то о Средневековье. Это и заставило его послать за мной.

— Отче, — сказал Рип, — я хочу исповедоваться… Я экспериментировал с черной магией…

Перевод Е. Калявиной

По специальному заказу

Альтернативное окончание «Пригоршни праха»

Оно использовано в сериальной версии и заменяет главы V, VI и VII, начинаясь на двести сорок первой странице книги. Весь бразильский эпизод, таким образом, пропущен. Тони Ласт покидает Лондон после неудачной попытки договориться с женой о разводе и отправляется в долгий и праздный круиз.

Следующей зимой

I

Во второй половине дня, уже под вечер, лайнер вошел в порт Саутгемптона.

Они расстались с солнцем три дня назад; после Азорских островов было открытое море; над Каналом белел туман. Тони бодрствовал всю ночь, потревоженный противотуманными сигналами и сомнениями, связанными с предстоящим возвращением.

Они пришвартовались у причала. Тони пере-

гнулся через перила, высматривая своего шофера. Он заранее отправил каблограмму в Хеттон, что его нужно встретить и отвезти домой. Ему хотелось увидеть новые ванные комнаты. Половину лета в Хеттоне трудились рабочие. Его ожидает множество перемен.

Поездка прошла без приключений. Тони не питал страсти к серьезным путешествиям среди джунглей, скал и пампасов; он не имел ни малейшего желания убивать крупную дичь или исследовать не отмеченные на карте притоки рек. Англию он покинул, потому что в сложившихся обстоятельствах это казалось ему правильной процедурой, обычаем, освященным в художественной литературе и истории поколениями разочарованных мужей. Он вверил себя попечению туристического агентства и несколько ленивых месяцев болтался между островами Вест-Индии, обедал в резиденциях губернаторов, попивал коктейли на клубных верандах и легко обретал популярность за капитанскими столиками, метал на палубе кольца и играл в пинг-понг, танцевал на палубе и катался с новыми знакомыми по хорошо обустроенным дорогам среди тропической растительности. Теперь он снова был дома. За прошедшие недели он все реже и

реже думал о Бренде.

Вскоре он узнал своего шофера среди немногочисленной публики на причале. Тот взошел на борт и принял на себя заботы о багаже. Автомобиль ждал их по другую сторону таможенных ангаров. Шофер сказал:

— Следует ли мне отправить большой сундук поездом?

— Но ведь позади машины полно места, разве не так?

— Ну, это вряд ли, сэр. У ее светлости с собой много багажа.

— У ее светлости?

— Да, сэр. Ее светлость ожидает в машине. Она телеграфировала, что мне следует забрать ее из отеля.

— Понятно. И у нее много вещей?

— Да, сэр, на редкость много.

— Что ж, тогда вам действительно лучше отправить сундуки поездом.

— Очень хорошо, сэр.

Так что Тони пошел к автомобилю один, пока шофер занимался багажом.

Бренда забилась в угол на заднем сиденье. Она сняла шляпку — маленькую вязаную шапочку, сколотую брошью, которую он подарил ей много

лет назад, — и положила ее на колени. В салоне автомобиля был глубокий сумрак. Она посмотрела на него, не поднимая головы.

— Дорогой, — сказала она. — Твой корабль пришел очень поздно.

— На Канале нас застал туман.

— Я приехала сюда вчера вечером. В конторе мне сказали, что ты прибудешь рано утром.

— Да, мы припозднились.

— На эти корабли никогда нельзя положиться, правда? — сказала Бренда.

Возникла пауза. Затем она спросила:

— Ты сядешь или нет?

— Там с багажом суета возникла.

— Блейк проследит.

— Он отправляет его поездом.

— Да, я так и подумала, что ему придется. Извини, я столько вещей привезла… Видишь ли, я привезла их все. Я съехала с той квартиры… Там запах никогда не выветривается. Я думала, что это только поначалу, но стало еще хуже. Понимаешь, радиатор воняет. Так что я подумала-подумала и решила от нее отказаться.

Тут вернулся шофер. Он все уладил с багажом Тони.

— Что ж, нам лучше немедленно выехать.

— Очень хорошо, сэр.

Тони сел рядом с Брендой, и шофер захлопнул за ними дверцу автомобиля. Они проехали по улицам Саутгемптона и выбрались в пригород. В окнах домов, мимо которых они приезжали, уже горели лампы.

— Как ты узнала, что я приезжаю сегодня вечером?

— Я думала, ты приедешь сегодня утром. Джок так мне сказал.

— Я не рассчитывал тебя увидеть.

— Джок сказал, для тебя это будет сюрпризом.

— Как там Джок?

— С ним случилось что-то ужасное, но я не помню, что именно. Что-то связанное с политикой, наверное, а может, с девушкой. Не могу вспомнить.

Они сидели далеко друг от друга — каждый в своем углу. Тони очень устал после бессонной ночи. Веки у него отяжелели, глаза болели от света, когда они проезжали через ярко освещенный городок.

— Хорошо провел время?

— Да, а ты?

— Нет, на самом деле довольно паршиво. Но вряд ли тебе захочется об этом слышать.

— Какие планы?

— Туманные. А у тебя?

— Туманные.

А затем, убаюканный уютной теснотой и мягким покачиванием, Тони уснул. Он проспал два с половиной часа, спрятав пол-лица в воротник пальто. Один раз, когда они остановились у железнодорожного переезда, он наполовину проснулся и спросил:

— Приехали?

— Нет, дорогой. Еще несколько миль.

И он снова уснул, а когда проснулся, оказалось, что они уже сигналят у ворот. И еще он обнаружил, проснувшись, что на вопрос, который ни он, ни Бренда не задали, был дан ответ. Это должно было стать переломным моментом, его судьба находилась в его руках. Ему было что сказать, следовало принять решение, которое повлияет на каждый час его будущей жизни. А он уснул.

Эмброуз вышел их встречать на подъемный мост.

— Добрый вечер, миледи. Добрый вечер, сэр. Надеюсь, у вас был приятный вояж, сэр.

— Очень приятный, благодарю, Эмброуз. Здесь все в порядке?

— В полном порядке, сэр. Всего пара мелочей,

но о них я, пожалуй, лучше сообщу утром.

— Да, оставим на утро.

— Вся ваша корреспонденция в библиотеке, сэр.

— Спасибо. Это я тоже утром посмотрю.

Они вошли в просторный зал наверху. В «Гвиневре»[109] горел большой камин.

— Люди уехали только на прошлой неделе, сэр. Думаю, вы найдете их работу весьма удовлетворительной.

Пока распаковывали его чемодан, Тони и Бренда осмотрели новые ванные комнаты. Тони открутил краны.

— Я не разжигал печку, сэр. Но на днях мы ее опробовали, и результат оказался весьма удовлетворительным.

— Давай не будем переодеваться, — сказал Бренда.

— Нет. Мы поужинаем прямо сейчас, Эмброуз.

За ужином Тони рассказывал о своем путешествии, о людях, которых он встретил, об очаровательных пейзажах, о беспечности негритянского населения, о дивном аромате тропических фрук-

---

[109] Notes: 109

В романе «Пригоршня праха» в поместье Хеттон помещения названы в честь героев или географических объектов, упоминаемых в цикле легенд о короле Артуре.

тов, о цветистом гостеприимстве всяческих губернаторов.

— Мне интересно, сможем ли мы вырастить авокадо здесь, в наших оранжереях, — сказал он.

Бренда была не слишком разговорчива. Он спросил ее вскользь:

— А ты вообще куда-нибудь ездила?

И она ответила:

— Я? Нет. Все время в Лондоне.

— Как там все?

— Я не так уж часто встречалась с людьми. Полли в Америке.

И тут Тони поведал о великолепном управлении на Гаити.

— Они там все сделали совершенно по-новому, — сказал он.

После ужина они сидели в библиотеке. Тони оглядел внушительную стопку писем, накопившихся за время его отсутствия.

— Нет, сегодня я с ними ничего не смогу поделать, — сказал он. — Я так устал.

— Да, ляжем спать пораньше.

Повисла пауза, и вот тогда-то Бренда спросила:

— Ты ведь больше не злишься на меня, правда ведь?.. Из-за того недоразумения с мистером Бивером?

— Вот уж не знал, что я вообще злился.

— О, ты злился. Под конец, перед тем как уехать.

Тони не ответил.

— Так ты не злишься, правда? Я надеялась, что нет, когда ты уснул в машине.

Вместо ответа Тони спросил:

— А что стало с Бивером?

— Это весьма печальная история, ты действительно хочешь ее услышать?

— Да.

— Что ж, все случилось очень быстро. Видишь ли, я просто не смогла его удержать. Он ушел почти в то же время, что и ты.

Ты ведь оставил мне не слишком много денег, не так ли? И все очень осложнилось, потому что у бедного мистера Бивера тоже ничего не было. Так что все стало очень неудобно… А еще этот клуб, в который он захотел вступить — Браунс — и куда его не приняли, а он почему-то взъелся на меня, поскольку решил, что я должна заставить Реджи помогать ему, а на самом деле случилось все наоборот: Реджи был главным среди тех, кто не хотел его пускать. Джентльмены так забавно носятся со своими клубами. Я бы почла за счастье принять туда мистера Бивера, а вот они — нет.

А потом и миссис Бивер на меня рассердилась — она и всегда-то была старой каргой, — а я попыталась устроиться на работу в ее магазин, но нет — она меня не взяла из-за того, что, по ее мнению, я вредила Биверу. Потом я стала работать с Дейзи, пытаясь убедить людей сходить в ее ресторан, но не преуспела в этом, а те, что пошли, не оплатили счета.

Так вот я жила на подачки из лавки деликатесов за углом, и друзей у меня почти не было, кроме Дженни. И я ее возненавидела.

Тони, это было паршивое лето.

А под конец явилась эта американка, эта женщина-вамп по имени миссис Рэттери — ты знаешь, Бесстыжая Блондинка. И вот, как только мой мистер Бивер ее увидел, я канула в небытие. Конечно, она была его счастливым билетом, он потерял голову, вот только она, казалось, его вовсе не замечала, и всякий раз, когда они встречались, не помнила, что уже виделась с ним прежде, и это была такая горькая пилюля для Бивера, но это не прибавило порядочности его отношению ко мне. Он ходил за ней повсюду безрадостной тенью, пока наконец миссис Бивер не отослала его не то в Берлин, не то в Вену, поручив купить там кое-что для ее магазина.

Вот такие дела… Тони, да ты опять засыпаешь.

— Ну, я же всю прошлую ночь глаз не сомкнул.

— Давай пойдем наверх.

II

В ту зиму перед самым Рождеством Дейзи открыла новый ресторан. Тони и Бренда на день приехали в Лондон, так что они зашли туда на ланч. Ресторан был полон (у Дейзи в ресторанах всегда было битком, но это, похоже, никак не влияло на образовавшийся в итоге убыток). Они прошли к своему столику, весело кивая направо и налево.

— Все те же лица, — сказала Бренда.

Неподалеку от них разместились за столиком Полли Кокоперс и Сибилла с двумя молодыми людьми.

— А кто это там?

— Бренда и Тони Ласт. Интересно, что с ними стряслось? Они теперь нигде не появляются.

— Они и раньше не слишком часто куда-то ходили.

— Я думала, они разбежались.

— Непохоже на то.

— Я действительно слышала нечто подобное прошлой весной, — сказала Сибилла.

— Да, я тоже помню. Бренда закрутила с кем-то весьма экстраординарным. Не помню, правда, кто это был, но помню, что кто-то весьма экстраординарный.

— А разве это не ее сестра Марджори закрутила?

— Нет, Марджори встречалась с Робином Бизли.

— Да, конечно… Бренда хорошенькая сегодня.

— Пустое. Но не думаю, что у нее когда-нибудь хватило бы энергии, чтобы сбежать.

Тони и Бренда беседовали за своим столиком.

— Я бы хотел, чтобы ты увиделась с ней.

— Нет, ты должен сходить.

— Хорошо, я сам схожу.

Тони пришлось встретиться с миссис Бивер и поговорить насчет квартиры. С момента его возвращения они пытались сдать ее в субаренду, и теперь миссис Бивер сообщила, что в поле зрения появился жилец.

Итак, пока Бренда была у врача (она ждала ребенка), Тони зашел в магазин.

Миссис Бивер осеняло нечто вроде супермодного абажура из целлофана и пробки.

— Как вы нынче, мистер Ласт? — суховато при-

ветствовала она Тони. — Мы с вами не виделись с тех восхитительных выходных в Хеттоне.

— Я слышал, вы нашли жильца.

— Да, кажется нашла. Это молодой кузен Виолы Казм. Конечно, вам, боюсь, придется пойти на небольшую жертву. Эти квартиры оказались слишком популярны, если вы понимаете, о чем я. Спрос настолько подскочил, что на рынок вышло очень много других фирм, и в результате арендная плата упала. Квартиры сейчас снимают все, но застройщики сдают их по сходной цене. Новый жилец будет платить только два фунта пятнадцать пенсов в неделю и настаивает на том, чтобы квартиру полностью перекрасили. Мы, конечно, возьмем это на себя. Думаю, фунтов за пятьдесят можно сделать очень неплохой ремонт.

— А знаете, — сказал Тони, — я тут подумал… очень полезно иметь такую квартиру.

— Просто необходимо, — подтвердила миссис Бивер.

— Вот именно. Что ж, пожалуй, я оставлю ее за собой. Единственное, моя жена немного тревожится насчет арендной платы. Моя идея состоит в том, чтобы во время приездов в Лондон останавливаться в ней, а не в клубе. Это и дешевле, и

намного удобнее. Но моя жена, возможно, видит это в ином свете… на самом деле…

— Вполне вас понимаю.

— Думаю, не стоит указывать мою фамилию на доске внизу.

— Естественно. Многие мои жильцы предпринимают те же меры предосторожности.

— Что ж, тогда все в порядке.

— Меня это вполне устраивает. Осмелюсь предположить, что вы пожелаете поставить кое-какие дополнительные предметы обстановки — письменный стол, к примеру…

— Да, полагаю, стол не помешал бы.

— Я раздобуду его для вас. Думаю, я знаю, что бы вам подошло.

Стол доставили неделю спустя. Он обошелся в восемнадцать фунтов; в тот же день на доске внизу появилась другая фамилия.

В стоимость стола входило соблюдение абсолютной секретности со стороны миссис Бивер.

Тони встретился с Брендой в доме у Марджори, и они вместе уехали вечерним поездом.

— Ты избавился от квартиры? — спросила она.

— Да, все устроилось.

— Миссис Бивер довольна?

— Более чем.

— Ну, значит, со всем этим покончено, — сказала Бренда.

А поезд сквозь темноту мчал их в Хеттон.

Перевод Е. Калявиной

Историческая зарисовка

Леди Амелия была воспитана в твердой вере, что читать романы по утрам — верх неприличия. И теперь, на склоне лет, когда у нее было на редкость мало занятий в те два часа между четвертью двенадцатого, когда она в шляпке, благоухающая лавандовой водой, появлялась внизу, и объявлением, что ланч готов, она строго придерживалась этого принципа. Однако, как только ланч заканчивался и кофе подавали в гостиную, пока горячее молоко в блюдечке остывало настолько, чтобы Манчу смог его лакать; летом, пока солнечный свет струился сквозь венецианские жалюзи на закругленных окнах эпохи Регентства; зимой, пока в камине за округлой формы решеткой эпохи Регентства пылали аккуратно ссыпанные угли; пока Манчу фыркал и лакал из блюдечка, а леди Амелия раскладывала на коленях толстую шерстяную пряжу разных оттенков, с которой теперь вынуждало ее работать слабеющее зрение; пока элегантные часы эпохи Регентства тикали, отсчитывая два с половиной часа, оставшиеся до чаепития, — мисс Майерс вменялось в обязанность вслух читать роман

своей хозяйке.

С течением лет леди Амелия пристрастилась к романам, причем к романам определенного сорта. Библиотекарша из платной библиотеки называла их «ядреным мясцом» и хранила в укромном месте под столом. Получать и возвращать их было обязанностью мисс Майерс.

— Нет ли у вас чего-нибудь такого, что любит леди Амелия? — спрашивала она мрачно.

— Что ж, вот только что получили, — отвечала библиотекарша, извлекая книжицу откуда-то из-под ног.

Одно время леди Амелия обожала любовные истории о легкомысленных богачах; затем у нее наступила психологическая фаза; в данный момент ее интересовала американская школа: брутальный реализм и грубый сленг.

— Что-нибудь вроде «Убежища» или «Бесси Коттер»[110], — вынуждена была скрепя сердце уточнить мисс Майерс.

И в послеполуденной тишине, нарушаемой лишь тонкими модуляциями ее голоса, продирающегося страница за страницей сквозь

---

[110] Notes: 110

«Бесси Коттер» — роман американского репортера, художника и сценариста Уоллеса Смита (1888–1937) о похождениях проститутки в высшем обществе.

повествование о насилии и предательстве, изложенное на едва понятном наречии, леди Амелия время от времени хихикала, уткнувшись в свое вязание.

— Женщины в мои лета всегда посвящают себя религии или романам, — сказала она. — И я заметила, что среди немногих моих подруг, оставшихся в живых, те, что читают романы, чувствуют себя гораздо лучше.

История, которую они читали, подошла к концу в половине пятого.

— Благодарю вас, — сказала леди Амелия. — Было очень увлекательно. Мисс Майерс, запишите имя автора, пожалуйста. Надо будет вам заглянуть в библиотеку после чая и спросить, нет ли у них чего-нибудь еще. Надеюсь, вам понравилось.

— Ну, это была очень печальная история, не правда ли?

— Печальная?

— Бедный юноша, написавший ее, видимо вырос в ужасном доме.

— Почему вы так решили, мисс Майерс?

— Ну, все было так притянуто за уши.

— Странно, что вы так думаете. Я неизменно нахожу современные романы до болезненности сдержанными. Конечно, до недавнего времени

я вообще романов не читала. И не могу сказать, каковы они были раньше. В прежние времена я была слишком занята — моя собственная жизнь, жизнь моих друзей, которые выросли где угодно, но только не в ужасных домах, — прибавила она, бросив взгляд на свою компаньонку, взгляд был острый и хлесткий, словно удар линейкой слоновой кости по костяшкам пальцев.

До чая оставалось полчаса. Манчу спал на коврике у решетки нерастопленного камина; солнце струилось сквозь жалюзи, роняя длинные полосы света на обюссоновский ковер[111]. Леди Амелия устремила взгляд на геральдический узор каминного экрана и мечтательно продолжила:

— Полагаю, так не годится. Невозможно писать о том, что происходит на самом деле. К романам так привыкли, что не верят им. Бедные писатели постоянно из кожи вон лезут, чтобы истина казалась правдоподобной. «Боже мой, — часто думаю я, когда вы сидите и так терпеливо читаете мне. — Если бы просто взять и описать события, которые произошли в любом доме за несколько лет… Никто ведь не поверит». Я так и слышу, дорогая мисс Майерс, как вы говорите:

---

[111] Notes: 111

Обюссон — французская фирма по производству гобеленовых ковров синего цвета, а также название ковра.

«Возможно, такое и могло случиться, но очень редко, раз в столетие — в ужасных домах». А ведь они случаются постоянно, эти события, каждый день, у нас на глазах — или, по крайней мере, так было во времена моей молодости. Взять, к примеру, весьма иронические обстоятельства наследования нынешнего лорда Корнфиллипа.

Я хорошо знала Корнфиллипов в прежние времена, — продолжала леди Амелия. — Этти приходилась кузиной моей матери — и когда мы с мужем только поженились, то каждую осень останавливалась у них ради фазаньей охоты. Билли Корнфиллип был ужасный зануда — просто редкостный зануда. Он служил в полку моего мужа. Знавала я множество зануд в то время, когда только вышла замуж, но Билли Корнфиллип считался занудой даже среди друзей моего супруга. У них поместье в Уилтшире. Как я понимаю, сейчас мальчик пытается его продать. И это меня не удивляет. Особняк весьма уродливый, и жить в нем вредно для здоровья. От поездок туда меня просто в дрожь бросало.

Этти же была совсем другая — милая, быстроглазая малышка. Ее считали резвуньей. Конечно, для нее это была очень хорошая партия — она была одной из шести сестер, а отец ее — младший

сын, бедолага. Билли был старше ее на двенадцать лет. Она с ним много лет прожила. Помню, как я прослезилась от радости, получив от нее письмо, где сообщалось о помолвке… Как раз за завтраком… Она использовала очень художественную писчую бумагу — по краям голубенькая, а в углу синий бант…

Бедняжка Этти всегда была художественной натурой; она пыталась как-то украсить дом — развешивала павлиньи перья, раскрашенные тамбурины и модные трафаретные узоры, — но результат всегда был весьма удручающим. На некотором отдалении от дома она разбила для себя маленький сад — с высокой каменной оградой и дверью на висячем замке, за которой она скрывалась, чтобы предаваться своим мыслям — или она так только говорила — долгими часами. Она называла его Садом Размышлений. Однажды мне довелось там побывать вместе с ней — это считалось большой привилегией — после очередной ее ссоры с Билли. Ничего-то там толком не росло — в основном из-за стен, полагаю, и потому что она все делала сама. В центре находилась замшелая скамейка. Видимо, на ней она и сидела, когда размышляла. И повсюду стоял отвратительный запах сырости…

Что ж, все радовались удаче Этти, и, кажется, поначалу ей нравился Билли, и она готова была хорошо к нему относиться, несмотря на его занудство. Видите ли, это произошло, когда мы все уже отчаялись. Билли долгое время был другом леди Инстоу, и мы опасались, что она не позволит ему жениться, но в том году они крупно разругались в Каусе[112], и Билли в дурном расположении духа уехал в Шотландию, а Этти как раз гостила у них в доме, так что все устроилось, и я стала одной из подружек невесты.

Не радовался только один человек — Ральф Бланд. Видите ли, он был ближайшим родственником Билли и стал бы его наследником в том случае, если бы Билли умер бездетным, и с течением лет он начал питать большие надежды.

Этот Ральф весьма печально кончил, вернее, я не знаю, что с ним сталось, но в то время, о котором я рассказываю, он пользовался чрезвычайной популярностью, особенно среди женщин… Бедная Виола Казм была влюблена в него без памяти. Хотела сбежать с ним. Они с леди Анкоридж из-за него сходили с ума от ревности. Особенно все обострилось, когда Виола доведа-

---

[112] Notes: 112

Каус — портовый город на острове Уайт, где проходит Королевская регата.

лась, что леди Анкоридж платит ее горничной пять фунтов за то, чтобы та пересылала ее письма Ральфа — до того, как Виола их прочтет, этого она стерпеть не смогла… У него были на редкость очаровательные манеры, и он так забавно говорил глупости… Брак Билли стал для Ральфа огромным разочарованием. Сам-то он уже был женат и имел двоих детей. У жены его было поначалу немного денег, но Ральф все спустил. Билли не слишком-то знался с Ральфом — и то сказать, у них было мало общего, — но он довольно хорошо к нему относился и всегда выручал. На самом деле он какое-то время регулярно выплачивал ему содержание, и, если учесть еще и то, что Ральф получал от Виолы и от леди Анкоридж, ему и впрямь жилось неплохо. Но, как он говорил, ему надо было думать о будущем своих детей, вот потому-то женитьба Билли так сильно его расстроила. Он даже заговорил об эмиграции, и Билли снабдил его большой суммой на то, чтобы обзавестись овечьей фермой в Новой Зеландии, но ничего не вышло, потому что в городе у Ральфа имелся дружок-еврей, который сбежал, прихватив все деньги. Все сложилось крайне неудачно, поскольку Билли выдал ему всю сумму единовременно, намекнув, чтобы Ральф впредь не рассчитывал

на пособие. А тут еще Виола и леди Анкоридж, весьма расстроенные его разговорами об отъезде, нашли с кем утешиться, так что он оказался в очень затруднительном положении, бедняжка.

Впрочем, дух его слегка взбодрился, когда спустя два года не было никаких намеков на наследника. В пору моей молодости люди гораздо чаще обзаводились детишками. Все ожидали, что Этти родит — она была милой, здоровой девушкой, — и, когда этого не случилось, стало ходить множество злорадных сплетен. Сам Ральф повел себя крайне непорядочно. Муж говорил, он открыто отпускал шуточки на сей счет у себя в клубе, и были они крайне дурного тона.

Я хорошо помню, как Ральф последний раз посетил Корнфиллипсов. Это была рождественская вечеринка, и он приехал с женой и двумя своими детьми. Старшенькому было около шести лет в то время, и там произошла довольно болезненная сцена. Сама я при ней не присутствовала, но мы гостили по соседству — у Локджоев — и, конечно, слышали обо всем. Билли как раз находился в самом напыщенном расположении духа и похвалялся своим домом, когда сынишка Ральфа торжественно и очень громко произнес: «Папа говорит, что когда я буду на вашем месте, то смогу

все это снести. Деньги — единственное, о чем стоит беспокоиться».

Это случилось ближе к концу большой и довольно старомодной рождественской вечеринки, так что никто не был настроен прощать. Таким образом, кузены окончательно рассорились. Несмотря на новозеландское фиаско, Билли худобедно поддерживал Ральфа. Теперь же он отказал ему в любом воспомоществовании, а Ральф воспринял это очень болезненно.

Вы знаете — или, возможно, дорогая мисс Майерс, вам выпало счастье не знать, каково это, когда близкие родственники начинают враждовать. Нет предела жестокости, к коей они прибегают. Мне стыдно рассказывать, как вели себя эти двое мужчин в течение двух последующих лет по отношению друг к другу. Никто не ведал пощады.

Например, Билли, конечно же, был консерватором. И тут явился Ральф, выдвинулся в своем округе от радикалов и выиграл всеобщие выборы.

Вы должны понимать, что в те времена низшие классы еще и не думали заниматься политикой. Как правило, кандидаты с обеих сторон были людьми со средствами и порой были вынуждены

тратить весьма значительные суммы. На самом деле гораздо больше, чем Ральф мог себе позволить, но в те дни члены парламента имели много возможностей улучшить свое положение, поэтому мы все сочли это очень мудрым поступком Ральфа — чуть ли не первым разумным поступком. То, что последовало дальше, повергло нас в шок.

Билли, конечно, отказался уступать — этого и следовало ожидать, — но, когда выборы закончились и все были полностью удовлетворены результатом, он совершил то, что я считаю Очень Дурным Поступком. Он выдвинул против Ральфа обвинение в подкупе избирателей. Речь шла о трех фунтах, которые Ральф дал садовнику, уволенному из поместья Билли за пьянство. Осмелюсь предположить, что в наши дни такие вещи уже не случаются, но в то время, о котором я говорю, это было общепринято. Никто не одобрял поведения Билли, но он выдвинул обвинение, и беднягу Ральфа сместили.

Ну, я думаю, что именно с тех самых пор бедняга Ральф слегка повредился рассудком. Очень печально это, мисс Майерс, когда мужчина средних лет становится одержим обидой. Помните, какие трудности возникли, когда викарий ре-

шил, что майор Этеридж его преследует. Он так мне и сказал, мол, майор Этеридж залил воду в бензобак его мотоцикла и дал по шестипенсовику мальчикам из хора, чтобы те пели, не попадая в тональность, — вот так и бедный Ральф. Он решил, что Билли намеренно погубил его. Он снял коттедж в деревне и часто ставил Билли в ужасно неловкое положение, приходя на все деревенские праздники и преследуя Билли неотрывным взглядом. Бедняжка Билли всегда смущался, когда ему приходилось держать речь. Ральф иронически смеялся в самых неподходящих местах, но не настолько громко, чтобы Билли был вправе его выгнать. Еще он зачастил в питейные заведения и слишком много пил. Его дважды находили спящим на террасе. Но, разумеется, никто не хотел с ним связываться, потому что в любой момент он мог стать лордом Корнфиллипсом.

Полагаю, для Билли это было тяжелое время. Они с Этти совсем не ладили друг с другом, бедняжки, и она все больше времени проводила в своем Саду Размышлений, произведя на свет книжицу глупых сонетов, все больше о Венеции да о Флоренции, хотя ей так и не удалось уговорить Билли свозить ее за границу. Он вбил себе в голову, что иностранная кухня ему во вред.

Билли запретил ей разговаривать с Ральфом, что было ужасно неловко, поскольку они постоянно встречали друг друга в деревне и в старые времена очень дружили. Ральф же постоянно презрительно отзывался о мужественности Билли и говорил, что пора бы уже кому-нибудь отбить у него Этти. Но это была лишь одна из шуток Ральфа, потому что Этти день ото дня все худела и худела и одевалась самым богемным образом, а Ральфу всегда нравились шикарные пышечки — вроде бедняжки Виолы Казм. Несмотря на все ее недостатки, — сказала леди Амелия, — Виола всегда была шикарной пышечкой.

Кризис грянул как раз во время Бриллиантового юбилея[113]. На празднике был костер, все довольно много дурачились, и Ральф ужасно напился. Он начал глупо угрожать Билли, а тот пожаловался на него мировым судьям, которые вынесли постановление, что Ральфу надлежит соблюдать общественный порядок, и запретили ему проживать в пределах десяти миль от Корнфиллипса. «Ладно, — сказал Ральф перед всем судом, — я уеду, но уеду не один». И вы не поверите, мисс Майерс, в тот же вечер они с Этти

[113] Notes: 113
Шестидесятилетний юбилей королевы Виктории.

вместе уехали в Венецию.

Бедняжечка Этти всегда мечтала о Венеции и написала так много стихов о ней, но для всех нас это стало величайшей неожиданностью. Очевидно, она какое-то время уже встречалась с Ральфом в своем Саду Размышлений.

Не думаю, что Ральф любил ее, потому что, как я уже упоминала, он была не в его вкусе, но он решил, что так сможет насолить Билли.

Что ж, от этого побега вышло мало толку. Они сняли апартаменты во дворце с жуткой антисанитарией, обзавелись гондолой и оплатили кучу счетов. Затем из-за скверных санитарных условий Этти подхватила септическую ангину, и, пока она лежала больная, Ральф встретил некую американку, которая оказалась несравненно больше в его вкусе. Так что не прошло и шести недель, как Этти вернулась в Англию. Конечно, она не поехала к Билли немедленно. Она хотела пожить у нас, но, естественно, это было невозможно. Для всех это была очень неловкая ситуация. О разводе, думаю, никто никогда не заикался даже. Это было задолго до того, как разводы вошли в моду. Но мы все чувствовали, что, если позволим ей остановиться у нас, это будет очень неделикатно по отношению к Билли. А потом, вот это вас очень

удивит, мисс Майерс, мы услышали новость, что Этти вернулась в Корнфиллипс и уже на сносях. Родился сын. Билли был очень доволен, и я уверена, что мальчик ничего не знал, пока совсем недавно, за ланчем у леди Метроленд, мой племянник Саймон весьма злорадно не поведал ему эту историю.

Что касается бедного сыночка Ральфа, то, боюсь, он мало преуспел в жизни. Наверное, сейчас он уже немолод. Кажется, никто о нем ничего не слышал. Возможно, его убили на войне, я не помню точно.

А вот и Росс с подносом. Вижу, миссис Сэмсон снова напекла булочек, которые вы, похоже, так горячо любите. Уверена, дорогая мисс Майерс, вы куда реже страдали бы мигренями, если бы от них воздерживались. Но вы так мало заботитесь о себе, дорогая мисс Майерс… Угостите-ка Манчу.

Перевод Е. Калявиной

На страже

I

У Миллисент Блейд была белокурая головка, кроткий и ласковый нрав, а выражение лица менялось молниеносно: с дружелюбного на смешливое, со смешливого на почтительно заинтересованное. Но сентиментальные мужчины англосаксонского происхождения ближе всего к сердцу принимали ее нос.

Это был нос не на всякий вкус: многие предпочитают носы покрупнее; живописец не прельстился бы таким носом, ибо он был чересчур мал и совсем не имел формы, просто пухленькая бескостная нашлепка. С таким носом не изобразишь ни высокомерия, ни внушительности, ни проницательности. Он был бы ни к чему гувернантке, арфистке или даже девице на почте, но мисс Блейд он вполне устраивал: этот нос легко проникал сквозь тонкий защитный слой в теплую мякоть английского мужского сердца; такой нос напоминает англичанину о невозвратных школьных днях, о тех пухлолицых обормотах, на которых было растрачено мальчишеское

обожание, о дортуарах, часовнях и затасканных канотье. Правда, трое англичан из пяти вырастают снобами, отворачиваются от своего детства и предпочитают носы, которыми можно блеснуть на людях, но девушке со скромным приданым достаточно и двоих из каждой пятерки.

Гектор благоговейно поцеловал кончик ее носа. При этом чувства его смешались, и в мгновенном упоении он увидел тусклый ноябрьский день, сырые клочья тумана на футбольном поле и своих школьных приятелей: одни пыхтели в свалке у ворот, другие ерзали по дощатой трибуне за боковой линией, растирая замерзшие пальцы, третьи наспех дожевывали последние крошки печенья и во всю глотку призывали свою школьную команду поднажать.

— Ты будешь меня ждать, правда? — сказал он.

— Да, милый.

— И будешь писать?

— Да, милый, — ответила она с некоторым сомнением, — иногда буду… я попробую. Знаешь, у меня не очень получаются письма.

— Я буду там все время думать о тебе, — сказал Гектор. — Мне предстоят ужасные испытания — до соседей и за день не доберешься, солнце слепит, кругом львы, москиты, озлобленные

туземцы… одинокий труд с рассвета до заката в борьбе с силами природы, лихорадка, холера… Но скоро я вызову тебя, и ты будешь там со мной.

— Да, милый.

— Тут не может быть неудачи. Я все обсудил с Бекторпом, с тем типом, который продает мне ферму. Понимаешь, пока что каждый год урожай шел впустую — сначала кофе, потом сизаль[114], потом табак, больше там ничего не вырастишь. В год, когда Бекторп посадил сизаль, все другие торговали табаком, а сизаль хоть выбрасывай; потом он посеял табак, а оказалось, что надо было кофе в этот раз, ну и так далее. Так он бился девять лет. Но Бекторп говорит, что если это дело вычислить, то видно, что еще через три года обязательно посадишь нужную культуру. Я тебе не могу толком объяснить, но это вроде рулетки, что ли, понимаешь?

— Да, милый.

Гектор загляделся на ее носик — маленькую, круглую, подвижную пуговку — и снова погрузился в прошлое… «Нажимай, нажимай!» — а после матча как сладко пахли пышки, обжаренные на газовой горелке у него в комнате…

---

[114] Notes: 114

Сизаль — растение из рода агава; из его листьев получают грубое волокно.

II

Позже в тот же вечер он обедал с Бекторпом и от блюда к блюду становился мрачнее.

— Завтра в это время я буду в море, — сказал он, поигрывая пустым винным стаканом.

— Веселее, приятель, — сказал Бекторп.

Гектор налил в стакан портвейну и еще неприязненнее оглядел затхлую дымную столовую клуба Бекторпа. Удалился последний из дурацких членов этого дурацкого клуба, и они остались наедине с буфетом.

— Слушай, я тут, понимаешь ли, попробовал вычислить. Ты ведь сказал, что я за три года непременно посею, что требуется?

— Да, за три, приятель.

— Так вот, я посчитал как следует и боюсь, как бы на это не понадобился восемьдесят один год.

— Нет-нет, приятель, три или девять, самое большее — двадцать семь.

— Ты уверен?

— Вполне.

— Хорошо бы… Знаешь, так скверно, что Милли здесь остается. Представляешь, если в самом деле только через восемьдесят один год урожай пойдет на продажу. Это же чертову пропасть вре-

мени девушке придется ждать. Еще какой-нибудь лоботряс может подвернуться, вот в чем дело.

— В Средние века на этот случай надевали пояс целомудрия.

— Да, я знаю. Я про это думал. Но он, должно быть, ужасно неудобный. Чего доброго, Милли его и носить не станет, даже если я ухитрюсь раздобыть.

— Вот что я тебе скажу, приятель. Ты ей что-нибудь подари.

— Черт, да я ей все время что-нибудь дарю. Но она это или разбивает, или теряет, или забывает, куда положила.

— А ты ей подари что-нибудь необходимое, да такое, чтоб сносу не было.

— Это на восемьдесят один-то год?

— Ну, скажем, на двадцать семь. Чтобы о тебе все время напоминало.

— Я бы ей подарил фотокарточку, да за двадцать семь лет я ведь могу измениться.

— Нет-нет, это не пойдет. Как раз фотокарточку не надо. Я знаю, что бы я ей подарил. Я бы ей подарил собаку.

— Собаку?

— Да, такого крепкого, здорового щенка, и чтоб уже переболел чумкой. Пусть даже она его зовет

Гектор.

— Ты думаешь, это то, что надо, Бекторп?

— Самое верное дело, приятель.

И вот на следующее утро перед отъездом в порт Гектор поспешил в один из гигантских лондонских универсальных магазинов, и его провели в зоологический отдел.

— Мне нужен щенок.

— Да, сэр. Какой-нибудь особой породы?

— Который долго проживет. Восемьдесят один год, самое меньшее — двадцать семь лет.

Продавец засомневался.

— У нас, конечно, есть в продаже отличные крепкие щенки, — заметил он, — но гарантии на такой срок мы ни за одного дать не сможем. Впрочем, если вас интересует долголетие, позвольте вам рекомендовать черепаху. Они живут необычайно долго и очень удобны для перевозки.

— Нет, мне нужен щенок.

— А попугай не подойдет?

— Нет-нет, щенок. И надо еще, чтобы его звали Гектор.

Они прошли мимо обезьян, котят и какаду к псиному отделению, где даже в этот ранний час уже разгуливали заядлые собачники. Здесь были щенки всех пород в конурках за прово-

лочными сетками; они настораживали уши, виляли хвостами и шумно заявляли о себе. Слегка ошарашенный, Гектор выбрал пуделя и, пока продавец ходил за сдачей, пристроился коротко побеседовать со своим лохматым избранником. Он вгляделся в острую щенячью мордочку, увернулся от щелкнувших зубов и сказал сурово и торжественно:

— Ты тут пригляди за Милли, Гектор. Смотри, чтобы она не вышла замуж, пока я не вернусь.

И щенок Гектор помахал своим пышным хвостом.

III

Миллисент пришла его проводить, но второпях ошиблась вокзалом; впрочем, это было не важно, потому что она все равно опоздала на двадцать минут. Гектор томился с пуделем в руках возле барьера, высматривая ее, и, только когда поезд уже тронулся, он всучил животное Бекторпу с наказом доставить его Миллисент. Багаж с ярлыком «До Момбасы. Ручная кладь» лежал на полке над ним. На душе у него было сиротливо.

Вечером, когда пароход качало и кренило в проливе возле маяков, он получил радиограмму: «Отчаянии что разминулись помчалась пэддинг-

тон как последняя идиотка спасибо спасибо тебе за чудного песика какой он милый папа сердится ужасно жду скорых вестей фермы не влюбись в красотку на корабле люблю целую милли».

В Красном море он получил еще одну: «Берегись красоток щенок укусил человека по имени майк».

После этого Гектор не имел от Миллисент никаких вестей, кроме рождественской открытки, которая прибыла в конце февраля.

IV

Обычно Миллисент бывала постоянна в своих чувствах месяца четыре. Охладевала она внезапно или постепенно — смотря как далеко успевали зайти отношения с данным поклонником. В случае с Гектором ее чувствам пришла пора убывать как раз ко времени помолвки, они, однако, продержались еще три недели, пока Гектор был занят упорными, нестерпимо трогательными попытками устроиться на работу в Англии, и наконец все чувства сразу же иссякли с его отбытием в Кению. Соответственно, щенку Гектору пришлось приступить к исполнению своих обязанностей с первого дня в доме. Возраст его был самый юный, навыка к работе еще не было, так что не стоит

винить его за ошибку с Майком Босуэлом.

Этот молодой человек весело и безмятежно дружил с Миллисент чуть ли не со дня ее первого появления в свете. Он видел ее белокурую головку в любом освещении, в комнате и на улице, в шляпках изменчивых фасонов, обвязанную ленточкой, украшенную гребнями, небрежно утыканную цветами; он видал ее вздернутый носик в любую погоду, а при случае даже подергивал его двумя пальцами, однако чувства его не шли дальше простой приязни.

Но щенок Гектор вряд ли мог об этом догадаться. Через два дня по вступлении в должность ему пришлось наблюдать, как высокий и привлекательный мужчина жениховского возраста обращался с хозяйкой фамильярно, а такая фамильярность среди подруг его собачьей юности означала только одно.

Хозяйка и гость пили чай. Гектор сидел на диване и наблюдал за ними с едва приглушенным рычанием. Время действовать настало, когда Майк, невразумительно отшучиваясь, наклонился и потрепал Миллисент по коленке.

Гектор не укусил всерьез, только цапнул, но его маленькие зубы были острее булавок. Больно вышло оттого, что Майк резким, нервическим

движением отдернул руку; он чертыхнулся, обмотал большой палец платком и наконец показал умоляющей Миллисент три или четыре крохотные царапинки. Миллисент укорила Гектора, обласкала Майка и помчалась к лекарственному шкафчику матери за пузырьком йода.

Но настоящий англичанин не может не влюбиться хоть ненадолго, когда ему прижигают руку йодом.

Майк видал этот нос несчетное число раз, но в тот вечер, когда нос склонился над укушенным пальцем, а Миллисент сказала: «Ужасно больно, да?» — и потом, когда она сказала: «Ну вот. Теперь все будет хорошо», — Майк вдруг увидел нос глазами его обожателя и с этой минуты стал обалделым поклонником Миллисент и пребывал им много дольше отведенных ему трех месяцев.

Щенок Гектор видел все это и понял, что совершил ошибку. Никогда больше, решил он, Миллисент не удастся побежать за пузырьком йода.

V

В общем, ему приходилось не очень трудно, ибо наивное непостоянство Миллисент само по себе доводило ее воздыхателей до белого каления.

Кроме того, он стал ее любимцем. Она регулярно получала еженедельные письма от Гектора, по три или по четыре враз, в зависимости от почтовых оказий. Она всегда раскрывала их, часто дочитывала до конца, но как-то плохо воспринимала написанное. Автор писем постепенно выветрился у нее из памяти, так что, когда ее спрашивали: «Как там наш дорогой Гектор?» — она в полной невинности отвечала: «Ему там, по-моему, слишком жарко, и пальто у него совсем износилось. Я все подумываю, не вытащить ли его оттуда». Между тем вернее было бы сказать: «Он переболел малярией, а в листьях табака завелась черная гусеница».

Гектор учел, что Миллисент к нему привязалась, и на этой основе разработал технику отпугивания поклонников. Он больше не рычал на них и не пачкал им брюки — за это его просто-напросто выставляли из комнаты, — он наловчился переключать на себя все внимание.

Опаснее всего был вечерний чай, когда Миллисент позволяли уединяться с друзьями в ее гостиной; поэтому Гектор, по натуре ценитель острых, мясных блюд, геройски притворялся, что любит сахар. Он внушал это Миллисент, жертвуя своим пищеварением, и та начала учить его

собачьим штукам: он служил, замирал, падал замертво, становился в угол и прикладывал лапу к уху.

— А где у нас сахар? — спрашивала Миллисент, и Гектор шел вокруг столика к сахарнице, утыкался в нее носом, истово глядел на хозяйку и дышал на серебро.

— Он все понимает, — говорила торжествующая Миллисент.

Когда штуки надоедали, Гектор начинал проситься за дверь. Молодой человек вставал, чтобы выпустить его. Выпущенный Гектор царапался и скулил, чтобы его впустили обратно.

В самые трудные минуты Гектор устраивал припадки тошноты, что легко удавалось после ненавистного сахара; он вытягивал шею и зычно тужился, пока Миллисент не хватала его и не выносила в холл, где мраморный пол было не страшно пачкать. Романтическое настроение исчезало, и робкие нежности становились после этого совсем неуместны.

Такие маневры Гектора были рассчитаны на целое чаепитие и умело применялись, как только гость выказывал намерение свернуть к интимным темам. Молодые люди отчаивались и сходили со сцены один за другим в смятении

и унынии.

Каждое утро Гектор лежал на постели Миллисент, пока она завтракала и читала газету. С десяти до одиннадцати велись телефонные разговоры: как раз в это время молодые люди, с которыми она танцевала накануне вечером, пытались продолжить знакомство и просили о встрече. Гектор начал было запутываться в проводе и тем успешно срывать переговоры, но потом выработал приемы более утонченные и оскорбительные. Он требовал соучастия в беседе. С этой целью, заслышав телефонный звонок, он принимался вилять хвостом и умильно склонял голову набок. Миллисент начинала разговор, а Гектор подлезал под ее руку и пыхтел в трубку.

— А у нас здесь, — говорила она, — кое-кто хочет с вами побеседовать. Слышите, какой ангел?

И она предоставляла трубку пуделю, а молодой человек на другом конце провода ошарашенно слушал злобное тявканье. Все это так нравилось Миллисент, что она часто даже не трудилась узнавать, кто звонит, а просто снимала трубку, подносила ее к черной собачьей морде, — и какого-нибудь несчастного юношу за полмили от нее заливисто призывали к порядку, хотя он ничего такого еще не сказал и вообще, может быть, чув-

ствовал себя с утра не особенно хорошо.

Бывало, что поклонники, вконец пленившись пресловутым носом, подстерегали Миллисент в Гайд-парке, где она гуляла с Гектором. Гектор и тут не давал себя забыть. Он куда-нибудь пропадал, задирался к другим псам и кусал маленьких детей, но скоро выдумал кое-что поехиднее. Он вызвался носить в зубах сумочку Миллисент. Он трусил впереди и, чуть что, сразу ронял сумочку; молодому человеку приходилось поднимать ее и возвращать Миллисент, а затем — по ее просьбе — тому же Гектору. И мало кто опускался до того, чтобы прогуляться еще разок ценой таких унижений.

Между тем прошло два года. Из Кении все приходили письма, полные нежных слов и удручающих известий — о сизале, увядшем на корню, о саранче, пожравшей кофе, о рабочей силе, засухе, наводнении, местных властях и мировом рынке. Иногда Миллисент читала письма вслух пуделю, обычно же оставляла их нераспечатанными на подносе с остатками завтрака. Вместе с Гектором ее увлекал безмятежный круговорот английской светской жизни. Там, где она проносила свой нос, двое из пяти неженатых мужчин временно теряли голову; но за нею следовал Гек-

тор, и любовный пыл сменялся злостью, стыдом и отвращением. Матери начали умиротворенно подумывать, почему это очаровательная девочка Блейдов никак не выйдет замуж.

VI

Наконец на третьем году такой жизни очередная угроза предстала в облике майора сэра Александра Дреднота, баронета и члена парламента, и Гектор тут же понял, что надо браться за дело всерьез.

Сэр Александр был отнюдь не молодым человеком, а сорокапятилетним вдовцом. Он был богат, известен и противоестественно терпелив; он имел также и некоторые особые достоинства, будучи совладельцем известной Мидландской собачьей своры и заместителем министра; на фронте он был многократно награжден за воинскую доблесть. Отец и мать Милли пришли в восторг, когда заметили, что он не устоял перед ее носом. Гектор невзлюбил его сразу, пустил в ход все приемы, отработанные за два с половиной года, и ничего не добился. Как назло, выходило, что там, где дюжина молодых людей давно бы взбесилась от досады, сэр Александр только лишний раз выказывал нежную заботливость. Он

заходил вечерами за Миллисент, и карманы его вечернего костюма были набиты кусками сахара для Гектора; когда же Гектора тошнило, сэр Александр опять был тут как тут, на коленях, с листом «Таймс». Гектор вернулся к своим прежним грубым методам и кусал его яростно и часто, но сэр Александр лишь замечал: «Ага, наш маленький друг, кажется, ко мне ревнует. Вот это молодец!»

А дело было в том, что сэра Александра упорно и остервенело изводили с самого нежного возраста — родители, сестры, школьные приятели, сержант и полковник, политические соратники, жена, совладелец упомянутой своры, егеря и распорядитель охоты, посредник на выборах, избиратели и даже личный секретарь набрасывались на него вместе и поодиночке, и он к такому обхождению вполне привык. Для него не было ничего естественнее, чем лай в ухо с утра перед разговором с избранницей сердца; он польщенно поднимал ее сумочку, которую Гектор ронял на прогулках в парке; царапины на кистях и щиколотках от зубов Гектора он почитал боевыми шрамами. Иногда он даже позволял себе отзываться в присутствии Миллисент о Гекторе как о «своем маленьком сопернике». В его намерениях не было никаких сомнений, а когда он пригласил

Миллисент с ее матерью посетить его поместье, то в письме было приписано: «Разумеется, приглашение касается и Гектора».

Визит к сэру Александру — с субботы до понедельника — был для пуделя сплошным кошмаром. Он трудился, как никогда в жизни, он использовал все средства, чтобы отравить жизнь своим присутствием, и все зря. Хозяину, во всяком случае, все было нипочем. Другое дело домочадцы: Гектору отвесили хорошего пинка, когда он по собственной оплошности оказался наедине с тем самым лакеем, которого во время чая удалось опрокинуть вместе с подносом.

Поведение, за которое Миллисент с позором изгнали бы из половины лучших домов Англии, здесь терпели беспрекословно. В доме были другие собаки — пожилые, тихие, благовоспитанные животные, и Гектор на них кидался, взахлеб призывая подраться; они печально отворачивались, и он вцеплялся им в уши. Они угрюмо отскакивали, и сэр Александр распорядился запереть их пока что где-нибудь подальше.

В столовой лежал роскошный обюссонский ковер, и Гектор изуродовал его на вечные времена, но сэр Александр как будто этого и не заметил.

Гектор отыскал в парке какую-то дохлятину,

старательно вывозился в гадости с ног до головы, задыхаясь от омерзения, и, вернувшись, испакостил все стулья в гостиной. Сэр Александр сам помогал Миллисент вымыть его и вдобавок еще принес из своей ванной какие-то ароматические соли.

Гектор выл всю ночь — он спрятался, и половина прислуги искала его с фонарями; он задушил несколько фазанят и на всякий случай попытался слопать павлина. И все зря. Правда, он сорвал формальное предложение — раз на прогулке в саду, раз на пути в конюшню и в тот раз, когда его пришлось купать, — но наступил понедельник, и сэр Александр сказал: «Надеюсь, Гектору у нас было не очень скучно. Надеюсь, мы его скоро-скоро увидим здесь снова». Гектор понял, что побежден.

Чуть раньше или чуть позднее, но это случится. В Лондоне вечерами он не сможет уследить за Миллисент. И скоро он проснется и услышит, как Миллисент звонит подружкам с радостной вестью о своей помолвке.

И тогда после длительной борьбы чувства и долга он пришел к отчаянному решению. Он полюбил свою молодую хозяйку: когда она прижималась к нему щекой, он все больше со-

чувствовал толпам молодых людей, которых преследовал по долгу службы. Но он был не какой-нибудь приблудный кухонный попрошайка. Если пес знает своих родителей, то он знает и цену деньгам. Надо блюсти верность тому, кто тебя купил, а не тому, кто кормит и ласкает. Та рука, которая когда-то отсчитывала пятифунтовики в зоологическом отделении громадного универсального магазина, рыхлила теперь скудную почву Экваториальной Африки, но в памяти Гектора еще звучали незабвенные напутственные слова. Всю ночь с воскресенья на понедельник и всю дорогу в Лондон он размышлял и колебался, затем он решился. Нос должен быть устранен.

VII

Это было легко — как следует цапнуть за нос, когда она наклонится над его корзинкой, и конец делу. Она легла на пластическую операцию и вернулась недели через две — на носу ни стежка, ни шрамика. Но это был другой нос; хирург оказался в своем роде художником, а я уже говорил, что прежний нос Миллисент пластичностью не отличался. Теперь ее нос украшает аристократическая горбинка, достойная будущей старой девы. Как все старые девы, она жадно ждет иностранной почты и бережно запирает шкатулку, полную безотрадных сельскохозяйственных сообщений; как все старые девы, она повсюду бывает вместе с дряхлеющей комнатной собачкой.

Перевод В. Муравьева

Коротенький отпуск мистера Лавдэя

I

— Ты увидишь, папа почти не изменился, — сказала леди Мопинг, когда машина завернула в ворота психиатрической больницы графства.

— Он будет в больничной одежде? — спросила Анджела.

— Нет, милая, что ты. Он же на льготном положении.

Анджела приехала сюда в первый раз, и притом по собственному почину.

Десять лет прошло с того дождливого дня в конце лета, когда лорда Мопинга увезли, с того дня, о котором у нее осталось горькое и путаное воспоминание; в этот день ее мать ежегодно устраивала прием у себя в саду, что всегда было горько, а на этот раз все еще запуталось из-за погоды — с утра было ясно и солнечно, а едва приехали первые гости, вдруг стемнело и хлынул дождь. Гости устремились под крышу, тент над чайным столом завалился, все бросились спасать подушки и стулья, скатерть, зацепившаяся о ветки араукарии, трепыхалась на ветру, выглянуло

солнце, и гости, осторожно ступая, погуляли по намокшим газонам; снова ливень; снова на двадцать минут солнце. Отвратительный день, и в довершение всего в шесть часов вечера ее отец пытался покончить с собой.

Лорд Мопинг уже не раз грозил покончить с собой по случаю этих чаепитий на воздухе. В тот день его нашли в оранжерее, — с почерневшим лицом, он висел там на своих подтяжках. Какие-то соседи, укрывшиеся в оранжерее от дождя, вынули его из петли, и уже через час за ним явилась карета. С тех пор леди Мопинг периодически навещала его и, вернувшись без опоздания к чаю, о своих впечатлениях помалкивала.

Многие ее соседи не одобряли местонахождения лорда Мопинга. Конечно, он был не рядовым пациентом. Он помещался в особом отделении, предназначенном для умалишенных с достатком. Им предоставлялись все льготы, совместимые с их недугом. Они могли носить любую одежду (некоторые выбирали себе весьма прихотливые наряды), они курили дорогие сигары, и в годовщину своего поступления в больницу каждый мог угостить обедом тех из своих собратьев, к которым у него лежала душа.

И все же, спору нет, заведение было отнюдь не

самое дорогостоящее; недвусмысленный адрес «Психиатрическая больница графства N», отпечатанный на почтовой бумаге, выстроченный на халатах персонала, даже выведенный крупными буквами на щите у главных ворот, вызывал весьма неприглядные ассоциации.

Время от времени друзья леди Мопинг пытались менее или более тактично заинтересовать ее подробностями о частных лечебницах на взморье, о санаториях, где «работают видные специалисты и созданы идеальные условия для лечения нервнобольных», но она особенно не вслушивалась. Когда ее сын достигнет совершеннолетия, пусть поступает как сочтет нужным, пока же она не намерена ослаблять свой режим экономии. Муж бессовестно подвел ее в тот единственный день, когда ей требовалась лояльная поддержка. Он и того, что имеет, не заслужил.

По саду бродили, волоча ноги, унылые фигуры в теплых халатах.

— Это умалишенные из низших сословий, — объяснила леди Мопинг. — Для таких, как папа, здесь есть очень миленький цветник. Я им в прошлом году послала отводков.

Они проехали мимо желтого кирпичного фасада к боковому подъезду, и врач принял их в

«комнате посетителей», отведенной для таких свиданий. Окна были забраны изнутри железными прутьями и проволочной сеткой; камин отсутствовал; Анджела, которой не сиделось на месте, хотела было отодвинуть свой стул подальше от отопления, но оказалось, что он привинчен к полу.

— Лорд Мопинг сейчас к вам выйдет, — сказал врач.

— Как он себя чувствует?

— О, превосходно, я им очень доволен. Не так давно он перенес сильный насморк, но в общем состояние здоровья у него отличное. Он много пишет.

По каменному полу коридора приближались неровные, шаркающие шаги. Высокий брюзгливый голос (Анджела узнала голос отца) сказал за дверью:

— Говорю вам, мне некогда. Пусть зайдут позднее.

Другой голос, звучавший не так резко, с легким призвуком деревни, отвечал:

— Пошли, пошли. Это же пустая формальность. Посидите сколько захочется и уйдете.

Потом дверь толкнули снаружи — у нее не было ни замка, ни ручки, — и в комнату вошел

лорд Мопинг. За ним следовал пожилой человек — щуплый, с густой белоснежной шевелюрой и очень добрым выражением лица.

— Это мистер Лавдэй. В некотором роде слуга лорда Мопинга.

— Секретарь, — поправил лорд Мопинг.

Заплетающейся походкой он подошел ближе и поздоровался с женой за руку.

— Это Анджела. Ты ведь помнишь Анджелу?

— Нет, не припоминаю. Что ей нужно?

— Мы просто приехали тебя навестить.

— И выбрали для этого самое неподходящее время. Я очень занят. Лавдэй, вы перепечатали мое письмо к папе римскому?

— Нет еще, милорд. Если помните, вы просили меня сперва подобрать данные о рыбных промыслах Ньюфаундленда.

— Совершенно верно. Что ж, тем лучше. Письмо, очевидно, придется писать заново — после полудня поступило много новых сведений. Очень много… Вот видишь, дорогая, у меня ни минуты свободной. — Он обратил беспокойный, ищущий взгляд на Анджелу. — Вы ко мне, вероятно, по поводу Дуная? Придется вам зайти в другой раз. Передайте им, что все будет в порядке, пусть не волнуются, но я еще не успел всерьез этим

заняться. Так и передайте.

— Хорошо, папа.

— Впрочем, — продолжал лорд Мопинг недовольным тоном, — это вопрос второстепенный. На очереди еще Эльба, Амазонка и Тигр, верно, Лавдэй?.. Дунай, скажите на милость! Паршивая речонка. Его и рекой-то не назовешь. Ну, мне пора, спасибо, что не забываете. Я бы охотно вам помог, но вы сами видите, дел у меня выше головы. Знаете что, вы мне все это напишите. Да-да, изложите черным по белому.

И он удалился.

— Как видите, — сказал врач, — состояние здоровья у него отличное. Он прибавляет в весе, аппетит отличный, сон тоже. Словом, весь его тонус не оставляет желать лучшего.

Дверь снова отворилась, и вошел Лавдэй.

— Простите, если помешал, сэр, но я боялся, что дочка лорда Мопинга, может быть, огорчилась, что папаша ее не узнал. Вы не обращайте внимания, мисс. В следующий раз он вам очень обрадуется. Это он только сегодня в расстройстве чувств, потому что запаздывает с работой. Понимаете, сэр, я всю эту неделю подсоблял в библиотеке и не все его доклады успел перепечатать на машинке. И еще он запутался в своей

картотеке. Только и всего. Он это не со зла.

— Какой славный, — сказала Анджела, когда Лавдэй опять ушел к своему подопечному.

— Да, я просто не знаю, что бы мы делали без нашего Лавдэя. Его все любят: и персонал, и пациенты.

— Я его помню, — сказала леди Мопинг. — Это большое утешение — знать, что у вас тут такие хорошие служители. Несведущие люди говорят столько глупостей о психиатрических больницах.

— О, но Лавдэй не служитель, — сказал врач.

— Неужели же он тоже псих? — спросила Анджела.

Врач поправил ее:

— Он наш пациент. Это небезынтересный случай. Он здесь находится уже тридцать пять лет.

— Но я в жизни не видела более нормального человека, — сказала Анджела.

— Да, он производит такое впечатление, и последние двадцать лет с ним и обращаются соответственно. Он у нас душа общества. Конечно, он не принадлежит к числу платных пациентов, но ему разрешено сколько угодно с ними общаться. Он отлично играет на бильярде; когда бывают концерты — показывает фокусы, чинит обита-

телям этого отделения патефоны, прислуживает им, помогает с кроссвордами и со всякими их… мм… любимыми занятиями. Мы разрешаем платить ему мелочью за услуги, так что он, вероятно, уже скопил небольшой капиталец. Он умеет справляться даже с самыми несговорчивыми. Просто неоценимый помощник.

— Да, но почему он здесь?

— А, это печальная история. В ранней молодости он совершил убийство — убил молодую женщину, с которой даже не был знаком. Свалил ее с велосипеда и задушил. Потом сам явился с повинной и с тех пор находится здесь.

— Но теперь-то он не представляет никакой опасности. Почему же его не выпускают?

— Как вам сказать, если б это было кому-нибудь нужно, вероятно, выпустили бы. А так… Родных у него нет, только сводная сестра живет в Плимуте. Раньше она его навещала, но уже много лет, как перестала бывать. Ему здесь хорошо, а уж мы-то, могу вас уверить, ничего не предпримем для его выписки. Нам неинтересно его лишиться.

— Но это как-то нехорошо, — сказала Анджела.

— Возьмите хоть вашего отца, — сказал врач. — Он бы совсем зачах, если бы Лавдэй не исполнял при нем обязанности секретаря.

— Нехорошо это как-то…

II

Анджела уезжала из больницы, подавленная ощущением несправедливости.

— Только подумать — всю жизнь просидеть под замком в желтом доме.

— Он пытался повеситься в оранжерее, — отвечала леди Мопинг, — на виду у Честер-Мартинов.

— Я не про папу. Я про мистера Лавдэя.

— Кажется, я такого не знаю.

— Ну, тот псих, которого приставили смотреть за папой.

— Секретарь твоего отца? По-моему, он очень порядочный человек и как нельзя лучше выполняет свою работу.

Анджела умолкла, но на следующий день, за ланчем, она вернулась к этой теме:

— Мама, что нужно сделать, чтобы вызволить человека из желтого дома?

— Из желтого дома? Бог с тобой, дитя мое, надеюсь, ты не мечтаешь, чтобы папа вернулся сюда, к нам?

— Нет-нет, я про мистера Лавдэя.

— Анджела, ты сама не знаешь, что говоришь.

Не следовало мне вчера брать тебя с собой.

После ланча Анджела уединилась в библиотеке и с головой ушла в законы об умалишенных, как их излагала энциклопедия.

С матерью она больше об этом не заговаривала, но через две недели, услышав, что надо послать ее отцу фазанов для его одиннадцатого юбилейного обеда, неожиданно вызвалась сама их отвезти. Ее мать, занятая другими делами, не заподозрила ничего дурного.

Анджела поехала в больницу на своей маленькой машине и сдала дичь по назначению, после чего попросила вызвать мистера Лавдэя. Он оказался занят — мастерил корону для одного из своих друзей, ожидавшего, что его не сегодня завтра коронуют императором Бразилии, — но отложил работу и вышел с ней побеседовать. Они заговорили о здоровье и самочувствии ее отца, а потом Анджела как бы невзначай спросила:

— Вам никогда не хочется отсюда уйти?

Мистер Лавдэй поглядел на нее своими добрыми серо-голубыми глазами:

— Я привык к этой жизни, мисс. Я привязался к здешним страдальцам, и некоторые из них как будто привязались ко мне. Во всяком случае, им бы меня недоставало.

— И вы никогда не думаете о том, чтобы опять очутиться на свободе?

— Ну как же, мисс, очень даже думаю, почти все время.

— А что бы вы тогда стали делать? Должно же быть что-нибудь такое, ради чего вам бы хотелось уйти отсюда?

Мистер Лавдэй смущенно поежился:

— Не скрою, мисс, хоть это похоже на неблагодарность, но один коротенький отпуск мне бы хотелось иметь, пока я еще не совсем состарился и могу получить от него удовольствие. У всех у нас, наверно, есть свои заветные желания, вот и мне одну вещь очень хотелось бы сделать. Не спрашивайте, что именно… Времени на это потребуется немного — полдня, от силы день, а там можно и умереть спокойно. После этого мне и здесь жилось бы лучше, и легче было бы посвящать время этим несчастным помешавшимся людям. Да, так мне кажется.

По дороге домой Анджела глотала слезы. «Бедняжка, — подумала она вслух. — Будет ему коротенький отпуск».

III

С этого дня у Анджелы появилась новая цель в жизни. Круг занятий ее оставался прежним, но вид был отсутствующий, а тон — сдержанно вежливый, что очень беспокоило леди Мопинг. «Кажется, девочка влюблена. Только бы не в сына Эгбертсонов, он такой нескладный».

Она много читала в библиотеке, одолевала расспросами любого гостя, притязавшего на познания в юриспруденции или медицине, особым ее расположением стал пользоваться старый сэр Родерик Лейн-Фоскот, их депутат. Слова «психиатр», «юрист», «правительственный чиновник» были теперь окружены в ее глазах таким же ореолом, как раньше киноактеры и чемпионы по боксу. Она боролась за правое дело, и к концу охотничьего сезона борьба ее увенчалась успехом: мистер Лавдэй получил свободу.

Главный врач согласился скрепя сердце, но препятствий не чинил. Сэр Родерик послал прошение министру внутренних дел. Были подписаны необходимые бумаги, и наконец настал день, когда мистер Лавдэй покинул заведение, где прожил столько лет и принес столько пользы.

Прощание обставили торжественно. Анджела

и сэр Родерик Лейн-Фоскот сидели вместе с врачами на эстраде в гимнастическом зале. Ниже расположились те из пациентов, кого сочли достаточно уравновешенными, чтобы выдержать такое волнение.

Лорд Мопинг, выразив подобающее случаю сожаление, от имени пациентов с достатком преподнес мистеру Лавдэю золотой портсигар; те, что мнили себя монархами, осыпали его орденами и почетными титулами. Служители подарили ему серебряные часы, а среди бесплатных пациентов многие обливались слезами.

Врач произнес прочувствованную речь.

— Не забудьте, — сказал он, — что вы уносите с собой наши самые горячие пожелания. Мы всегда будем помнить, как работали с вами рука об руку. Время только острее даст нам почувствовать, сколь многим мы вам обязаны. Если когда-нибудь вы устанете от жизни в слишком многолюдном мире, здесь вас всегда примут с радостью. Ваша должность остается за вами.

С десяток разнообразных больных вприпрыжку пустились провожать его, а потом чугунные ворота распахнулись и мистер Лавдэй вышел на волю. Его сундучок еще раньше отправили на станцию, сам же он пожелал пройтись пешком. В

свои планы он никого не посвящал, но деньгами был обеспечен, и создалось впечатление, что он едет в Лондон поразвлечься, а потом уже направится к своей сводной сестре в Плимут.

Каково же было всеобщее изумление, когда через каких-нибудь два часа он возвратился в больницу. На лице его играла странная улыбка — добрая улыбка, словно вызванная сладкими воспоминаниями.

— Я вернулся, — сообщил он врачу. — Теперь уж, надо думать, навсегда.

— Но почему так скоро, Лавдэй? Вы совсем не успели пожить в свое удовольствие.

— Нет, сэр, премного благодарен, сэр, я очень даже пожил в свое удовольствие. Много лет я тешил себя надеждой на одну небольшую вылазку. Она получилась недолгой, сэр, но в высшей степени приятной. Теперь я могу без сожалений снова приступить к моей здешней работе.

Несколько позже на дороге, в полумиле от ворот больницы, нашли брошенный велосипед. Велосипед был дамский, далеко не новый. В двух шагах от него, в канаве, лежал труп задушенной молодой женщины. Она ехала домой пить чай и имела несчастье обогнать мистера Лавдэя, когда тот шагал к станции, размышляя о своих новых возможностях.

Перевод М. Лорие

Победитель получает все

I

Когда у миссис Кент-Камберленд родился первенец (произошло это в дорогой лондонской больнице), на холме в Томб-парке жгли костер; он поглотил три бочки смолы и несметное количество дров, а заодно — поскольку огонь быстро распространялся по сухой траве, а верноподданные арендаторы были слишком пьяны, чтобы его тушить, — уничтожил на холме всю растительность.

Прямо из больницы мать и ребенок торжественно проследовали в имение. На деревенской улице по этому случаю развевались флаги, а величественных въездных ворот почти не было видно за гирляндами из ветвей вечнозеленых деревьев. Для фермеров и здесь, и во втором поместье Кент-Камберлендов, в Норфолке, был устроен праздничный обед, и все, не скупясь, жертвовали деньги на покупку серебряного подноса для новорожденного.

В день крестин гостей угощали чаем в саду. Крестной матерью согласилась быть заочно

принцесса крови, и нарекли младенца Жервез-Перегрин-Маунтджой-Сент-Юстас — все имена, прославленные в семейных анналах.

С начала до конца обряда и потом, принимая подарки, он держался флегматично и с достоинством, чем окончательно утвердил присутствующих в высоком мнении, которое уже сложилось у них о его талантах.

После чаепития был фейерверк, а после фейерверка — тяжелая для садовников неделя уборки. Потом жизнь Кент-Камберлендов вернулась в свое неторопливое русло, и все шло хорошо почти два года, пока миссис Кент-Камберленд не убедилась, к великому своему неудовольствию, что опять ждет ребенка.

Второй ребенок родился в августе, в плохоньком современном доме на Восточном побережье, снятом на лето, чтобы Жервез подышал целебным морским воздухом. Миссис Кент-Камберленд пользовалась услугами единственного местного врача, который раздражал ее своим простецким выговором, но, когда дошло до дела, оказался куда более искусным, чем лондонский специалист, принимавший Жервеза.

Все нудные месяцы ожидания миссис Кент-Камберленд жила надеждой, что у нее родится

дочь. Ей думалось, что Жервез, который не отличался отзывчивостью, смягчится под влиянием хорошенькой, ласковой сестрички двумя годами его моложе. Девочка начнет выезжать в свет, как раз когда он поедет учиться в Оксфорд, и спасет его от двух одинаково ужасных крайностей дурной компании, грозящих молодому человеку на этой стадии развития, — стать хулиганом или книжным червем. Она будет приезжать к брату на университетские праздники и привозить с собой очаровательных подруг. Миссис Кент-Камберленд все это уже обдумала. Родив второго сына, она назвала его Томас, после чего до самого возвращения домой старалась сосредоточить мысли на предстоящем охотничьем сезоне.

II

Братья росли крепкими, ничем не примечательными мальчиками. Если не считать двухлетней разницы в возрасте, они мало чем отличались друг от друга. Оба были рыжеватые, храбрые и временами благовоспитанные. Ни тот ни другой не был наделен особо тонкой душевной организацией, артистизмом или сознанием, что его не понимают. Оба твердо помнили, что Жервез — главный в семье, как и то, что он больше

знает и выше ростом. Миссис Кент-Камберленд была женщина справедливая, и, когда обоим случалось набедокурить, Жервеза, как старшего, наказывали строже. Томас убедился, что оставаться в тени, в общем, выгодно, — это избавляло его от соблюдения бесконечных мелких правил этикета, обязательных для Жервеза.

III

В семь лет Том загорелся тайной мечтой об игрушечном автомобиле — большом, чтобы в него можно было сесть и, нажимая педали, кататься по саду. Несколько недель он усердно молился об этом каждый вечер и почти каждое утро. Приближалось Рождество.

У Жервеза был пони, и его часто брали на охоту. Том много времени проводил один, и мысли его были неотступно заняты автомобилем. Наконец он поведал эту тайну одному из своих дядьев. Дядя этот не любил делать дорогие подарки, в особенности детям (ибо был небогат, а себе ни в чем не отказывал), но одержимость племянника произвела на него впечатление.

«Бедный малыш, — подумал он, — видно, все, что получше, достается старшему брату», — и, возвратясь в Лондон, купил Тому автомобиль.

Посылка прибыла за несколько дней до Рождества, и ее убрали в чулан на втором этаже вместе с другими подарками. В сочельник миссис Кент-Камберленд произвела им смотр.

— Как мило! — говорила она, прочитывая одну за другой сопроводительные карточки. — Как мило!

Автомобиль намного превосходил размерами все другие подарки. Он был ярко-красный, с фарами, клаксоном и запасным колесом.

— Нет, в самом деле, — сказала она, — как это мило с его стороны!

Потом она вгляделась в карточку внимательнее.

— Но какой же Тэд рассеянный. Он написал, что это для Тома!

— Тут есть еще книжка для мистера Жервеза, — сказала няня, подавая ей пакет с карточкой: «Жервезу с наилучшими пожеланиями от дяди Тэда».

— Ну конечно, карточки перепутали в магазине, — сказала миссис Кент-Камберленд. — Не мог он послать автомобиль Тому. Да такая игрушка стоит фунтов шесть, если не семь.

Она поменяла карточки местами и пошла вниз приглядеть, как украшают елку, очень довольная

тем, что исправила явную ошибку и восстановила справедливость.

Наутро мальчикам показали подарки.

— Ох и повезло тебе, Жер, — сказал Том. — Можно мне в нем покататься?

— Да, только осторожно. Няня говорит, он очень дорого стоит.

Том сделал два круга по комнате.

— Можно мне иногда выносить его в сад?

— Да. Можешь кататься, когда я буду на охоте.

Через день-другой они написали дяде благодарственные письма.

Жервез написал:

Милый дядя Тэд! Спасибо за чудесный подарок. Подарок чудесный. Пони здоров. Я еще поеду на охоту до конца каникул.

Целую, Жервез.

Милый дядя Тэд (написал Том).

Большое спасибо за чудесный подарок. Я как раз об этом мечтал. Еще раз большое спасибо.

Крепко целую, Том.

«Только-то? Вот неблагодарный мальчишка», — подумал дядя Тэд и решил, что впредь будет тратить деньги более осмотрительно.

Но Жервез, уезжая в школу, сказал:

— Том, можешь взять автомобиль себе.

— Как, насовсем?

— Да. Это ведь игрушка для маленьких.

И за сей великодушный жест Том стал любить и уважать его больше прежнего.

IV

Началась война, и в жизни мальчиков произошли большие перемены. Вопреки предсказаниям пацифистов, война не вызвала у них никаких неврозов. О воздушных налетах Том долго вспоминал как о счастливейших временах своего детства — школьников будили среди ночи и, велев закутаться в одеяла, поспешно вели в подвал, где экономка, ужасно смешная в фланелевом халате, поила их какао с печеньем. Однажды неподалеку от школы был сбит цеппелин, и мальчики, столпившись у окон дортуара, видели, как он медленно падал, объятый розовым пламенем. Очень молодой учитель, по состоянию здоровья признанный негодным для военной службы, плясал на теннисном корте и выкрикивал: «Так им и надо, детоубийцам!» Том собрал коллекцию «военных реликвий», в которую вошли трофейная германская каска, осколки шрапнели, «Таймс» за 4 августа 1914 года, пуговицы, кокарды и па-

тронные гильзы, и его коллекция была признана лучшей в школе.

Событием, в корне изменившим отношения между братьями, была смерть отца — он погиб в начале 1915 года. Они почти не знали его и относились к нему равнодушно. Они жили в деревне, а он, будучи членом палаты общин, проводил много времени в Лондоне. После того как он ушел в армию, они видели его всего три раза. Их вызвали с уроков, и жена директора сообщила им о его смерти. Они поплакали, потому что от них этого ждали, и несколько дней учителя и товарищи обращались с ними подчеркнуто бережно и почтительно.

Все значение происшедшей перемены открылось им во время первых же каникул. Миссис Кент-Камберленд сразу сделалась и более чувствительной, и более бережливой. Она часто разражалась слезами, что раньше было ей несвойственно, и, прижав Жервеза к груди, причитала: «Мой бедный мальчик, нет у тебя больше отца». А то мрачно заводила речь о налоге на наследство.

V

Этот «налог на наследство» годами звучал в доме как некий лейтмотив.

Когда миссис Кент-Камберленд сдала свой лондонский дом и закрыла одно крыло дома в имении, когда она сократила число домашней прислуги до четырех человек, а садовников — до двух, когда махнула рукой на цветники, когда перестала приглашать своего брата Тэда погостить у нее в деревне, когда продала почти всех лошадей, а машиной пользовалась лишь в самых исключительных случаях, когда в ванной не шла горячая вода, когда не бывало новых теннисных мячей, когда засорялись дымоходы и на газонах паслись овцы, когда сношенные вещи Жервеза уже не налезали на Тома, когда она отказалась оплачивать «дополнительные расходы» Тома в школе — уроки столярного дела и молоко между первым и вторым завтраком, — виною тому был налог на наследство.

— Это все ради Жервеза, — объясняла она. — Когда он вступит во владение, я хочу, чтобы он получил имущество свободным от долгов, как в свое время его отец.

VI

Жервез поступил в Итон в год смерти отца. Том должен был последовать за ним через два года, но теперь, во всем соблюдая экономию, миссис

Кент-Камберленд исключила его имя из списков и стала собирать среди знакомых сведения о не столь знаменитых и дорогих закрытых школах.

— Образование там не хуже, — говорила она, — и притом более подходящее для мальчика, который сам должен будет пробивать себе дорогу в жизни.

В школе, куда отдали Тома, ему жилось неплохо. Школа была очень скучная, очень новая, светлая, чистая, передовая, процветающая в силу быстрого распространения среднего образования в послевоенные годы, в общем «вполне подходящая для мальчика, который сам должен будет пробивать себе дорогу в жизни». Он подружился с несколькими учениками, которых ему не разрешали приглашать к себе на каникулы. Он получал призы по плаванию и гандболу, изредка играл в крикет в составе запасной команды и числился взводным во время военной подготовки; на последнем году учения сдал предварительные экзамены в университет, стал старостой общежития и заслужил доверие своего начальника, который отзывался о нем как об «очень доброкачественном юноше». Окончив курс в восемнадцать лет, Том покинул школу без малейшего желания когда-либо снова посетить

ее или повидаться с однокашниками.

Жервез в это время учился в Оксфорде, в колледже Крайст-Черч. Том съездил к нему в гости, но роскошные питомцы Итона, вечно торчавшие в комнатах брата, отпугивали и угнетали его. Жервез состоял членом Буллингдона[115], сорил деньгами и жил в свое удовольствие. Он устроил у себя званый обед, но Том просидел за столом молча, много пил, чтобы скрыть стеснительность, а позже уединился в темном углу двора, где его долго рвало. На следующий день он вернулся домой в самом подавленном состоянии.

— Не скажу, чтобы Том увлекался науками, — говорила миссис Кент-Камберленд своим друзьям. — Это, конечно, хорошо. В противном случае, может, и стоило бы пойти на жертвы и дать ему высшее образование. А так — чем скорее он встанет на ноги, тем лучше.

VII

Однако «поставить Тома на ноги» оказалось не так-то легко. В период налога на наследство миссис Кент-Камберленд растеряла много знакомств. Теперь она тщетно искала кого-нибудь,

---

[115] Notes: 115
Буллингдон — студенческий охотничий клуб.

кто мог бы «пристроить» Тома. Высшая школа бухгалтерии, китайская таможня, агентства по продаже недвижимости, Сити — от всех этих советов пришлось отказаться.

— Беда в том, — объясняла она, — что у мальчика нет склонности к чему-то определенному. Он из числа тех, кто мог бы быть полезен в любой области, — мастер на все руки, но, вы понимаете, у него нет капитала.

Прошли август, сентябрь, октябрь; Жервез опять был в Оксфорде, теперь уже в комфортабельной квартирке на Хай-стрит, а Том все слонялся дома без всякого дела. Изо дня в день они с матерью вдвоем садились завтракать и обедать; и миссис Кент-Камберленд, при всей ее уравновешенности, все труднее было выносить его постоянное присутствие. Сама она всегда была чем-нибудь занята и приходила в ужас и отчаяние, натыкаясь в разгар домашних хлопот на своего младшего сына, когда этот верзила валялся на диване в малой гостиной либо, облокотясь о каменный парапет террасы, бесцельно глазел на знакомый ландшафт.

— Неужели тебе нечем заняться? — сетовала она. — В доме всегда хватает дела. У меня так минуты свободной нет.

А когда его однажды пригласили в гости к соседям и он, вернувшись домой, не успел переодеться к обеду, она сказала:

— Право же, Том, у тебя-то должно бы найтись на это время.

В другой раз она заметила:

— Это очень опасно, когда молодой человек в твоем возрасте отвыкает работать. Это пагубно отражается на всем его моральном облике.

И тут она вспомнила обычай, издавна заведенный в поместьях знати, — составлять каталог библиотеки. В Томб-парке имелось обширное и пыльное собрание книг, накопленных многими поколениями семьи, никогда не проявлявшей особого интереса к литературе; и каталог уже имелся — составленный в середине XIX века бисерным почерком какой-то дальней родственницы, нуждающейся старой девы. С тех пор на полках почти ничего не прибавилось и не сдвинулось со своих мест, но миссис Кент-Камберленд купила шкафчик мореного дуба, а также несколько ящиков с карточками и дала Тому указание перенумеровать полки по-новому, а на каждую книгу завести две карточки — по фамилии автора и по заглавию.

При такой системе мальчику должно было

хватить работы надолго; поэтому она очень рассердилась, когда уже через несколько дней, заглянув без предупреждения в библиотеку проверить, как он там трудится, она увидела, что сын ее полулежит в кресле, задрав ноги на перекладину стремянки, погруженный в чтение.

— Как я рада, что ты нашел здесь что-то интересное, — сказала она голосом, в котором звучало очень мало радости.

— А знаешь, это и в самом деле интересно, — сказал Том и протянул ей книгу.

То был рукописный дневник, который некий полковник Джаспер Камберленд вел во время войны в Испании. Дневник не поражал литературными достоинствами, и содержавшаяся в нем критика Генерального штаба не проливала нового света на стратегию английского командования, но автор вел свой рассказ живо, без затей, день за днем, и страницы хранили аромат эпохи. Были там и кое-какие забавные анекдоты, и яркие описания: охота на лисицу за линией французских укреплений у Торрес-Ведраса, обед в офицерском собрании, на котором присутствовал герцог Веллингтон, подготовка бунта, еще не упомянутого в исторических трудах, штурм Бадахоса; попадалась и похабщина про испанок, и благочестивые

рассуждения о любви к отечеству.

— Может, это стоило бы издать, — сказал Том.

— Едва ли. Но Жервезу я это обязательно покажу, когда он приедет.

Пока что у Тома в связи с его открытием появился новый интерес в жизни. Он прочел кое-что по истории того времени и по истории своей семьи. Джаспер Камберленд, как ему удалось установить, был младшим сыном и впоследствии эмигрировал в Канаду. В архиве нашлись его письма. В одном из них он сообщал о своей женитьбе на католичке, и было ясно, что на этой почве он рассорился со старшим братом. В большой гостиной, в витрине с миниатюрами, не внесенными ни в какие каталоги, Том нашел портрет кудрявого красавца-военного и, изучив мундиры веллингтоновской армии, убедился, что это и есть автор дневника.

Через некоторое время он своим круглым, неустоявшимся почерком начал сводить разрозненные заметки в очерк. Мать следила за его работой с нескрываемым одобрением. Ее радовало, что он чем-то занят, радовало, что он заинтересовался историей своего рода. Она уже было начала опасаться, что, отдав мальчика в школу «без традиций», сделала из него социа-

листа. Когда незадолго до Рождества для Тома нашлась работа, она сама занялась его записями.

— Я уверена, что Жервезу это будет страшно интересно, — сказала она. — Возможно, он даже решит, что рукопись стоит показать какому-нибудь издателю.

VIII

Работа, которая нашлась для Тома, не сулила быстрого обогащения, но все же, говорила его мать, это было какое-то начало. Он поедет в Вулверхэмтон и будет изучать торговлю автомобилями с самых азов. Сперва два года работы на заводе, а потом, если он проявит способности к делу, его переведут в Лондон, в один из демонстрационных залов. Плата для начала — тридцать пять шиллингов в неделю. Мать от себя добавила к этому еще фунт. Ему подыскали квартиру над фруктовой лавкой на окраине города, и Жервез отдал ему свой старый двухместный автомобиль — ездить на работу да изредка наведываться домой на воскресенье.

В один из таких наездов Жервез и сообщил ему приятную новость: некий лондонский издатель прочел дневник и усмотрел в нем кое-какие возможности. Через полгода книга вышла в свет под

заглавием «Дневник английского офицера времен войны в Испании. Редакция, примечания и биографический очерк Жервеза Кент-Камберленда». На фронтиспис пошла искусно выполненная репродукция с той самой миниатюры, в текст поместили снимок страницы из рукописи, старинную гравюру с изображением дома в Томб-парке и карту кампании на Пиренейском полуострове. Было продано около двух тысяч экземпляров по двенадцать с половиной шиллингов, в субботних и воскресных газетах появилось несколько уважительных рецензий.

«Дневник» вышел в свет за несколько дней до того, как Жервез достиг совершеннолетия. День его рождения справляли пышно и долго, и закончились празднества балом, на который Тому было велено явиться.

Он пустился в путь после работы и, только-только поспев к обеду, застал в доме тридцать человек гостей и разительные перемены.

В его комнате уже поселили какого-то гостя («Ты ведь здесь всего на одну ночь», — объяснила мать), его же отправили ночевать в деревенскую гостиницу, где он переоделся при свечах в тесной каморке над распивочной, к обеду явился с опозданием и слегка растрепанный и сидел между

двумя прелестными девушками, которые понятия не имели, кто он такой, и не потрудились это выяснить. Танцы происходили на террасе, в шатре, который лондонские декораторы превратили в подобие вест-эндской гостиной. Том потанцевал с молоденькими соседками по имению, которых знал с детства. Они расспрашивали его о Вулверхэмптоне, о заводе. Ему нужно было очень рано вставать, и в полночь он улизнул к себе в гостиницу. Весь вечер показался ему неимоверно скучным. Потому что он был влюблен.

IX

Он хотел было попросить у матери разрешения привезти свою невесту на бал, но потом, как ни был ею увлечен, отказался от этой мысли. Девушку звали Глэдис Кратвел. Она была на два года старше его, у нее были пушистые желтые волосы, которые она мыла сама раз в неделю и сушила в кухне над газом; в день после мытья они были очень светлые и шелковистые, а к концу недели темнели и слегка лоснились. Она была порядочная девушка, приветливая, самостоятельная, не капризная, не слишком умная, достаточно веселая, но Том не заблуждался — он понимал, что в Томб-парке она придется не ко двору.

Она работала на том же заводе, что и он, в конторе. Том заметил ее уже на второй день — она шла по двору, точно ко времени, без шляпы (голова была вымыта накануне), в шерстяном костюме, который сама связала. Он заговорил с ней в столовой, когда пропустил ее вперед себя к прилавку, — такое рыцарство было на заводе в диковинку. И то, что у него была собственная машина, выгодно отличало его от других молодых людей на заводе.

Выяснилось, что они живут очень близко друг от друга, и вскоре Том стал каждое утро заезжать за ней, а вечером отвозить ее домой. Остановив машину перед ее калиткой, он давал гудок, и она бежала к нему по дорожке палисадника. Пришла весна, и вечерами они ездили кататься по зеленым уорикширским проселкам. В июне они обручились. Том ликовал, порой просто задыхался от счастья, однако разговор с матерью все откладывал. «В конце концов, я ведь не Жервез», — убеждал он себя. Но в глубине души знал, что неприятностей не миновать.

Глэдис принадлежала к сословию, привычному к долгим помолвкам. Брак представлялся ей чем-то весьма отдаленным. Помолвка же означала официальное признание того, что они с Томом

проводят свободное время вместе. Ее мать, с которой она жила, охотно приняла Тома на таких условиях. Через два года, когда он получит место в лондонском демонстрационном зале, будет время подумать и о свадьбе. Но Том был рожден в не столь терпеливых традициях. Он заговорил о том, чтобы пожениться осенью.

— Это бы хорошо, — сказала Глэдис таким тоном, словно речь шла о выигрыше в лотерею.

О своей семье он ей почти не рассказывал. До сознания ее дошло, что они живут в большом доме, но реально она не представляла себе их жизнь. Она знала, что есть какое-то «высшее общество» и в нем — герцогини и маркизы, их она видела в газетах и фильмах. Знала, что есть директора с большими окладами. Но что на свете существуют такие люди, как Жервез и миссис Кент-Камберленд, и что они считают себя в корне отличными от нее — с этим она еще не сталкивалась. Когда знакомство наконец состоялось, миссис Кент-Камберленд была до крайности любезна, и Глэдис нашла, что она очень славная старая леди. Но Том понял, что надвигается катастрофа.

— Разумеется, об этом не может быть и речи, — сказала миссис Кент-Камберленд. — Мисс, как бишь ее, видимо, вполне порядочная девушка,

но не в твоем положении думать о женитьбе. К тому же, — добавила она тоном, не терпящим возражений, — не забывай, что, если с Жервезом что-нибудь случится, ты ему наследуешь.

После чего Тома забрали с автомобильного завода и нашли ему дело на овцеводческой ферме в Южной Австралии.

X

Утверждать, что в последующие два года миссис Кент-Камберленд забыла своего младшего сына, было бы несправедливо. Она писала ему каждый месяц, а к Рождеству посылала клетчатые носовые платки. Вначале он очень тосковал, и письма от него приходили часто, но и тогда, когда он, постепенно привыкая к новой жизни, стал писать реже, она не огорчилась. Те письма, что приходили, были длинные; она откладывала их, чтобы прочесть на досуге, и, случалось, теряла, так и не успев распечатать. Но когда знакомые спрашивали ее, как идут дела у Тома, она не моргнув глазом отвечала:

— Великолепно. И знаете, ему там очень нравится.

У нее было много других дел, а порой и огорчений. Жервез был теперь хозяином в Томб-парке,

и от заведенных ею строгих порядков не осталось и следа. В конюшне стояли шесть дорогостоящих верховых лошадей, газоны были скошены, все спальни проветрены и убраны, прибавились новые ванные комнаты, шли даже разговоры об устройстве бассейна. С субботы до понедельника дом был полон гостей. Были проданы за ничтожную цену два портрета кисти Ромнея и один Хоппнера.

Миссис Кент-Камберленд наблюдала все это со смешанным чувством гордости и тревоги. Особенно зорко приглядывалась она к бесконечным девицам, которые у них гостили, и терзалась неотступными, несовместимыми страхами, что Жервез женится или что не женится. То и другое таило в себе опасности. Ей нужна была для Жервеза жена родовитая, воспитанная, богатая, с безупречной репутацией и сердечно расположенная к миссис Кент-Камберленд; найти ему такую подругу жизни было нелегко. Все земли, которые когда-то пошли в заклад под давлением налога на наследство, были теперь выкуплены, но дивиденды шли нерегулярно, и, хотя миссис Кент-Камберленд, как она любила выражаться, «ни во что не вмешивалась», все же простая арифметика и собственный опыт управления

имением говорили ей, что долго Жервез на столь расточительном уровне не продержится.

Обремененная такими заботами, миссис Кент-Камберленд, естественно, много думала о Томб-парке и очень мало о Южной Австралии. И естественно, она была потрясена, когда от Тома пришло письмо с сообщением, что он собирается в Англию в отпуск, с невестой и будущим тестем; более того, что он уже в пути, пишет с парохода и в Лондоне будет через две недели. Если б она внимательно читала его предыдущие письма, то нашла бы в них намеки на этот новый интерес в его жизни, но читала она их кое-как, и сообщение это явилось для нее полной неожиданностью, притом весьма неприятной.

— Твой брат скоро будет в Англии.

— Вот это здорово! Когда?

— Он везет с собой невесту, фермерскую дочку. И самого фермера. Они собираются к нам.

— Ой, какая тоска! Давай напишем, что у нас ремонт в котельной.

— Жервез, неужели ты не понимаешь, что это серьезно?

— Ну так придумай что-нибудь. Пусть приедут в будущем месяце. Энкореджей мы рано или поздно должны пригласить, вот заодно и отделаемся.

В конце концов было решено, что Жервез повидает приезжих в Лондоне, составит себе о них мнение и доложит матери, можно ли пригласить их одновременно с супругами Энкоредж. Он пробыл в Лондоне неделю, мать едва дождалась его.

— Ну как? Почему ты не написал?

— А зачем? Я никогда не пишу. И что вообще случилось? Я забыл про чей-нибудь день рождения?

— Не дури, Жервез. Я говорю об этой девице, которая охотится за Томом. Ты ее видел?

— Ах, ты про это? Да, я у них обедал. Том молодец, не дал маху. Блондинка, толстенькая, глаза круглые, характер, судя по внешности, легкий.

— А говорит она как… с австралийским акцентом?

— Вот не заметил.

— А отец?

— Напыщенный индюк.

— Но его можно посадить за один стол с леди Энкоредж?

— Еще как можно. Только они не приедут. Они обещали погостить у Казмов.

— Что ты говоришь, как странно… Впрочем, да, ведь Арчи Казм был когда-то генерал-губернатором. Но все же это значит, что они в какой-то

мере люди нашего круга. Где они остановились?

— У Клариджа.

— Стало быть, они к тому же и богаты. Это интересно. Напишу им сегодня же вечером.

XI

Три недели спустя они прибыли. Мистер Макдугал, отец, был высок ростом и сухощав, носил пенсне и интересовался статистикой. Он владел земельными угодьями, по сравнению с которыми Томб-парк показался ему уютным участочком. Он не подчеркивал этого, не хвастал, но в своем статистическом рвении привел кое-какие поразительные цифры.

— У вас, кроме Бесси, нет детей? — спросила миссис Кент-Камберленд.

— Нет, она моя единственная дочь и наследница, — отвечал он, без проволочек переходя к делу. — Вас, вероятно, интересует, что я могу за ней дать. К сожалению, точно ответить на этот вопрос я не в состоянии. У нас бывают удачные годы, миссис Кент-Камберленд, а бывают и неудачные.

— Но даже и в неудачные годы доход, надо полагать, немалый?

— В неудачный год, — сказал мистер Мак-

дугал, — в очень неудачный год, такой, как нынешний, чистая прибыль, за вычетом текущих расходов, страхования, налогов и амортизации, колеблется от… — (Миссис Кент-Камберленд слушала, замерев), — от пятидесяти до пятидесяти двух тысяч фунтов. Я понимаю, это цифра очень приблизительная, но точнее сейчас сказать невозможно — последние отчетные данные еще не поступили.

Бесси была сплошная кротость и улыбки. Все ее восхищало.

— Это такая старина! — ахала она, шла ли речь о романской церкви в Томб-парке, или о викторианской обшивке стен в бильярдной, или о центральном отоплении — одном из недавних нововведений Жервеза.

Миссис Кент-Камберленд прониклась к девушке большой симпатией.

«Обтесать ее будет легко, — решила она. — Только вот не знаю, вполне ли она подходящая пара для Тома… вот не знаю…»

Макдугалы прогостили четыре дня, и на прощание миссис Кент-Камберленд очень звала их приехать еще и погостить подольше. Бесси была в восторге от всего, что ей довелось увидеть.

— Вот если бы нам здесь жить, — сказала она

Тому в первый же вечер. — В этом очаровательном старинном доме.

— Да, дорогая, хорошо бы. Конечно, тут все принадлежит Жервезу, но я всю жизнь только здесь чувствовал себя по-настоящему дома.

— Как австралийцы в Англии.

— Вот именно.

Она пожелала увидеть решительно все: старый дом с острой крышей, который служил хозяевам, пока в XVIII веке не был построен новый, теперешний, а сейчас стоял пустой, неказистый и неудобный, — дом, в котором миссис Кент-Камберленд в минуты уныния мысленно доживала свои дни; мельницу и каменоломню; ферму, которая показалась Макдугалам крошечной и тесной, как Ноев ковчег. По всем этим местам их водил Жервез.

— Он ведь знает поместье гораздо лучше, чем Том, — объясняла миссис Кент-Камберленд.

Побыть наедине с невестой Тому вообще почти не удавалось. Однажды, когда они все сидели в гостиной, зашла речь о его свадьбе. Он спросил у Бесси: может быть, теперь, когда она побывала в Томб-парке, ей больше хочется венчаться не в Лондоне, а здесь, в деревенской церкви?

— Не стоит ничего решать в спешке, — сказала

тогда миссис Кент-Камберленд. — Дай Бесси время оглядеться.

После Томб-парка Макдугалы отправились в Шотландию посмотреть замок предков. Мистер Макдугал на совесть изучил свою родословную, время от времени переписывался с родичами, а теперь пожелал лично с ними познакомиться.

Бесси написала всем обитателям Томб-парка. Тому она писала каждый день, но вечерами, когда ей не спалось на грандиозной кровати, предоставленной ей дальними родственниками, в сердце ее впервые стало закрадываться чувство легкого разочарования и неуверенности. В Австралии Том показался ей совсем особенным. Он был такой обходительный, благородный, культурный. Здесь, в Англии, он словно потускнел. В Англии все казались такими же.

И еще ей не давал покоя дом — в точности такой, каким она всегда представляла себе жилище англичанина, и этот миленький миниатюрный парк — меньше тысячи акров, и мягкая трава, и замшелый камень. Том хорошо вписался в дом, даже слишком хорошо, — он без остатка растворился в нем и стал как бы частью фона. Центральное место занимал Жервез — похожий на Тома, но красивее, такой же обаятельный, но

более яркий. Не в силах прогнать эти мысли, она вертелась с боку на бок на жестком, неровном ложе, пока за стрельчатым окошком викториан-ско-баронской башни не начинал брезжить день. Башня эта, при всех своих неудобствах, ужасно ей нравилась — такая старина…

XII

Миссис Кент-Камберленд была женщина энергичная. Не прошло и десяти дней с отъезда Макдугалов, как она с победой возвратилась из короткой поездки в Лондон. После обеда, оставшись наедине с Томом в малой гостиной, она сказала:

— Угадай, кого я сегодня видела? Глэдис.

— Глэдис?

— Глэдис Кратвел.

— Боже милостивый, где ты могла с ней встретиться?

— Это вышло совершенно случайно, — протянула мать. — Она теперь работает в Лондоне.

— Ну и как она?

— Очень мила. Пожалуй, даже похорошела. — Наступило короткое молчание. Миссис Кент-Камберленд прилежно вышивала шерстью чехол для диванной подушки. — Ты ведь знаешь,

мой милый, я никогда не вмешиваюсь, но мне не раз приходило в голову, что ты не очень-то хорошо обошелся с Глэдис. Я знаю, отчасти я и сама виновата, но вы оба были так молоды, и виды на будущее у вас были такие неопределенные… Я подумала, что год-другой разлуки послужит хорошей проверкой, действительно ли вы друг друга любите.

— Брось, я уверен, что она меня давным-давно забыла.

— Нет, Том, ты ошибаешься. Она показалась мне очень несчастной.

— Но как ты можешь это утверждать, мама, ведь ты виделась с ней каких-то несколько минут.

— Мы с ней позавтракали, — сказала миссис Кент-Камберленд. — В кафе.

Опять молчание.

— Но послушай, я-то о ней и думать забыл. Я теперь люблю только Бесси.

— Ты ведь знаешь, мой дорогой, я никогда не вмешиваюсь. Бесси, по-моему, прелестная девушка. Но свободен ли ты? Свободен ли перед лицом своей совести? Ты-то знаешь, а я не знаю, на чем вы с Глэдис расстались.

И в памяти Тома после долгого времени опять возникла сцена прощания со слезами и безудерж-

ными клятвами, неотступно стоявшая у него перед глазами в первые месяцы его австралийской ссылки. Он промолчал.

— Я не рассказала Глэдис о твоей помолвке. Я решила, что ты вправе сам ей рассказать, по-своему, как сумеешь. Но одно я ей сказала — что ты в Англии и хотел бы с ней повидаться. Она приедет к нам завтра денька на два. Пусть отдохнет, вид у бедняжки очень утомленный.

Когда Том встретил Глэдис на станции, они несколько минут стояли на платформе, неуверенно высматривая друг друга. Потом одновременно улыбнулись и поздоровались. Глэдис за это время сменила двух женихов, а теперь за ней ухаживал продавец из автомобильного магазина. Она безмерно удивилась, когда миссис Кент-Камберленд разыскала ее и сообщила, что Том вернулся в Англию. Она не забыла его, потому что была девушкой доброй и привязчивой, но ее смутило и тронуло, что и он, оказывается, остался ей верен.

Через две недели они поженились, и миссис Кент-Камберленд взяла на себя щекотливую миссию «все объяснить» Макдугалам.

Они уехали в Австралию, где мистер Макдугал милостиво предложил Тому место управляющего одним из своих самых отдаленных владений. Как

работник Том его удовлетворяет. У Глэдис теперь просторный светлый дом с видом на пастбища и проволочные изгороди. Знакомых у нее мало, да и те ей не особенно нравятся. Соседи-фермеры считают, что она надменна и необщительна, как истая англичанка.

Бесси и Жервез поженились через шесть недель после того, как были помолвлены. Они живут в Томб-парке. У Бесси двое детей, у Жервеза четыре скаковые лошади. Миссис Кент-Камберленд живет вместе с ними. С Бесси у нее редко бывают разногласия, а когда бывают, верх одерживает она.

Старый дом сдан в долгосрочную аренду одному фабриканту — любителю спорта. Жервез держит свору гончих и сорит деньгами. Все в округе довольны.

Перевод М. Лорие

Дом англичанина

I

Мистер Беверли Меткаф постучал по барометру, висящему в коридоре, и с удовлетворением отметил, что за ночь он упал на несколько делений. Вообще-то, мистер Меткаф любил солнце, но был уверен, что истинному сельскому жителю полагается неизменно желать дождя. Что такое истинный сельский житель и каковы его отличительные черты — это мистер Меткаф изучил досконально. Будь у него склонность водить пером по бумаге и родись он лет на двадцать-тридцать раньше, он бы составил из этих своих наблюдений небольшую книжечку. Истинный сельский житель по воскресеньям ходит в темном костюме, а не в спортивном, не то что попрыгунчик-горожанин; он человек прижимистый, любит покупать по дешевке и из кожи вон лезет, лишь бы выгадать лишний грош; вроде бы недоверчивый и осторожный, он легко соблазняется всякими техническими новинками; он добродушен, но не гостеприимен; стоя у своего забора, готов часами сплетничать с прохожим,

но неохотно пускает в дом даже самого близкого друга… Эти и сотни других черточек мистер Меткаф подметил и решил им подражать.

«Вот-вот, дождя-то нам и надо», — сказал он про себя, потом растворил дверь и вышел в благоухающий утренний сад.

Безоблачное небо ничего подобного не обещало. Мимо прошел садовник, толкая перед собой водовозную тележку.

— Доброе утро, Боггит. Барометр, слава богу, упал.

— Угу.

— Значит, дождь будет.

— Не.

— Барометр очень низко стоит.

— Ага.

— Жаль тратить время на поливку.

— Не то все сгорит.

— Раз дождь, не сгорит.

— А его не будет, дождя-то. В наших местах только и льет, когда во-он дотуда видно.

— Докуда это — дотуда?

— А вон. Как дождь собирается, всегда Пиберскую колокольню видать.

Мистер Меткаф отнесся к этому утверждению весьма серьезно.

— Старшие, они кой в чем больше ученых смыслят, — часто повторял он и напускал на себя этакий покровительственный вид.

Садовник Боггит вовсе не был стар и смыслил очень мало: семена, которые он сеял, всходили редко; всякий раз, как ему позволяли взять в руки прививочный нож, казалось, будто по саду пронесся ураган; честолюбивые замыслы по части садоводства были у него очень скромные — он мечтал вырастить такую огромную тыкву, каких никто и не видывал; но мистер Меткаф относился к нему с простодушным почтением, точно крестьянин к священнику. Ибо мистер Меткаф лишь совсем недавно уверовал в деревню и, как полагается новообращенному, свято чтил земледелие, деревенский общественный уклад, язык, деревенские забавы и развлечения, самый облик деревни — как сверкает она сейчас в лучах нежаркого майского солнца, и плодовые деревья стоят в цвету, и каштан в пышном зеленом уборе, и на ясене распускаются почки; чтил здешние звуки и запахи — крики мистера Уэстмейкота, выгоняющего на заре своих коров, запах влажной земли и Боггита, который неуклюже плещет водой на желтофиоль; мистер Меткаф чтил самую суть деревенской жизни (вернее, то, что полагал

ее сутью), пронизывающую все вокруг; чтил свое сердце, которое трепетало заодно с этой живой, трепетной сутью, ибо разве сам он не частица всего этого — он, истинный сельский житель, землевладелец?

Сказать по правде, земли-то у него было кот наплакал, но вот сейчас он стоял перед домом, глядел на безмятежную долину, расстилающуюся перед ним, и поздравлял себя, что не поддался на уговоры агентов по продаже недвижимости и не взвалил на свои плечи миллион всевозможных забот, которых потребовали бы владения более обширные. У него около семи акров земли, пожалуй, как раз столько, сколько надо; сюда входит парк при доме и выгон; можно было купить еще и шестьдесят акров пахотной земли, и день-другой возможность эта кружила ему голову. Он, разумеется, вполне мог бы себе это позволить, но, на его взгляд, противоестественно и прямо-таки грешно помещать капитал так, чтобы получать всего два процента прибыли. Ему требовалось мирное жилище для спокойной жизни, а не имение, как у лорда Брейкхерста, чьи угодья примыкают к его собственным: лишь низкая, идущая по канаве изгородь в сотню ярдов длиной отделяет его выгон от одного из выпасов лорда, а ведь у лорда Брейк-

херста, на которого каждый день обрушиваются заботы о его огромных владениях, нет ни мира, ни покоя, одно беспокойство. Нет, толково выбранные семь акров — это именно то, что нужно, и, уж конечно, мистер Меткаф выбрал с толком. Агент говорил чистую правду: Мачмэлкок на редкость хорошо сохранился, чуть ли не лучше всех остальных уголков Котсуолдской округи. Именно о таком уголке Меткаф мечтал долгие годы, пока торговал хлопком в Александрии. Теперешний его дом многим поколениям известен был под странным названием «Хандра», а предшественник мистера Меткафа переименовал его в «Поместье Мачмэлкок». Новое название очень ему шло. То был «горделивый дом в георгианском стиле, сложенный из светлого местного камня; четыре общие комнаты, шесть спален и гардеробных — все отмеченные печатью своего времени». К огорчению мистера Меткафа, жители деревни нипочем не желали называть его обиталище «поместьем». Боггит всегда говорил, что работает в «Хандре», но ведь новое название придумали еще до мистера Меткафа, и на почтовой бумаге оно выглядело очень неплохо. Слово «поместье» как бы возвышало его владельца над прочими местными жителями, хотя на самом деле превос-

ходство это отнюдь не было бесспорным. Лорд Брейкхерст, разумеется, занимал в этих краях совсем особое положение, он ведь был глава судебной и исполнительной власти графства, ему принадлежали земли в пятидесяти приходах. И леди Брейкхерст не нанесла визита миссис Меткаф: особе ее круга уже не обязательно заезжать и оставлять визитную карточку, но имелись по соседству два семейства из того круга, в котором обычай наносить визиты еще не потерял своего значения, и одно семейство середка на половинку, не считая приходского священника — этот разговаривал как настоящий простолюдин и в проповедях своих обличал богачей.

Два нетитулованных, но благородных землевладельца, что соперничали с мистером Меткафом, были леди Пибери и полковник Ходж — люди, на взгляд здешних жителей, пришлые, но все-таки поселились они в этих местах лет на двадцать раньше мистера Меткафа.

Леди Пибери жила в «Имении Мачмэлкок» — крыша ее дома не сегодня завтра скроется за густой летней листвой, но сейчас она еще видна по ту сторону долины, среди распускающихся лип. От владений мистера Меткафа ее земли отделяет выпас в четыре акра; там пасется упитанное

стадо Уэстмейкота, украшает ландшафт и служит противовесом ее цветникам, в великолепии которых чувствуется что-то от роскоши богатых городских предместий. Она вдова и, как и мистер Меткаф, приехала в Мачмэлкок из дальних краев. Женщина состоятельная, добрая и в то же время скуповатая, она прилежно читала всяческую беллетристику, держала множество скотчтерьеров и пять степенных старых служанок, еле волочивших ноги.

Полковник Ходж жил в «Усадьбе», в большом доме с красивой остроконечной крышей, расположенном в самой деревне, и парк его одной стороной тоже примыкал к лугу Уэстмейкота. Полковник был человек не денежный, но он живо участвовал в делах Британского легиона и организации бойскаутов; он принял приглашение мистера Меткафа к обеду, но в семейном кругу называл его не иначе как «хлопковый саиб».

Еще одни соседи, Хорнбимы со Старой Мельницы, занимали в местном обществе положение ясное и недвусмысленное. Эта бездетная немолодая чета посвятила себя художественным ремеслам. Мистер Хорнбим-старший был обыкновенный гончар в Стаффордшире и сам торговал своими изделиями; помогал он своим родичам неохотно

и довольно скудно, но эти деньги, которые они не зарабатывали своим трудом, а получали от него каждые три месяца в виде чеков, обеспечили им вполне определенное место в верхнем слое здешнего общества. Миссис Хорнбим усердно посещала церковь, а ее супруг был мастер выращивать ароматические травы и овощи. Короче говоря, устрой они на месте своего огорода теннисный корт да обзаведись мистер Хорнбим фраком, соседи, безусловно, приняли бы их как равных. Во время первых послевоенных выборов миссис Хорнбим побывала у всех арендаторов, до кого можно было добраться на велосипеде, но Дамского кружка она сторонилась и, по мнению леди Пибери, не сумела себя поставить. Мистер Меткаф считал мистера Хорнбима богемой, а мистер Хорнбим мистера Меткафа — филистером. Полковник Ходж довольно давно поссорился с Хорнбимами из-за своего эрдельтерьера и, из года в год встречаясь с ними по нескольку раз на дню, не желал их замечать.

Обитателям крытых черепицей скромных домиков деревни от всех этих чужаков была немалая польза. Иностранцы, изумленные ценами в лондонских ресторанах и великолепием более доступных им герцогских дворцов, часто

поражались богатству Англии. Однако о том, как она богата на самом деле, им никто никогда не рассказывал. А как раз в таких-то деревушках, как Мачмэлкок, и впитываются вновь в родную почву огромные богатства, что стекаются в Англию со всей империи. У здешних жителей был свой памятник павшим воинам и свой клуб. Когда в стропилах здешней церкви завелся жук-точильщик, они не постеснялись расходами, чтобы его уничтожить; у здешних бойскаутов была походная палатка и серебряные горны; сестра милосердия разъезжала по округе в собственной машине; на Рождество для детей устраивались бесконечные елки и праздники и всем арендаторам корзинами присылали всякие яства; если кто-нибудь из местных жителей заболевал, его с избытком снабжали портвейном, и бульоном, и виноградом, и билетами на поездку к морю; по вечерам мужчины возвращались с работы, нагруженные покупками, и круглый год у них в теплицах не переводились овощи. Приходскому священнику никак не удавалось пробудить в них интерес к Книжному клубу левых[116].

[116] Notes: 116

Клуб, основанный в 1935 году издателем В. Голланцем в целях публикации дешевых книг по вопросам социал-демократии и лейбористского движения.

— «Господь нам эту землю дал, чтоб всю ее любить, но каждому лишь малый край дано в душе вместить»[117], — сказал мистер Меткаф, смутно вспоминая строки из календаря, который висел у него в кабинете в Александрии.

От нечего делать он сунул нос в гараж — там его шофер задумчиво склонился над аккумулятором. Потом заглянул еще в одну надворную постройку — и убедился, что за ночь с газонокосилкой ничего не случилось. Приостановился в огороде — отщипнул цветки у недавно посаженной черной смородины: в это лето ей еще не следовало плодоносить. И вот обход закончен — и Меткаф не спеша отправился домой завтракать.

Жена уже сидела за столом.

— Я все обошел, — сказал он.

— Хорошо, дорогой.

— Все идет прекрасно.

— Хорошо, дорогой.

— Только вот Пиберскую колокольню не видно.

— Боже милостивый, да на что тебе колокольня, Беверли?

— Если ее видно, значит будет дождь.

---

[117] Notes: 117
Начальные строки стихотворения Р. Киплинга «Суссекс».

— Ну что за чепуха! Опять ты наслушался этого Боггита.

Она встала и оставила его читать газеты. Ей надо было потолковать с кухаркой. Уж очень много времени в Англии отнимают слуги; и она с тоской вспомнила одетых в белое проворных слуг-берберов, которые шлепали по выложенным плиткой прохладным полам их дома в Александрии.

Мистер Меткаф позавтракал и с трубкой и газетами удалился к себе в кабинет. «Газетт» вышла сегодня утром. Истинный сельский житель первым делом всегда читает свой «местный листок», и поэтому, прежде чем открыть «Таймс», мистер Меткаф терпеливо продирался через колонки, посвященные делам Дамского кружка, и через отчеты о заседании Совета по устройству и ремонту канализации.

Так безоблачно начался этот день гнева!

II

Около одиннадцати мистер Меткаф отложил кроссворд в сторону. В прихожей, подле двери, ведущей в огород, он держал всевозможные садовые инструменты особого образца — специально предназначенные для людей пожилых. Он выбрал тот, что был совсем недавно прислан, не

спеша вышел на солнышко и стал расправляться с подорожником на лужайке перед домом. У инструмента этого были красиво обшитый кожей черенок, плетеная рукоятка и на конце лопаточка из нержавеющей стали; работать им было одно удовольствие, и почти безо всяких усилий мистер Меткаф скоро уже изрыл довольно большой участок маленькими аккуратными ямками.

Он остановился и крикнул в сторону дома:

— Софи, Софи, выйди посмотри, что я сделал.

Наверху в окне показалась голова жены.

— Очень мило, дорогой, — сказала она.

Ободренный Меткаф вновь принялся за дело. Но тут же окликнул идущего мимо Боггита:

— Отличная штука этот инструмент, Боггит.

— Угу.

— Как по-вашему, в эти ямки стоит что-нибудь посеять?

— Не.

— Думаете, трава все заглушит?

— Не. Подорожник опять вырастет.

— Думаете, я не уничтожил корни?

— Не. У них так вот макушки пообрубаешь, а корни только пуще в рост пойдут.

— Что ж тогда делать?

— А подорожник, его никак не одолеешь. Он

все одно опять вырастет.

И Боггит пошел своей дорогой. А мистер Меткаф с внезапным отвращением взглянул на свою новую игрушку, досадливо приткнул ее к солнечным часам и, сунув руки в карманы, уставился вдаль, на другую сторону долины. Даже на таком расстоянии ярко-фиолетовая клумба леди Пибери резала глаз, она никак не сочеталась с окружающим ландшафтом. Потом взгляд Меткафа скользнул вниз, и на лугу, среди коров Уэстмейкота, он заметил незнакомые фигуры и стал с любопытством вглядываться. Какие-то двое — молодые люди в темных городских костюмах — сосредоточенно занимались чем-то непонятным. С бумагами в руках, поминутно в них заглядывая, они расхаживали большими шагами по лугу, словно бы измеряли его, присаживались на корточки, словно бы на глазок прикидывали уровень, тыкали пальцем в воздух, в землю, в сторону горизонта.

— Боггит, — встревоженно позвал мистер Меткаф, — подите-ка сюда.

— Угу.

— Видите тех двоих на лугу мистера Уэстмейкота?

— Не.

— Не видите?

— Этот луг не Уэстмейкотов. Уэстмейкот его продал.

— Продал! Господи! Кому же?

— Кто его знает. Приехал какой-то из Лондона, остановился в «Брейкхерсте». Слыхать, немалые деньги за этот луг отвалил.

— Да на что ж он ему понадобился?

— Кто его знает, а только вроде надумал дом себе строить.

Строить. Это чудовищное слово в Мачмэлкоке решались произносить разве что шепотом. «Проект застройки», «расчистка леса под строительство», «закладка фундамента» — эти непристойные слова были вычеркнуты из благовоспитанного словаря здешней округи, и лишь изредка со смелостью, дозволенной одним только антропологам, их применяли к диким племенам, обитающим за пределами здешнего прихода. А теперь этот ужас возник и среди них, точно роковой знак чумы на домах в «Декамероне».

Оправившись от первого потрясения, мистер Меткаф приготовился было действовать — мгновение поколебался: не ринуться ли вниз, бросить вызов врагу на его же территории, но решил — нет, не стоит, сейчас требуется осмотритель-

ность. Надо посоветоваться с леди Пибери.

До ее дома было три четверти мили; обсаженная кустами дорога вела мимо ворот, через которые можно было пройти на луг Уэстмейкота; и мистеру Меткафу уже виделось, как в скором времени на месте этих шатких ворот и глубокой, истоптанной коровами грязи появятся кусты золотистой бирючины и красный гравий. Над живой изгородью словно уже мелькали головы чужаков, на них были торжественные черные городские шляпы. Мистер Меткаф печально проехал милю.

Леди Пибери сидела в малой гостиной и читала роман; с детства ей внушали, что благородной даме с утра читать романы тяжкий грех, и потому сейчас она все же чувствовала себя немножко виноватой. Она украдкой сунула книгу под подушку и поднялась навстречу Меткафу.

— А я как раз собиралась выйти, — сказала она.

Меткафу было не до учтивости.

— У меня ужасные новости, леди Пибери, — начал он без предисловий.

— О господи! Неужто у бедняги Кратуэла опять недоразумения с бойскаутским счетом?

— Нет. То есть да, опять не сходится на четыре

пенса, только на этот раз они лишние, а это еще хуже. Но я к вам по другому делу. Под угрозой вся наша жизнь. На лугу Уэстмейкота собираются строить.

Коротко, но с чувством он рассказал леди Пибери о том, что видел.

Она слушала серьезно, сумрачно. Меткаф кончил, и в маленькой гостиной воцарилась тишина; только шесть разных часов невозмутимо тикали среди обитой кретоном мебели и горшков с азалиями.

— Уэстмейкот поступил очень дурно, — сказала наконец леди Пибери.

— По-моему, его нельзя осуждать.

— А я осуждаю, мистер Меткаф, сурово осуждаю. Просто не могу его понять. И ведь казался таким приличным человеком… Я даже думала сделать его жену секретарем нашего Дамского кружка. Он должен был прежде посоветоваться с нами. Ведь окна моей спальни выходят прямо на этот луг. Никогда не могла понять, почему вы сами не купили эту землю.

Луг сдавался в аренду за три фунта восемнадцать шиллингов, а просили за него сто семьдесят фунтов да плюс церковная десятина и налог на доход с недвижимости. Леди Пибери все это пре-

красно знала.

— Когда он продавался, его любой из нас мог купить, — довольно резко ответил Меткаф.

— Он всегда шел заодно с вашим домом.

Мистер Меткаф понял: еще немножко — и она скажет, что это он, Меткаф, поступил очень дурно, а ведь всегда казался таким приличным человеком.

И в самом деле, мысль ее работала именно в этом направлении.

— А знаете, вам еще сейчас не поздно его перекупить, — сказала она.

— Нам всем грозит та же беда, — возразил мистер Меткаф. — По-моему, надо действовать сообща. Ходж, когда прослышит про это, тоже не очень-то обрадуется.

Полковник Ходж прослышал и, конечно, не очень-то обрадовался. Когда мистер Меткаф вернулся домой, тот его уже поджидал.

— Слыхали, что натворил этот негодяй Уэстмейкот?

— Да, — устало ответил Меткаф, — слышал.

Беседа с леди Пибери прошла не совсем так, как он надеялся. Эта дама вовсе не жаждала действовать.

— Продал свой луг каким-то спекулянтам-под-

рядчикам.

— Да, я слышал.

— Странное дело, а я всегда думал, что этот луг ваш.

— Нет, не мой.

— Он всегда шел заодно с домом.

— Знаю, только мне он был ни к чему.

— Ну вот, а теперь все мы попали в переделку. Как вы думаете, они продадут его вам обратно?

— Еще вопрос, хочу ли я его покупать. Они, наверно, запросят за него как за участок под застройку — семьдесят, а то и восемьдесят фунтов за акр.

— Может, и побольше. Но, помилуйте, приятель, неужели это вас остановит! Вы только подумайте: если у вас перед окнами вырастет целый дачный поселок, вашему дому будет грош цена.

— Ну, ну, Ходж, с чего вы взяли, что они понастроят дач?

— Не дачи, так виллы. Уж не собираетесь ли вы стать на сторону этих молодчиков?

— Нет, конечно. Что бы они тут ни построили, нам всем придется несладко. Я уверен, на них можно найти управу. Существует Общество защиты сельской Англии. Им это, наверно, будет

небезразлично. Можно бы подать жалобу в Совет графства. Написать в газеты, обратиться в Отдел надзора за строительством. Главное — нам надо держаться всем заодно.

— Ну да, много от этого будет толку. Забыли, сколько всего сейчас строят в Метбери?

Мистер Меткаф вспомнил и содрогнулся.

— По-моему, это один из тех случаев, когда все решают деньги. Вы не пробовали прощупать леди Пибери?

Впервые за время знакомства мистер Меткаф ясно почувствовал, что полковник Ходж может быть грубоват.

— Пробовал. Она, понятно, весьма озабочена.

— Этот луг всегда назывался «Нижняя Хандра», — сказал полковник, возвратясь к своему прежнему, вдвойне оскорбительному ходу мысли. — Так что, в сущности, это не ее забота.

— Это наша общая забота, — возразил Меткаф.

— Не понимаю, чего вы ждете, скажем, от меня, — сказал полковник Ходж. — Мое положение вам известно. А всему виной наш священник — каждое воскресенье проповедует большевизм.

— Нам надо собраться и все обсудить.

— За этим дело не станет. Ближайшие месяца три у нас только и разговору будет что про это

строительство.

Сильней всего грозная весть расстроила Хорнбимов. Они услыхали ее от поденщицы, которая дважды в неделю приходила из деревни грабить их кладовую. По простоте душевной она думала — все городские джентльмены будут рады, что их полку прибыло; Хорнбима она по-прежнему считала горожанином, несмотря на его бороду и домотканую одежду, и потому с гордостью сообщила ему эту новость: вот, мол, обрадуется.

Обитателей Старой Мельницы объяли тревога и уныние. Здесь не вспыхнул гнев, как в «Усадьбе», никто никого не осуждал, как в «Имении», никто не призывал к действию, как в «Поместье». Здесь воцарилась безысходная печаль. У миссис Хорнбим падали из рук горшки и крынки. Мистер Хорнбим уныло сидел за ткацким станком. То был час, который они обычно посвящали работе — сидели в разных концах бревенчатого сарая и занимались каждый своим ремеслом. В иные дни они напевали друг другу обрывки и припевы народных песен, а тем временем пальцы их хлопотливо мяли глину и направляли челноки. Сегодня они сидели молча и по примеру японских мистиков пытались отогнать новую напасть в небытие. Им это неплохо удалось с полковником

Ходжем и его эрдельтерьером, с войной в Абиссинии и с очередным ежегодным приездом мистера Хорнбима-старшего, однако новая напасть не перешла в небытие даже к заходу солнца.

Миссис Хорнбим подала неприхотливый ужин: молоко, изюм, сырую репу. Мистер Хорнбим отвернулся от своей деревянной тарелки.

— Художнику нет места в нынешнем мире, — сказал он. — Ведь нам только и надо от их бездушной цивилизации, чтобы нас оставили в покое, чтобы был у нас лоскут земли да клочок неба над головой и мы жили бы тихо-мирно и делали бы красивые, радующие глаз вещи. Кажется, нам совсем немного надо. Мы оставляем им и их машинам весь земной шар. Но им все мало. Они гонят нас и травят. Они знают: пока существует хотя бы один-единственный уголок, где живы еще красота и порядочность, это им постоянный укор.

Темнело. Миссис Хорнбим кремнем высекла огонь и зажгла свечи. Потом подошла к арфе, щипнула струны, извлекла несколько щемящих звуков.

— Может быть, мистер Меткаф этому помешает, — сказала она.

— Подумать только, вся наша жизнь зависит от

такого вот вульгарного господина.

Так он был настроен, когда получил приглашение от мистера Меткафа прибыть назавтра днем в «Имение Мачмэлкок» посовещаться с соседями.

Выбор места для этой встречи был задачей весьма тонкой, ибо леди Пибери отнюдь не желала отказаться от главенства в здешнем обществе, но играть первую скрипку именно в этом деле ей вовсе не улыбалось, хотя, с другой стороны, оно слишком задевало ее интересы, и потому просто от него отмахнуться она не могла. Вот почему приглашения рассылал и подписывал мистер Меткаф, но собраться все должны были у нее в малой гостиной — это напоминало совещание министров в королевском дворце.

За день леди Пибери лишь утвердилась в своем мнении, и оно полностью совпало с суждением полковника Ходжа: «Мы попали в беду из-за Меткафа — зачем с самого начала не купил луг, вот пускай теперь и вытаскивает нас всех». И хотя в присутствии Меткафа ничего столь решительного сказано не было, он, конечно же, почувствовал общее настроение. Он приехал последним. Леди Пибери встречала своих гостей весьма прохладно:

— Очень мило, что вы пришли. По-моему, в

этом не было особой необходимости, но мистер Меткаф настаивал. Вероятно, он хочет сообщить нам, что он намерен предпринять.

Самому же Меткафу она только и сказала:

— Мы сгораем от любопытства.

— Извините, что опоздал. Ну и нахлопотался же я сегодня! Побывал у всех здешних властей предержащих, связался со всеми обществами и сразу вам скажу: отсюда помощи ждать нечего. Мы даже не числимся в списках сельских местностей.

— Верно, — сказал полковник Ходж. — Об этом я позаботился. Не то нашей недвижимости было бы полцены.

— Списки — вот чем мы стали, — простонал мистер Хорнбим. — Чтобы жить как хочешь, надо теперь числиться в списках.

— В общем, придется как-то самим выпутываться, — продолжал свою речь мистер Меткаф. — Я так думаю: этому молодому человеку все равно, где строить — в нашей округе или в любой другой. Строительство еще не началось, он пока не связан никакими обязательствами. Мне кажется, если мы тактично предложим выгодные для него условия, чтобы он получил на этом кое-какую прибыль, он, возможно, и согласится перепродать участок.

— Я полагаю, нам следует выразить мистеру Меткафу глубокую благодарность, — сказала леди Пибери.

— Вам ничего не жаль ради общества, — сказал полковник Ходж.

— Прибыль — рак нашей эпохи…

— Я вполне готов взять на себя долю обязательств… — сказал мистер Меткаф. При слове «долю» лица у всех словно окаменели. — Предлагаю создать общий фонд, каждый внесет пропорционально тому количеству земли, которым он сейчас владеет. По моему грубому подсчету выходит так: мистер Хорнбим — одна доля, полковник Ходж — две, я — две и наша любезная хозяйка — пять. Цифры эти можно уточнить, — прибавил он, заметив, как холодно все приняли его слова.

— На меня не рассчитывайте, — сказал полковник Ходж. — Не могу себе этого позволить.

— Я тоже, — сказал мистер Хорнбим.

Леди Пибери оказалась перед трудным выбором. Воспитание не позволяло сказать о весьма существенном обстоятельстве — что мистер Меткаф куда богаче, — воспитание да еще гордость. Луг необходимо спасти, но, если покупать его сообща, ей и вправду неминуемо придется платить большую часть, не то пострадает ее до-

стоинство. А ведь если разобраться, тут не может быть двух мнений: спасти положение — прямой долг Меткафа. Она не стала раскрывать карты и продолжала игру.

— Вы человек деловой, — сказала она, — и, конечно, понимаете, как неудобно совместное владение. Вы что же, предлагаете разделить луг или мы будем вместе платить аренду, десятину и налог? Это все ужасно неудобно. Не знаю даже, допускается ли это по закону.

— Вот именно. Я просто хотел заверить вас, что готов пойти навстречу. А этот луг меня нимало не интересует, уверяю вас. Я охотно его уступлю.

В его словах послышалась угроза, они прозвучали почти невежливо. Полковник Ходж почувствовал, что дело принимает опасный оборот.

— А по-моему, сперва надо узнать, согласен ли этот малый перепродать луг, — вмешался он. — Тогда уж и решайте, кто из вас его возьмет.

— Мы с большим интересом будем ждать, чем кончатся переговоры мистера Меткафа, — сказала леди Пибери.

Зря она так сказала. Уже в следующий миг она бы с радостью взяла свои слова обратно. Ей смутно хотелось сказать что-то неприятное,

отплатить мистеру Меткафу за то, что она очутилась в неловком положении. Она совсем не желала наживать в нем врага, а теперь он ей, конечно, враг.

Мистер Меткаф тотчас откланялся, чуть ли не сбежал и весь вечер был вне себя. Целых пятнадцать лет он был президентом Британской торговой палаты. Все деловые люди в Александрии чрезвычайно его уважали. Никто не мог сказать о нем дурного слова, ведь он безупречно честен. Египетским и левантийским купцам, которые пытались втянуть его в какие-нибудь махинации, он давал самый суровый отпор. Нажимать на него было бесполезно. Такова была его репутация в клубе, а здесь, дома, в деревне, какая-то старуха вздумала застать его врасплох. Вдруг все переменилось. Он уже не тот, кому ничего не жаль ради общества, теперь он будет разговаривать по-другому: карты на стол, выкладывайте, что у вас на уме, ведите себя как положено, не то пожалеете, вот он теперь какой, Меткаф, — разъяренный, свирепый, который и себя не пощадит, лишь бы все было чисто, потопит любой корабль, если на нем есть хоть на грош незаконного товару, Меткаф — знаменитость деловых кругов.

— Зря она так сказала, — заметил полковник

Ходж, сидя за пресквернымобедом у себя дома и рассказывая обо всем жене. — Меткаф теперь пальцем не шевельнет.

— А может быть, ты сам поговоришь с этим, который купил луг? — спросила миссис Ходж.

— Да-а, верно… пожалуй… Знаешь, схожу-ка я прямо сейчас.

И он пошел.

Найти этого человека оказалось нетрудно: в «Гербе Брейкхерста» он был единственным постояльцем. Хозяин гостиницы назвал его фамилию — мистер Харгуд-Худ. Ходж застал его в буфете, тот сидел совсем один, потягивал виски с содовой и усердно решал напечатанный в «Таймс» кроссворд.

— Здрасте, — сказал полковник. — Моя фамилия Ходж.

— Да?

— Вы, верно, знаете, кто я такой?

— Извините, но…

— Я владелец «Усадьбы». Мой парк примыкает к лугу Уэстмейкота, это который вы купили.

— Так его зовут Уэстмейкот? — сказал Харгуд-Худ. — Я не знал. Подробности я предоставил своему поверенному. Сказал ему только, что мне нужно уединенное место для работы. На прошлой

неделе он сообщил, что нашел здесь подходящее местечко. Это и вправду как раз то, что мне нужно. А никаких имен он мне не называл.

— Вы желали поселиться именно в этом краю?

— Нет-нет. Но здесь очаровательно, — учтиво прибавил Худ.

Помолчали.

— Я хотел с вами потолковать, — зачем-то сказал полковник Ходж. — Выпьем по стаканчику.

— Благодарю.

Опять помолчали.

— Боюсь, здесь не очень-то здоровая местность, — сказал полковник. — Участок-то ваш в низине.

— А мне это не важно. Мне нужно только уединение.

— Писатель, а?

— Нет.

— Тогда художник?

— Нет-нет. Меня, скорее, можно назвать ученым.

— Понятно. Построите дом и станете приезжать на субботу-воскресенье?

— Нет-нет, совсем наоборот. Я всю неделю буду работать здесь со своими сотрудниками. И я строю, в сущности, не жилой дом, хотя, конечно,

будет и жилая часть тоже. Раз мы окажемся с вами такими близкими соседями, вы, может быть, хотите посмотреть проекты?..

— ...Ничего подобного я отродясь не видал, — рассказывал на другое утро полковник мистеру Меткафу. — Он называет это «промышленная экспериментальная лаборатория». Две высоченные трубы — это, говорит, так полагается по закону, из-за вредных газов, водонапорная башня, шесть дач для его сотрудников... ужас. И ведь вот что странно — человек-то он вроде приличный. Говорит, ему и в голову не пришло, что кому-то все это помешает. Думал, мы даже заинтересуемся. Я эдак тактично заговорил о перепродаже, ну а он сказал, всем этим занимается его поверенный...

III

«Поместье Мачмэлкок»

Многоуважаемая леди Пибери!

Позвольте поставить Вас в известность, что, согласно нашей беседе три дня назад, я встретился с мистером Харгудом-Худом, купившим луг, который лежит между Вашими и моими владениями, и с его поверенным. Как Вам уже сообщил полковник Ходж, мистер Харгуд-Худ намерен

построить экспериментально-промышленную лабораторию, губительную для прелестей нашей сельской природы. Как Вы, без сомнения, знаете, работы еще не начаты, и мистер Харгуд-Худ согласен перепродать свою собственность, если должным образом будут возмещены все его затраты. В запрошенную им цену входят стоимость перепродаваемого участка, издержки на оформление сделки и плата за архитектурный проект. Этот мерзавец загнал нас в тупик. Он требует пятьсот фунтов. Цена непомерно высока, но я готов заплатить половину при условии, что вторую половину заплатите Вы. В случае если Вы не согласитесь на это великодушное предложение, я постараюсь оградить мои собственные интересы, не считаясь с интересами округи.

Искренне Ваш
Беверли Меткаф.

P. S. Я хочу сказать, что продам «Поместье» и пущу землю под строительные участки.

«Имение Мачмэлкок»

Леди Пибери имеет честь сообщить мистеру Меткафу, что получила сегодняшнюю его записку, тон которой совершенно необъясним. Кроме того, извещаю, что не имею желания

увеличивать свои и без того значительные обязательства перед округой. Леди Пибери не может согласиться на совместное с мистером Меткафом владение лугом, поскольку у него значительно меньше земли и, следовательно, меньше забот, а вышеозначенный луг должен по справедливости стать частью Ваших владений. Леди Пибери полагает также, что, если лаборатория мистера Харгуда-Худа будет и в самом деле так уродлива, в чем я сомневаюсь, мистеру Меткафу вряд ли удастся осуществить свой план и превратить свой сад в участок под застройку жилыми домами.

— Ну и черт с ней, — сказал мистер Меткаф, — ничего не поделаешь.

IV

Прошло десять дней. Прелестная долина, которую скоро должны были обезобразить, сверкала под солнцем во всем своем очаровании. Пройдет год, думал Меткаф, и свежая зеленая листва покроется сажей, зачахнет из-за вредных газов; неяркие крыши и трубы, которые вот уже двести лет, а то и больше служат украшением здешнего пейзажа, будут заслонены индустриальными

уродами из стали, стекла и бетона. На обреченном лугу мистер Уэстмейкот чуть ли не в последний раз созывал своих коров; на следующей неделе начнется строительство, и ему придется искать новые пастбища. Да и мистеру Меткафу тоже, фигурально выражаясь. Его письменный стол уже завален объявлениями агентов по продаже недвижимости. И все из-за каких-то жалких пятисот фунтов, сказал он себе. И ведь придется все заново отделывать, потом стоимость переезда и связанные с ним потери. Строителей-спекулянтов, к которым он со зла обратился, его участок не заинтересовал. При переезде он потеряет, конечно, куда больше пятисот фунтов. Но и леди Пибери тоже, угрюмо заверил он себя. Пусть знает: Беверли Меткафа голыми руками не возьмешь.

А леди Пибери, на противоположном склоне, тоже с грустью обозревала окрестности. Густые и длинные тени кедров пересекли газон; за долгие годы, что она прожила в этом имении, кедры почти не изменились, а вот живую изгородь из самшита она сажала сама, и пруд с кувшинками тоже она придумала и украсила его свинцовыми фламинго; у западной стены она насыпала груду камней и посадила на них альпийские цветы и

травы; цветущий кустарник тоже посажен ею. Все это не увезешь на новое место. И где оно, ее новое место? Она слишком стара, ей поздно разбивать новый сад, заводить новых друзей. Как многие ее сверстницы, она станет переезжать из гостиницы в гостиницу, в Англии и за границей, немного поплавает на пароходе, нежеланной гостьей будет подолгу жить у родных. И все из-за двухсот пятидесяти фунтов, из-за двенадцати фунтов десяти шиллингов в год — на благотворительность она и то жертвует больше. Но суть не в деньгах, суть в Принципе. Она не хочет мириться со Злом, с этим дурно воспитанным господином, что живет на холме напротив.

Вечер был великолепный, но Мачмэлкоком завладела печаль. Хорнбимы совсем загрустили и пали духом, полковник Ходж не находил себе места, мерил шагами потертый ковер своего кабинета.

— Тут недолго и большевиком заделаться, не хуже этого священника, — сказал он. — Меткафу что? Он богач. Куда захочет, туда и махнет. И леди Пибери что? А страдает всегда маленький человек, кто еле сводит концы с концами.

Даже мистер Харгуд-Худ и тот, кажется, приуныл. К нему приехал его поверенный, и весь

день они то и дело тревожно совещались.

— Пожалуй, мне надо пойти и еще раз поговорить с этим полковником, — сказал Харгуд-Худ и в сгущающихся сумерках зашагал по деревенской улице к дому Ходжа.

Эта-то героическая попытка достичь полюбовного соглашения и породила миротворческий план Ходжа.

V

— ...Скаутам позарез нужно новое помещение, — сказал полковник Ходж.

— Меня это не касается, — сказал мистер Меткаф. — Я уезжаю из этих краев.

— Я подумал, может, поставить им домик на лугу Уэстмейкота, место самое подходящее, — сказал полковник Ходж.

И все устроилось. Мистер Хорнбим дал фунт, полковник Ходж — гинею, леди Пибери двести пятьдесят фунтов. Распродажа на благотворительном базаре, никому не нужное чаепитие, вещевая лотерея и обход домов дали еще тридцать шиллингов. Остальное нашлось у мистера Меткафа. В общей сложности он выложил немногим больше пятисот фунтов. И сделал это с легким сердцем. Ведь теперь уже не было речи, что его

обманом втягивают в невыгодную сделку. А ролью щедрого благотворителя он просто упивался, и, когда леди Пибери предложила, чтобы луг оставили под палаточный лагерь и дом пока не строили, не кто иной, как мистер Меткаф, настоял на строительстве и пообещал отдать на это черепицу с разобранной крыши амбара. При таких обстоятельствах леди Пибери не могла возражать, когда дом назвали «Зал Меткаф — Пибери». Название это воодушевило мистера Меткафа, и скоро он уже вел переговоры с пивоварней о переименовании «Герба Брейкхерста». Правда, Боггит по-прежнему называет гостиницу «Брейкхерст», но новое название красуется на вывеске, и все могут его прочесть: «Герб Меткафа».

Так мистер Харгуд-Худ исчез из истории Мачмэлкока. Вместе со своим поверенным он укатил к себе домой за холмы, за горы. Поверенный приходился ему родным братом.

— Мы висели на волоске, Джок. Я уж думал, на этот раз мы погорим.

Они подъезжали к дому Харгуда-Худа, к двойному четырехугольнику блеклого кирпича, что славился далеко за пределами графства. В дни, когда в парк пускали публику, неслыханное множество народу приходило полюбоваться

тисами и самшитами, на редкость крупными и прихотливо подстриженными, за которыми с утра до ночи ухаживали три садовника. Предки Харгуда-Худа построили дом и насадили парк в счастливые времена, когда еще не было налога на недвижимость и Англия не ввозила зерно. Более суровое время потребовало более энергичных усилий, чтобы все это сохранить.

— Что ж, этого хватит на самые первоочередные расходы, и еще останется немного — можно будет почистить рыбные пруды. Но месяц выдался беспокойный. Не хотел бы я опять попасть в такую переделку, Джок. В следующий раз придется быть осмотрительней. Может, двинем на восток?

Братья достали подробную карту Норфолка, разложили ее на столе в главной зале и принялись загодя со знанием дела подыскивать какую-нибудь очаровательную, не тронутую цивилизацией деревушку.

Перевод Р. Облонской

Родственная душа

Как только мистер Джеймс закрыл за собой боковую дверь, из всех окон его дома понеслась музыка. Агнесса на кухне настраивала радио на одну волну, жена, когда мыла голову в ванной, — на другую.

Состязающиеся программы сопровождали его до гаража и дальше в дороге.

До станции было двенадцать миль езды, и на протяжении пяти из них он пребывал в мрачном расположении духа.

В отношении большинства вещей — даже, можно сказать, в отношении всех вещей — он был человек мягкий, за одним исключением: он ненавидел радио.

Оно не просто не доставляло ему удовольствия, а причиняло жестокую боль, и с годами он додумался до того, что будто бы это изобретение было направлено конкретно против него, что будто бы это его враги сговорились расшатать и разрушить все то, на чем держалась безмятежность последних лет его жизни.

Он был далеко не старик — ему шел всего лишь

шестой десяток, службу он оставил молодым, почти сразу, как только небольшое наследство сделало это возможным. Больше всего на свете он любил покой.

Миссис Джеймс не разделяла этого пристрастия.

И вот они поселились в маленьком сельском домике в двенадцати милях от пристойного кинотеатра.

Радио было для миссис Джеймс связующим звеном с чистыми тротуарами и сияющими витринами магазинов, заменяло общение с миллионами родственных душ.

Мистер Джеймс тоже рассматривал его в этом свете. Оно олицетворяло именно то, что ему больше всего претило, — посягательство на его частную жизнь, на его личное пространство. Он вынашивал в себе растущее отвращение к вульгарности женской половины человечества.

И в этом самом расположении духа он обратил внимание на дородного мужчину примерно одного с ним возраста, голосовавшего ему с обочины. Он притормозил.

— Простите, вы случаем не на вокзал?

Мужчина говорил вежливо, тихо, довольно меланхоличным тоном.

— На вокзал, надо забрать посылку. Садитесь.

— Вы очень добры.

Мужчина уселся рядом с мистером Джеймсом. Башмаки его были в пыли, и он так тяжело откинулся на спинку сиденья, будто проделал долгий путь и страшно устал.

У него были большие корявые руки, коротко стриженные седые волосы, костлявое, довольно унылое лицо.

Примерно с милю он ехал молча. Потом вдруг спросил:

— У вас в машине есть приемник?

— Нет, конечно.

— А для чего эта кнопка? — Он принялся изучать приборную панель. — А эта?

— Одна стартер. Другая — вроде бы прикуриватель для сигарет. Она не работает. И если вы остановили меня в надежде послушать приемник, — добавил он резко, — я лишь могу предложить вам выйти и попытать счастья у кого-нибудь другого.

— Упаси бог, — сказал пассажир. — Терпеть не могу эту штуку.

— Я тоже.

— Вы один на миллион, сэр. Могу считать, я удостоился высокой чести, познакомившись с вами.

— Благодарю. Свинское изобретение.

Глаза пассажира засветились страстной симпатией.

— Хуже. Дьявольское.

— Воистину.

— Буквально дьявольское. Оно запущено сюда дьяволом, чтобы нас погубить. Вы знаете, что оно распространяет самые страшные болезни?

— Не знаю. Но готов этому поверить.

— Оно вызывает рак, туберкулез, детский паралич и обычную простуду. Я это доказал.

— Головной боли от него точно хватает, — добавил мистер Джеймс.

— Ни один человек в мире не страдал более изматывающими головными болями, чем я. Меня пытались убить головной болью. Но не на того напали! Вы в курсе, что Би-би-си имеет собственную тайную полицию, собственную тюрьму и собственные пыточные камеры?

— Давно подозревал.

— А я знаю. Имел с ними дело. И вот час отмщения настал.

Мистер Джеймс бросил опасливый взгляд на своего пассажира и поддал газу.

— У меня есть план, — продолжал здоровяк. — Я еду в Лондон, чтобы привести его в исполнение.

Собираюсь убить генерального директора. Я их всех убью!

Дальше они ехали молча. Впереди показались городские окраины, и тут с ними поравнялась более солидная машина с девушкой за рулем и промчалась мимо. Из нее отчетливо доносились звуки джаза. Бугай выпрямился на сиденье и напрягся, как пойнтер.

— Слышите? — спросил он. — У нее в машине радио. Быстро за ней!

— Нехорошо, — сказал мистер Джеймс. — Нам за ней не угнаться.

— Можем попытаться. И попытаемся, если вы… — добавил он с новыми, более зловещими нотками в голосе, — если вы не хотите…

Мистер Джеймс прибавил скорость. Но большая машина почти исчезла из виду.

— Когда-то со мной сыграли злую шутку, — сказал пассажир. — Би-би-си послало одного из своих шпиков. Он был очень похож на вас. Прикинулся одним из моих последователей, пообещал провести меня в кабинет генерального директора. А сам отвел в тюрьму. Теперь я знаю, что делать со шпиками. Я их убиваю. — И он наклонился к мистеру Джеймсу.

— Уверяю вас, милейший, вы не имеете сторон-

ника вернее, чем я. Все дело в машинах. На моей ее не обгонишь. Но мы непременно отыщем ее на вокзале.

— Увидим. А если нет, я знаю, кого и как отблагодарить.

Они въехали в город и направились к вокзалу. Мистер Джеймс отчаянно ловил взгляд постового, но тот небрежным взмахом руки велел ему продолжать движение. На привокзальной площади пассажир внимательно осмотрел территорию.

— Не вижу я той машины, — сказал он.

Мистер Джеймс на секунду замешкался со стопором дверной ручки и наконец вывалился из машины.

— На помощь! — кричал он. — На помощь! Здесь сумасшедший!

С диким злобным воплем пассажир ловко обошел машину спереди и навалился на него. В этот момент из дверей вокзала вышли трое мужчин в форме. После короткой потасовки они связали безумца со знанием дела.

— Мы так и знали, что он будет пробираться на станцию, — сказали они. — Должно быть, увлекательное было у вас путешествие, сэр.

Мистер Джеймс едва мог говорить.

— Радио, — еле слышно пробормотал он.

— Ха! То есть он разговаривал с вами о радио? Тогда вам очень повезло, раз вы добрались сюда и сообщили нам. Это у него пунктик такой. Надеюсь, вы ему не возражали?

— Нет, — ответил мистер Джеймс. — По крайней мере, не сразу.

— Что ж, вам больше повезло, чем некоторым. Ему ни в чем нельзя перечить, особенно по поводу радио. Звереет страшно. Да что там, он, когда в последний раз сбежал, двоих убил, а третьего покалечил. И спасибо вам огромное за то, что вы его так любезно сюда привезли, сэр. Мы должны доставить его домой.

Домой. Мистер Джеймс покатил назад знакомой дорогой.

— Надо же, как быстро ты обернулся, — сказала его жена, когда он вошел в дом. — А посылка где?

— По-моему… должно быть, я ее забыл.

— Как это на тебя не похоже! Что-то ты плохо выглядишь, не заболел? Пойду попрошу Агнессу выключить радио. Она не слышала, как ты вошел.

— Нет, — проговорил мистер Джеймс, тяжело опускаясь в кресло. — Не надо его выключать. С ним хорошо, уютно.

Перевод Л. Житковой

Ювенилия

Проклятье лошадиных скачек
Глава I

Пари

— Ставлю пятьсот фунтов на то, что выиграю.

Предложил это Руперт — мужчина лет двадцати пяти, абладатель темных густых усоф и сверкающих глаз.

— Не хотелось бы через чур уж полагаться на твою лошадь, — сказал Том, у которого не было достаточно денег, чтобы поддержать ставку.

Гонка должна была начаться в десять часов следующим утром.

Глава II

На следующее утро Том занял свое место на трибуне, в то время как Руперт запрыгнул на Салли (так звали его лошадь) и стал ждать пистолетного выстрела, возвещающего о старте.

Заезд закончился очень быстро, и Руперт проиграл. Что он натворил? Как он мог вообще сделать это?

«Да, я убью его ночью», — подумал он.

Глава III

Пламя

Руперт крался бисшумно, но, когда он вытащил свой клинок, тот тихо лязнул, это разбудило Тома, он зажег свечу и уронил ее как раз в тот момент, когда Руперт нонес удар.

Свеча осветила комнату, Руперт, пытаясь убежать, упал на кровать, Том устримился к двери и столкнулся с пелицейским, который явился посмотреть, в чем дело, и началась паника.

Глава IV

Абьеснение

В то время как Том и пелицейский вышли через дверь Руперт преминил совершенно иной метад — он вытощил мотрас из кровати и швырнул его в окно, после чего, выпрыгнув, он приземлился в целости и сохранности на мотрас и изо всех силенок пустился на утек. Оставим теперь Руперта и вернемся к Тому и пелицейскому. Как только

они выбрались, Том поведал пелицейскому, что случилось.

Глава V

По горячим следам

— Смотрите, вот он! — сказал Том.

— Мы должны проследить за ним и отправить его в тюрягу, — сказал пелицейский.

Нет времени на споры, сказал Том. Давай, по коням, сказал пелицейский, так что они оба вскачили на лошадей и голопом поскакали туда, куда, как они видели, направлялся Руперт.

Они все ехали и ехали, пока не аказались лицом к лицу друг с другом. Пелицейский соскочил со своей лошади только затем, чтобы Руперт ударил его ножом в сердце, а после Том спрыгнул на землю и нонес Руперту сильную пащечину.

Глава VI

Смертельная битва

Руперта это настолько збесило, что он закричал и ринулся вперед, но Том был через чур праворен

для него. Искустно увернувшись от меча, Том обрушил свой собственный клинок на другую щеку Руперта.

В этот самый момент Руперт жестоко зарубил лошадь пелицейского, затем запрыгнул на лошадь Тома и голопом ускакал.

Глава VII

Тоинственный человек

Раз умеется, догнать его пешком не было никаких шансов, поэтому Том отправился в ближайшую гостиницу, чтобы переночевать, но там было пално народу, и ему пришлось делить комнату с другим постояльцем.

Не смотря на сильную усталость, Том не мог заснуть. В его соседе было что-то такое, что ему не нравилось. Он смутно напоминал ему кого-то, но он немог понять кого. Незапно он ощутил какое-то движение и подняв глаза, увидел полностью одетого мужчину, только что вставшего с кровати.

Глава VIII

Бегство за три девять земель

Теперь Том смог увидеть, что тоинственным человеком был Руперт. Он пришел, чтобы совершить убийство? Или же он просто хотел пере ночевать?

Пока эти мысли раились в голове Тома, он лежал ниподвижно, гадая, что сделает Руперт в первую очередь. Тот аткрыл шкаф и дастал небольшой соквояж. Из него он извлек предмет, при виде которого крофь застыла у Тома в жилах. Это был писталет. Том выскочил из кровати, прыгнул и хорошенько вмазал Руперту, апракидывая его на землю. Затем он схватил с пола какую-то рубаху и спелинал ею Руперта по рукам и ногам.

Глава IX

Повешенный

Затем Том аделся и атвел Руперта в пулицейский участок. Руперта повесили за убийство пулисмена. Я надеюсь, что эта история паслужит вам уроком и вы никагда не будите бица об заклад.

Перевод Е. Калявиной

Признание Фидона
Глава I

Часы на старой башне пробили полночь, а двое мужчин все еще продолжали играть. Ральфи, старший сын Джеральда Кантонвилла, влез в долги к злодею-ростовщику и от отчаяния начал играть в азартные игры, изо всех сил стараясь «сорвать куш». Но все напрасно. Они играли, и Бэйкроу вновь победил. Неожиданно дверь открылась, и вошел девятнадцатилетний юноша, только-только окончивший государственную школу, забрав с собой почти все спортивные кубки. Он, конечно, не был шибко умным, потому что он никогда не поднимался выше верхней пятерки.

— Здоров! Раз Ральфи все еще играет, я должен присоединиться.

Но старший брат резко поднял голову.

— Марш спать, молодой человек, — прорычал он и вернулся к игре.

Том Кантонвилл пожал плечами и вышел с отчаянием в сердце.

Бэйкроу на цыпочках спустился по лестнице и

открыл окно, в которое ворвался холодный порыв ветра. Он тихо свистнул, и на мгновение на синем фоне снаружи мелькнула темная фигура. Затем раздался глухой стук и предостерегающий шепот. Затем все стихло. Двое мужчин, Бэйкроу и Фидон, поднялись по лестнице и, открыв дверь в комнату мистера Кантонвилла, включили свет. Старик перевернулся на другой бок, но очнулся и приподнялся только для того, чтобы обнаружить, что на него направлено дуло револьвера «кольт».

— Только пикни — и ты труп, — прошептал Брэйкоу.

— Кто вы? — промямлил в ужасе мужчина.

— Ты прекрасно знаешь! У тебя не такая плохая память, как может показаться. Не думаю, что ты позабыл некое ограбление банка, в котором фигурировал некий Каргон. Разве не помнишь, что он сказал, когда вы его обнаружили, а? Что-то насчет мести? Так вот я — это он! И это… — Фидон на мгновение замолчал, а Бэйкроу, подняв нож, глубоко вонзил его. Наступила мертвая тишина. — Это, — продолжал Фидон. — наша месть.

Глава II

В половине девятого мистер Кантонвилл все еще не появился. Все начали нервничать, ведь он всегда был пунктуален. Том пошел посмотреть, что там случилось. Через минуту он, шатаясь, вернулся назад. Его губы стали совсем белыми. Положив руку на лоб, он упал в кресло и лежал, будто мертвый. Дыхание его было коротким и прерывистым. Ральфи бросился к бару и вернулся со стаканом бренди. Том выпил его и обмяк.

— Он мертв, — сказал он. — У него вся грудь в крови.

Миссис Кантонвилл ринулась в комнату. За ней последовали все остальные. Мистер Кантонвилл лежал там с воткнутым в грудь ножом.

— Нам стоит оставить все как есть для детективов, — посоветовал Ральфи Тому, который был уже у телефона.

Через десять минут на подъездной дорожке появилась машина, из которой вышел детектив. Бэйкроу все это время сидел за завтраком и попыхивал сигарой, однако теперь он последовал за детективом к месту преступления. Детектив наклонился над телом и вытащил нож. Это был

индийский нож, принадлежавший Ральфи, который он, однако, отдал Бэйкроу в качестве залога, так как не мог покрыть свой долг за игру.

— Но как же это? — разрыдалась его сестра Барбароуз. — Это же нож Ральфи!

Детектив повернулся к Ральфи.

— Вы можете это объяснить? — требовательно спросил он.

— Думаю, что я смогу, — сказал Бэйкроу, выступая вперед. — Он по уши увяз в долгах и являлся наследником всего имущества и денег своего отца.

— Ты подонок! — взревел Ральфи, рванувшись вперед, но был остановлен револьвером, который направил на него детектив.

— Мистер Ральфи Кантонвилл, — жестко сказал он. — Оправдываться будете в суде, а пока вы находитесь под арестом.

Том закрыл лицо руками. Он услышал щелчок и увидел Ральфи в наручниках. Он повернулся, сбежал вниз по лестнице и, закрыв лицо руками, зарыдал, словно дитя. Внезапно дверь распахнулась, и вошел Бэйкроу с циничной улыбкой на губах, Том вскочил на ноги, его глаза сверкали.

— Довольно неудачно получилось с твоим братом, м-да-а? — протянул Бэйкроу.

Ответом Тома стал резкий взмах кулака. Бэйкроу, который не был крупным мужчиной, отшатнулся, закрыл руками лицо и рухнул на пол. Том развернулся на каблуках и вышел из комнаты, оставив Бэйкроу валяться на полу со сломанным носом.

Глава III

Как бы жизнь ни обошлась с Фидоном, он не был последним негодяем и, услышав об аресте Ральфа, тут же решил дать показания фараонам. Поэтому в половине шестого вечера в дверь постучали, и чисто выбритый человек вошел в просторный зал Кантонвилл-Чейз. Его проводили в гостиную, где он обнаружил Тома, который пытался сосредоточиться на чтении. Фидон быстро перешел к делу и все рассказал. Том в волнении принес бумагу и ручку, и признание было записано. Неожиданно раздался звук разбитого стекла и послышался крик Фидона. В комнату ворвалась тщедушная фигура, бросила что-то на землю, и вся комната наполнилась дымом. Том, пошатываясь, подошел к окну и распахнул его, впустив прохладный ночной воздух. Когда дым рассеялся, он увидел, что Фидон лежит на полу с пулей в

голове, а драгоценное признание исчезло. Затем он услышал урчание двигателя автомобиля снаружи и бросился следом — только для того, чтобы увидеть, как Бэйкроу исчезает внутри. Он схватил свой велосипед и через секунду бросился за ним. Они все продолжали и продолжали безумную погоню, от итога которой зависела человеческая жизнь. Том вытащил свой револьвер «браунинг» и выстрелил в темноту впереди. Он выстрелил вновь и увидел, как навстречу из машины вылетела струя пламени. Он поджег бензин! Машина накренилась и вильнула. Из нее выпрыгнула темная фигура. Том соскочил с велосипеда и ухватил Бэйкроу за куртку. Извернувшись, Бэйкроу исчез, оставив в руках Тома свое пальто. Но Том сумел разглядеть в свете пылающей машины нечто, что заставило его сердце сделать кульбит от радости, — из кармана пальто торчало признание. Ральф был спасен!

Глава IV

Свет хлынул в окно, и Том сел. Первое, что он сделал, — пощупал под подушкой, и вздох облегчения сорвался с его губ, когда он обнаружил бумагу. Но завтра он должен был явиться на суд, и

ему предстоял долгий путь. Он посмотрел на часы — было десять, через двадцать четыре часа должно было состояться судебное разбирательство. Он оделся, наскоро перекусил и поспешил на станцию, где его ждал поезд. Пять минут спустя поезд тронулся и как раз набирал скорость, когда бородатый джентльмен взбежал на платформу и прыгнул на поезд. С ловкостью, не свойственной его годам, он вскочил на подножку и подошел к окну, где сидел Том. Извинившись за свое необычное появление, он устроился поудобнее и, судя по всему, уснул. Том оглядел его с ног до головы и заметил, что у него сломан нос. Он начал что-то подозревать. Он просунул руку за затылок пассажира, потянул за прядь волос и увидел, что это парик. Тогда он бросился вперед и схватил бороду, та оказалась у него в руке, явив взору Бэйкроу, который в свою очередь накинулся на него. Эти двое отчаянно боролись в течение некоторого времени, затем, когда они очутились у двери, та распахнулась, и они вывалились на насыпь, по которой катились до самого подножия. Том потерял сознание.

Когда он пришел в себя, было темно, он нащупал в кармане зажигалку и щелкнул ею. Он зацепился за косо растущий куст. Бэйкроу тоже

был обнаружен в кустах, но его шея была сломана, он был мертв. Том содрогнулся. Но его беспокоили иные мысли, помимо тяжести судьбы убийцы. Через несколько часов его брата будут судить, и он должен быть там с признанием. Он огляделся и увидел, что единственный возможный путь к бегству — это очень опасный и почти невозможный подъем. Но он знал, что если он хочет спасти своего брата, то должен действовать, и действовать осторожно. Он медленно встал на ноги, затем нащупал камень над собой и схватился за него, медленно подтянулся, а затем обнаружил, что заглядывает в пещеру. Он вспомнил, что это была пещера контрабандистов, ход из которой вел к старой гостинице. Том поднялся по нему, через люк выбрался во двор гостиницы, а затем начал гонку со временем. Он добежал до станции как раз в тот момент, когда поезд трогался, и запрыгнул на подножку паровоза.

— Не хотите заработать пятифунтовую банкноту и спасти человеческую жизнь? — выкрикнул он.

Машинист выглядел изумленным.

— Тогда доберитесь до Шерборо раньше десяти! Вот и все.

Машинист открыл дроссель двигателя, и поезд

помчался вперед, в ночь.

Глава V

Пробило девять часов, Ральфи беспокойно расхаживал по камере. Он приложил руку к своей горячей голове. Может ли это быть правдой? Или это был всего лишь ужасный кошмар? Он упал на жесткую скамью. Что, если суд действительно признает его виновным? Его ждет виселица… Он содрогнулся. В его камере было лишь одно окно с маленькой решеткой, из-за которой он не мог сбежать.

Ральф вцепился в перила заграждения для подсудимых, пока на трибуну один за другим поднимались свидетели, а затем внезапно в зал суда, пошатываясь, вошел молодой человек с расстегнутым воротником, галстуком с болтающимися концами и окровавленным лицом. На его голове была повязка. Это был Том. Излишне описывать все это слушание. Пусть будет сказано только, что появление Тома спасло Ральфа, который был оправдан и обелил свое имя. Теперь у него красивая жена и двое детей, и часто осенними вечерами они сидят у камина, не уставая слушать об отцовских мытарствах и приключениях его

брата, который участвовал в гонке со временем, чтобы привезти признание Фидона.

Конец

Перевод Е. Калявиной

Multa Pecunia[118]
Глава I

Сэр Альфред Джеймс, известный коллекционер книг, однажды случайно наткнулся на старый фолиант с любопытным названием «Multa Pecunia», в котором говорилось, что под его домом есть пещера, где находятся несметные богатства. Он больше не утруждал себя чтением, поскольку уже слышал эту историю раньше и не верил ей.

Когда Том, являвшийся сыном сэра Альфреда, приезжал домой, все слуги относились к нему с огромным уважением, и поэтому ему разрешалось заходить во все уголки дома. Однажды он был в маленькой убогой комнате, когда увидел это вырезанное название «Multa Pecunia». Некоторое время он разглядывал резьбу, как вдруг вспомнил, что видел в библиотеке книгу с таким же названием. Он тут же побежал в библиотеку и достал каталог. Там он увидел эти слова: «Multa Pecunia, полка 7, место 13». Он сразу же устремился к седьмой полке, но тринадцатое место было пусто!

---

[118] Notes: 118
Много денег *(лат.)*.

Глава II

Что бы это могло значить? Почему исчезла книга? Он был совершенно сбит с толку.

— Скачущие пугала! — воскликнул наконец Том. — Я должен рассказать батюшке.

Он вышел из комнаты с намерением рассказать отцу о таинственном исчезновении старого тома. Возможно, он был у его отца, или — слышите? Что это за звук? Было слышно шуршание жесткой бумаги. Теперь Том был совсем близко к комнате Смита — дворецкого. Дверь была открыта, и он заглянул внутрь. Там он увидел, как дворецкий склонился над старым томом, глубоко погруженный в свои мысли. Внезапно Смит встал и крадучись направился к двери. Затем он пошел в направлении комнаты с резьбой. Добравшись туда, он нажал букву «U», и сразу же открылась маленькая потайная дверца размером примерно семнадцать на тринадцать дюймов. В нее-то и прокрался Смит, а Том последовал за ним. Они прокрались по коридору и остановились перед большой гранитной дверью.

— Смит! Что это значит? — воскликнул Том, берясь рукой за воротник Смита.

Увидев Тома, Смит был ошеломлен; на самом деле он просто потерял голову и схватил Тома за горло. Завязалась потрясающая битва, в которой Том, обладая познаниями в боксе, нанес Смиту удар «снизу вверх», который его изрядно ошеломил. Но в конце концов преимущество в весе победило, и Том упал без чувств на землю; однако Смит был не из тех, кто оставил бы его там, он поднял Тома по ступенькам и положил у двери библиотеки, затем закрыл дверь секретной пещеры, и, поставив старый том обратно на полку, где он его нашел, он вернулся в постель.

Сэр Альфред широкими шагами шел по коридору в библиотеку и вдруг остановился в крайнем изумлении.

— Том! — ахнул он, увидев бледное лицо мальчика.

Глава III

Когда Том пришел в сознание, он обнаружил, что лежит на мягкой перине, а у его постели дежурит сиделка.

— А! Отлично, он пришел в себя, — прошептала она.

— Почему Смит напал на меня? — слабым голо-

сом спросил Том.

— Он в бреду, — сказала медсестра, поворачиваясь к доктору. — Еще бы, после такого падения, бедный мальчик!

Поскольку библиотека находилась у подножия лестницы, сэр Альфред и медсестра, естественно, подумали, что он упал с нее.

Прошло много времени, и Тому не разрешали ни с кем видеться, так как у него было сотрясение мозга. Наконец ему разрешили с кем-нибудь повидаться, и сиделка спросила его, кого бы он выбрал в качестве своего первого посетителя.

— Смита, — последовал ответ.

Вошел Смит, очень смущенный.

— Зачем ты швырнул меня на этот камень? — требовательно спросил Том.

Глава IV

Как оказалось, Смит был не просто дворецким. На самом деле он был профессиональным вором и поэтому очень быстро придумал, что ответить. Повернувшись к сиделке, он сказал:

— Пойду-ка я, пожалуй, потому что волнение от встречи с кем-либо после такого долгого молчания немного помутило его рассудок. — С этими

словами он вышел из комнаты.

Том был вполне здоров и мог бегать по дому, поэтому он решил повидаться со Смитом. Смита не было в его комнате, поэтому Том подумал, что он пойдет в потайную пещеру. Он подошел к старой резьбе, нажал букву «U», и тут же открылась та же дверь. Он пошел по коридору. Внезапно он замер, заслышав приближающиеся шаги. Том присел на корточки и выжидал, готовый к прыжку. Шаги раздавались все ближе и ближе. Том чувствовал, как его сердце колотится о ребра. Неожиданно выскочив из-за угла, он получил преимущество, и в одну минуту застигнутый врасплох Смит был без чувств брошен на землю. Вставая, Том увидел кусок старого пергамента, открыл его, и вот что он прочел:

«Я, Уилфред Джеймс, украл эти ценности у королевы Елизаветы. Я не мог хранить тайну, поэтому я доверился сэру Уолтеру Рейли, который дал наводку об этом великому государственному деятелю Бэкону, и тот рассказал королеве Елизавете. Отряд солдат будет здесь через час, и если они найдут драгоценности, я буду заключен в Тауэр…»

На этом письмо заканчивалось, и Том стал искать драгоценности. Он нашел их в кармане

Смита. Затем, положив Смита на кровать, он пошел в кабинет своего отца и рассказал сэру Альфреду обо всем, что было написано на пергаменте, и показал ему драгоценности.

На следующий день сэр Альфред выставил Смита на улицу, а день спустя он был признан худшим вором, который когда-либо попадался Скотленд-Ярду, арестован и отправлен в Дартмурскую тюрьму.

Конец

Перевод Е. Калявиной

Отрывок из романа

Мне самому, Ивлину Артуру Сент-Джону Во, участию которого и поддержке обязана своим существованием эта книга, посвящается

Посвящение

Мой дорогой Ивлин,

многое было написано и сказано о судьбе мальчика с литературными устремлениями, выросшего в мещанской семье. Но мало что может достоверно передать его трудности, когда окружение, которое он знал с детства, полностью состояло из любителей литературы. Именно благодаря победе над этими трудностями эта книга главным образом достойна внимания, если вообще достойна.

Многие из твоих родственников и большинство друзей твоего отца более или менее непосредственно интересуются книгами и печатными изданиями. С тех пор как ты впервые покинул детскую, чтобы присоединиться к родителям за трапезой, разговоры, ненасытным слушателем

коих ты стал, велись о книгах, их авторах и издателях. С тех пор как сонному, но торжествующему эмансипированному школьнику разрешили сидеть с нашими стариками в «книжной комнате» после ужина, те немногие разговоры, что ты слышал, были о книгах. Твой дом всегда был полон ими. Казалось, все новинки, обладавшие теми или иными достоинствами, а по большей части не обладавшие ими вовсе, так или иначе находили свое место в книжных шкафах на длинных, плотно уставленных полках, и теперь ты, в свою очередь, готов добавить еще одну в вечный костер эфемерного.

И все это обернется против тебя. «Очередной не по годам развитый Во, — скажут они, — еще один детский роман». Да будет так. В первом произведении всегда есть определенная романтика, по крайней мере для автора, которую ни один рецензент не может полностью разрушить. Удачи! У тебя все еще есть большие надежды и большие амбиции, и тебя еще не перемололи жернова профессионализма. Возможно, скоро ты присоединишься к «мастерам слова», которые борются друг с другом за гонорары и контракты, а пока ты еще очень молод.

Твой Ивлин

I

Питер Одли проснулся от «второго звонка», уныло огласившего галереи, и, перевернувшись в постели, посмотрел на часы. Успокоенный тем, что у него есть еще пять минут, прежде чем ему нужно будет вставать, он натянул плед на плечи и лег на спину, удовлетворенно разглядывая уже пробудившуюся спальню. Шорох, с которым одевались другие, успокаивал, убаюкивал. Плеск душа по соседству, звон грубой керамики и приглушенные препирательства на их на фоне подчеркивали удовольствие последних минут.

Начальная школа в Селчерче работала практически круглый год, что придавало определенную величавость унынию этих ранних утренников. Питер, однако, получил некоторые привилегии, которые избавляли его от самого болезненного укуса безумной пунктуальности и позволяли ему, отчитавшись перед классным руководителем, отсиживаться в своей студии за работой.

Тяжело вздохнув, он встал с кровати и пошел умываться. Душевые выглядели на редкость непривлекательно, вода в умывальниках была холодна как лед — печи в марте 1918 года не разжигали до полудня, — и с усиливающейся

мрачностью он вернулся, дрожа и наполовину высохший, в спальню. Какой-то безумец открыл одно из высоких готических окон, и по комнате пронесся холодный порыв ветра. Раздался хор протестующих голосов, и окно было закрыто. Скучая, Питер оделся и, выйдя из общежития в начале восьмого, пересек двор, чтобы «отчитаться». Несколько учеников, нагруженных книгами, бросились мимо него, отчаянно пытаясь избежать внимания со стороны префекта, «отмечающего опоздания». Классный руководитель кивнул Питеру, и тот, повернувшись на каблуках, направился к себе в студию. Гравий потемнел от дождя, небо угрожало чудовищными, грубо обтесанными облаками. Повсюду расстилался тонкий влажный туман.

Ручка двери его студии была холодна. Он вошел, пнул дверь ногой и упал в мягкое кресло, оглядывая крошечную комнату. Тут было довольно уютно, и он потратил на это немало усилий, но сегодня утром это не доставило ему никакого удовольствия.

Из-за черноты ковра — всплеск эстетизма, о котором он давно сожалел, так как его приходилось долго чистить щеткой, — его студия получила название «угольный подвал», стены же в ней

были голубовато-серыми. На них висели четыре большие репродукции Медичи — подарок его бабушки, выбранный им самим. Боттичелли «Марс и Венера» — из-за нее у него возникли некоторые сложности с домовладельцем, который считал неприличной наготу, будь то из Национальной галереи или «Ла Ви Паризьен»[119], — «Беатриче» д'Эсте, «Философ» Рембрандта и «Герцогиня Миланская» Гольбейна. Они ему нравились и потому, что были очень красивы, и потому, что обладали особым шармом, которого не хватало картинкам Харрисона Фишера[120] и Рийе, висевшим у его друзей. Занавески, подушки на подоконнике и скатерть были голубыми; вся комната приятно благоухала вчерашним вечерним кофе.

Питер, однако, откинувшись на спинку стула, мрачно уставился на серый корпус напротив,

---

[119] Notes: 119

«Парижская жизнь» — французский еженедельный иллюстрированный журнал, основанный в Париже в 1863 году и популярный в начале XX века.

[120] Notes: 120

Фишер Харрисон (1875–1934) — американский художник, иллюстратор журнала «Космополитен». Грандиозный успех принесли ему яркие рисунки красивых американских девушек, которые он подписывал «Девушки Фишера». Создал тип «счастливой американки», «идеальной американской женщины», его работы были признаны в начале XX века эталоном американской красоты и женственности, грации и изящества.

где располагались классные комнаты. Стояло субботнее утро, а в субботу пополудни намечался парад, так как это было самое продолжительное свободное время на неделе. Он с грустью вспоминал свой первый семестр летом 1914 года, когда прекрасное время в субботу пополудни было посвящено общению: заваривался чай, и съедалось большое количество эклеров, и теперь, когда он достиг того возраста, когда можно было учиться и наслаждаться этими вещами, все они были вычеркнуты и с двух до шести ему приходилось командовать группой угрюмых шестерок, ведя их по мокрым холмам в какой-нибудь бесполезной «схеме атаки».

Он точно знал, что произойдет. Они должны выстроиться в одном из дворов и пройти проверку — это означало полчаса работы с вонючим чистолем и алюминиевым порошком, чистку формы и снаряжения. Затем они поднимутся на холмы и при сильном ветре станут стоять смирно, слушая объяснения командира, как они будут работать во второй половине дня. Всем сержантам выдадут карты, с помощью которых можно будет следовать этим объяснениям; они вечно топорщились из-за неправильного складывания и хлопали на ветру.

Никогда не считалось достаточным, чтобы одна сторона просто пришла и атаковала другую. Необходимо было разработать огромную кампанию, в которой противники составляли крошечную часть. Отряд «А» будет передовым охранением части армии, которая высадится в Литтлхэмптоне и пойдет в наступление на Хастинг, намереваясь по пути захватить важные мосты на местной реке; отряд «Б» с белыми повязками на шляпах будет силой, призванной удерживать уступы холмов над санаторием, взаимодействуя с гипотетическими дивизиями на обоих флангах, пока из Арундела не прибудет другая дивизия. Трещотки будут изображать пулеметы, и эта игра и притворство будут продолжаться три часа, с крайним неудобством для обеих сторон, пока не зазвучат свистки и горны и корпус снова не выстроится для разбора дневной работы. Им скажут, что после окончания парада все винтовки должны быть протерты промасленной тряпкой, прежде чем их вернут в оружейную, и что вся форма должна быть возвращена в шкафчики до шести часов. Затем они разойдутся, голодные, в плохом настроении, и у них будет всего двадцать минут, чтобы переодеться для посещения часовни.

Питер ненавидел корпус, и тем более теперь,

когда ему приходилось все принимать всерьез. Ему было семнадцать с половиной. В следующем году, если война продолжится, а все указывало на это, ему тоже придется воевать. Война стала ужасно близкой. Он многое узнал о том, каково там, от своего брата, но Ральф смотрел на все так отвлеченно, с этаким невозмутимым цинизмом. Питер льстил себе мыслью, что он гораздо более чувствителен и обладает более ярким темпераментом. Он был уверен, что не выдержит всего этого. Ральф несколько месяцев назад получил медаль «За боевые заслуги».

Питер вздрогнул, собрался с мыслями и посмотрел на свое расписание. Ему нужно было дочитать главу по экономике, которую он не осилил накануне вечером. Книга лежала там, где он ее бросил, и, как и все в то утро, выглядела на редкость непривлекательно, обернутая какой-то засаленной, потрепанной клеенкой, с полустертой надписью «о нехватке рабочей силы» на задней стороне. Она была напечатана криво на тонкой сероватой бумаге, в которой встречались вкрапления коричневых щепочек. Типичнейшее порождение военного времени. Он взял его с вялым отвращением и начал читать.

«…Из подобных соображений, — читал он, —

которые, хотя и не являются истиной для каждого отдельно взятого человека, однако в общем и целом подтверждаются, можно сделать вывод с приблизительной точностью, что при добавлении к имуществу бедных, на основании законных действий, от имущества богатых, неизбежно возникнет недовольство, однако при условии, что бедных будет больше по количеству, чем богатых, удовлетворение будет преобладать над недовольством. Имущественное неравенство, постольку поскольку…»

Все это было невыносимо утомительно. Он бросил книгу на столик в углу и, взявшись за роман, провел следующие полчаса в глубочайшем недовольстве.

II

Часы во дворе пробили без четверти восемь, послышались голоса и шарканье по гравию, когда классы начали пустеть. Дверь студии распахнулась, и вошел Беллинджер.

— Поучительное зрелище — специалист по истории за работой! А я вот битых три четверти часа долблю географию с одним тупицей, пока ты читаешь свои низкопробные романчики.

Беллинджер учился в армейском классе, без-

заботный весельчак, атлет, помешанный на одежде. Это была единственная тема, на которую с ним можно было поговорить. Сам он всегда был безупречно одет, и это составило ему что-то вроде репутации. Люди приносили ему образцы ткани и консультировались с ним, когда покупали костюмы, что было комплиментом, хотя они никогда не прислушивались к его советам. О нем говорили, что однажды в Лондоне он сделал вид, что не знает директора школы, потому что встретил того в коричневом пальто поверх вечернего костюма.

Питер загнул уголок страницы — пагубная привычка, даже когда дело касалось опостылевших «основ экономики» военного времени, — и встал.

— Идем в столовую, глупый старый осел. Лучше расскажи мне последние новости с Саквилл-стрит.

— Ничего не поделаешь, — сказал Беллинджер с самодовольной мрачностью человека, чьи религиозные чувства попрали, и потянул за края своего жилета. — Вообще. Эта проклятая, адская война! В то время как все лучшие люди носят военную форму, они не обращают никакого внимания на гражданскую моду. Слава Господу,

через пару месяцев я буду в хаки.

Они вместе спустились в столовую, Беллинджер серьезно толковал о преимуществах формы Королевских ВВС над обычной военной формой.

Когда они подошли к столу, где народ готовился к занятиям, там шла жаркая дискуссия. Директор, как понял Питер, накануне вечером предложил Комитету по играм, чтобы ни один из домашних кубков не разыгрывался до окончания войны и чтобы сэкономленное время было посвящено большему количеству парадов и более активному копанию на домашних картофельных грядках. Кук, староста Лейна, очевидно, был единственным, у кого хватило мужества противостоять ему. Лейнцы были уверены, что смогут хорошо провести открытие футбольного чемпионата, и у них были хорошие шансы в пятимильной гонке.

Коротышка-Битон, специалист по естественным наукам, красноречиво поддерживал директора.

— В конце концов, — сказал он, — какое влияние война оказала на нас здесь? У нас стало чуть меньше еды и угля, люди заканчивали учебу немного раньше, ушли молодые учителя, а их места заняли старые дураки вроде Бойла, парады стали немного длиннее, но достаточно ли этого?

Было ли сделано хоть что-нибудь, чтобы заставить нас осознать, что мы находимся в эпицентре крупнейшей войны в истории?

— Было сделано все, — сказал Питер, — чтобы школьная жизнь стала невыносимой — потом передайте хлеб, пожалуйста, Трэверс, — то немногое, что осталось от прежней жизни, делает ее хотя бы просто терпимой. Боже милостивый, разве вам этого недостаточно? Мне жаль людей, которые приехали в последний год и знают только эту сторону Селчерча. Теперь я ненавижу школу и буду только рад уйти. Зачем вконец портить ее для «младших школьников»?

— Да, — сказал Трэверс, крупный, печальный «историк», с другой стороны стола, — вы, похоже, один из тех маньяков, которые верят в то, что надо становиться несчастным, потому что несчастны другие. Это всего лишь несчастье трех четвертей, для четверти общества жизнь может быть даже сносной. Это несправедливо, но лучше, чем все эти лишения напоказ. Это фундаментальный принцип политической науки.

Самый оголтелый цинизм становился у Трэверса «фундаментальным принципом».

— У моего батюшки были эти замашки в четырнадцатом году, — сказал Гарт, приятный

прыщавый юноша, сидевший рядом с Питером, — он перекопал теннисный корт, чтобы выращивать овощи, тогда как за конюшенным двором был огромный пустырь.

— А моя мама заставляет меня носить старую одежду, — посетовал Беллинджер, — потому что она считает, что в военное время хорошо одеваться — дурной тон.

— Все довольно глупо относятся к войне. — Трэверс любил отвлеченные темы. — Они не понимают, что это естественная функция развития. Это фундаментальный принцип, согласно которому общество может оставаться нормальным только в том случае, если его регулярно уничтожают.

«Мальчик-газетчик» подошел к столу. Каждый день в обязанности одного из младших учеников входило забирать корреспонденцию из сторожки привратника, как только заканчивались первые занятия, и приносить ее в столовую. Он должен был в первую очередь идти к тем, кто застолбил эту возможность на «газетном аукционе», но на практике он подходил сперва к главному столу, где сидели префекты с главой факультета. Когда те делали свой выбор, он подходил к «обеденному столу» и распространял то, что осталось, по

своему усмотрению.

— «Таймс», пожалуйста, — сказал Питер через плечо.

— Мне жаль, Одли, закончилась.

— Ладно, тогда «Морнинг пост». Спасибо.

Он разложил газету на столе и пробежал глазами колонки. Они были полны обычных военных новостей (Питер смутно задавался вопросом, о чем вообще писали газеты в мирное время). Слухи о подготовке к крупному наступлению немцев, политические разногласия в палате представителей, страницы о незначительных сражениях на Востоке. Он сложил газету и передал Беллинджеру.

III

Утро было пасмурное. Даже для пасхального семестра 1918 года. Закончив завтрак, Питер полчаса сидел в своей студии и чистил форму. Потом, в часовне, он долго еще чувствовал запах чистящего средства на ногтях. Затем ему предстояло просидеть сдвоенный урок европейской истории. Он вошел в школу в глубокой депрессии.

«Историки» теперь все учились у Бойла. До начала войны он был директором процветающей подготовительной школы на восточном

побережье и жил вполне достойно, добиваясь расположения уважаемых родителей и нанимая большой штат компетентных преподавателей. В течение двух лет он упрямо держался, чувствуя, что если уйдет, то сдастся врагу-варвару, но тучи сгущались, и вот однажды ночью бомба упала на спортивный зал, разбив все стекла в здании. Тогда он понял, что должен сдаться. «Святой Пендредс» был реквизирован для размещения гарнизонного персонала, и мистер Бойл занялся поиском другой работы. Директор Селчерча вынужден был выбирать между мистером Бойлом и какой-то учительницей и выбрал мистера Бойла, чем навечно себя опорочил. Менее чем через год интеллектуальная Мекка старшего состава «историков» пала. Уважаемая школа превратилась в прибежище для тех, кто считает, что работа, которую они проделали, чтобы пройти аттестацию, освобождает их от каких-либо дальнейших усилий, во всяком случае, пока они служат в Селчерче. Нет, они над Бойлом не издевались — это было бы ниже достоинства шестиклассника, — они просто просиживали все его часы в полной апатии. Его предшественником был молодой человек, только из Кембриджа. Молодой преподаватель сделал свои уроки истории

чрезвычайно увлекательными. С ним ученики проводили дебаты, читали друг другу статьи и обсуждали текущую политику, но теперь университетских стипендий не стало, дым сражений во Франции застилал все, кроме ближайшего будущего, и ни у кого не было особого стремления или интереса работать. У мистера Бойла уж точно не было, и юность, далекая от того, чтобы быть временем горячих исканий и необузданных, великолепно тщеславных идеалов, столь любимых второсортными поэтами, по сути, стала временем томления и покоя. Каждый урок Бойл диктовал из большой записной книжки в кожаном переплете конспект, который записывало большинство учащихся. Каждую неделю он задавал эссе, которое писали несколько человек. Каждый месяц он выдавал список книг для внеклассного изучения, которые никто не читал. Он просил немного и довольствовался гораздо меньшим, но уровень подготовки старших учащихся — специалистов по истории часто казался неудовлетворительным даже самому мистеру Бойлу.

Он вошел в классную комнату, с достоинством улыбаясь всем присутствующим, положил свою записную книжку на одну сторону высокого дубового стола, свою академическую шапку — на

другую и сел, разгладив мантию.

— Доброе утро, джентльмены, — начал он в своей привычной манере. — Чем мы займемся нынче утром? Европейской историей, не так ли, Трэверс? Спасибо. Ах да, ну, я не думаю, что мы можем сделать что-то лучше, чем продолжить наши заметки. А теперь позвольте мне посмотреть, где мы остановились. Альберони? Да, я вижу, у меня тут отмечено. Последнее, что я вам продиктовал, было: «Готова уступить Сардинию, чтобы обеспечить наследование герцогства Парма ее племяннику», не так ли? Что ж, тогда озаглавьте: «Третья коалиция Альберони».

В течение двух часов он диктовал эссе о дипломатии XVII века.

Питер свел конспектирование к абсолютно неосознанному действию. Теперь он мог сидеть, обученный долгой практикой, с совершенно пустой головой или думать о другом, в то время как его ручка усердно и весьма точно записывала целые страницы. Иногда его выводило из задумчивости какое-нибудь имя собственное, и он зависал над ним, но часто, просматривая свои заметки, Питер находил в них имена, которые вообще не мог припомнить. Он сидел и писал: «…пригласил „претендента“ в Испанию и догово-

рился с Герцем о северном союзе со Швецией и Россией для поддержки притязаний Стюартов, в то же время он вступил в переписку с Полиньяком и герцогиней Мэйнской, чтобы свергнуть регентство. Смерть Карла XII, однако…»

Заметки мистера Бойла не проясняли никаких сложных проблем и не отделяли важные факты истории от обыденности. Они просто излагали вещи в прямом пересказе Лоджа. В течение двух уроков Питер неуклонно конспектировал их.

Наконец часы пробили, и мистер Бойл встал, закрыл блокнот и взял свою академическую шапочку.

— Думаю, на сегодня достаточно. Помните, что я хочу получить эссе на тему «Свобода цивилизованного государства» к вечеру понедельника, на этот раз, пожалуйста, в обязательном порядке. Я попрошу вас прочитать о Екатерине Великой к следующему вторнику, если вам интересно — я рекомендую Леки. Спасибо, доброго вам дня.

Уставшие, они вышли на перерыв. В военное время была внедрена мания эффективных строевых тренировок, которые эффективно занимали весь перерыв: за десять минут нужно было переодеться и двадцать минут тренироваться. Питер поспешил в раздевалку и стал переодеваться. Он

вдруг вспомнил, что накануне порвал шнурок на спортивной обуви. Ему удалось взять шнурок взаймы, а затем он сообразил, что забыл купить новую фуражку для парада, как ему было велено в прошлый раз. Сегодня утром, казалось, вся вселенная на него ополчилась.

— Упустишь минуту — потеряешь час, — вздохнул Беллинджер. — Ба, какого дьявола ему-то надо…

Питер огляделся и увидел в дверях дородную фигуру привратника.

— Телеграмма для мистера Одли, сэр.

— Э, чего?

Питер разорвал оранжевый конверт и поспешно достал телеграмму. Было уже не до эффективности.

«Ральф в отпуске, — прочитал он, — возвращайся домой, он тебя встретит в 4:52 в Балфри».

IV

Ральф как-то высказал замечательную мысль, что жизнь следует разделить на водонепроницаемые отсеки и что ни одна часть, будь то друзья или образ жизни, не должна посягать на другую. Питер лежал и сравнивал прошедший день с перспективами раннего утра.

Как только он получил телеграмму, он переобулся в ботинки и велел привратнику позвонить и вызвать такси. После лихорадочных поисков главы факультета, бессвязных, но убедительных для того объяснений и поспешного разговора с сестрой-хозяйкой по поводу его сумки, ему удалось уйти вовремя, чтобы успеть на поезд в 11:12 до Виктории. Там он наскоро, но превосходно перекусил в «Гросвеноре», помчался на Паддингтон и заскочил в вагон как раз в тот момент, когда поезд тронулся.

Теперь у него было два часа свободного времени до Балфри. Он лег на спину и достал сигарету из коробки, которую купил после ланча. Очень довольный, он наблюдал, как телеграфные провода поднимаются, опускаются и пересекаются друг с другом, миля за милей.

В суете кое-как упакованных пижам, движущихся поездов и потерянных билетов у него не было времени подумать о причинах, эту суету породивших. Теперь в пустом вагоне первого класса, вооружившись журналами и сигаретами, он начал стряхивать с себя ощущение тюрьмы. Питер взглянул на часы. В то самое время, когда он трясся по сельской местности мимо небольших железнодорожных станций, Беллинджер,

Битон, Гарт и все остальные, с чьей жизнью его собственная, казалось, была так неразрывно связана в то утро, маршировали по холмам. В Селчерче было очень холодно, размышлял он, и морской туман лежал по долинам. Ему было тепло от тесной атмосферы купе и стакана портвейна, который он выпил после ланча, и от глубокого внутреннего удовлетворения.

Миля за милей по аллее телеграфных столбов. Снаружи погода прояснялась, и выглянуло яркое прохладное солнце. Он наблюдал за проносящимися мимо полями, и вскоре за окном замелькали достопримечательности, ставшие знакомыми после многократных возвращений домой: внушительная фабрика по производству запатентованных лекарств, аккуратные грядки большого рыночного огорода, фермерский дом елизаветинской эпохи.

Питер задавался вопросом, как долго продлится этот неожиданный отпуск. Он предполагал, что около четырех дней. Это был действительно первый раз, когда Ральф оставил какой-то след в его жизни. Он был на пять лет старше Питера и всегда держался очень отчужденно. Они частенько ссорились, как всегда бывает у братьев. Временами Ральф был почти педантом, особенно когда зани-

мал должность главы факультета в Селчерче и в первый год учебы в Оксфорде. Во всяком случае, именно благодаря ему Питер теперь сидел в комфорте, вместо того чтобы маршировать со своей ротой вверх по мокрому холму кляксообразным строем. С теплом в сердце, которое может прийти, только когда находишься в приятной обстановке, Питер приготовился быть очень милостивым по отношению к своему брату.

Наконец поезд замедлил ход и остановился, тяжко пыхтя, но не обессилев, словно хорошо тренированный бегун. Питер вдруг понял, что они добрались до Балфри. Он схватил шляпу и сумку, застегнул пальто и выскочил на платформу. Ральф шагал к нему.

Питер и раньше видел его в форме, но тогда брат был младшим офицером 1914 года, и весь его облик был полон скромного достоинства. Теперь, после трех лет боев, он выглядел удивительно подтянутым и здоровым. Косой луч солнца осветил его светлые волосы. Фуражки на нем не было.

— Здорово, Питер, — воскликнул он, пожимая руку, — мы боялись, что ты не сможешь сесть на поезд. Полагаю, ты уже поел?

— Да, спасибо, мне удалось перехватить немно-

го в городе. Хоть и в изрядной спешке. Подожди секунду, пока я найду свой билет.

Питер передал Ральфу сумку и начал обыскивать карманы. Найдя наконец билет между листами своей школьной «синей книги»[121], он отдал его контролеру и, забрав сумку, последовал за братом.

— Это весь твой багаж? — спросил он. — Отлично, тогда мы сможем довезти его сами. У меня снаружи догкарт[122]. Мойра присматривает за ним. Она собиралась в Балфри за покупками, поэтому я попросил ее приехать и встретить тебя.

Мойра Гейдж, ровесница Питера, была дочерью викария из Балфри-Комба. Она и ее брат были постоянными спутниками мальчишек Одли в дошкольные годы. Повзрослев, они виделись все реже. Крис уехал в Винчестер, Ральф и Питер — в Селчерч, но дом викария находился по соседству с Холлом, и они часто виделись на каникулах. Их отцы были близкими друзьями.

— О, хорошо, я боялся, что Мойра будет в отъез-

---

[121] Notes: 121

Небольшая книга в синем переплете, используемая для записи ответов на экзаменационные вопросы.

[122] Notes: 122

Догкарт — высокий двухколесный экипаж с местом для собак под сиденьями.

де, она ведь работает в ДМО[123]. Я видел ее только один раз за все прошлые каникулы. А вот и она!

Они вышли в маленький станционный дворик. С другой стороны его стоял экипаж, а в ней стояла Мойра Гейдж, одной рукой держа поводья, другой прикрывая глаза. Она была высокой, стройной и бледной, не очень красивой, но грациозной и привлекательной. Издали она выглядела как рисунок Шепперсона[124], но, подойдя ближе, можно было увидеть глубину в ее серых проницательных глазах, которую очаровательный маньеризм этого художника никогда бы не смог передать. Она была одета в твидовое пальто и юбку. На плечи был наброшен серый шелковый шарф. Питер вышел вперед и поздоровался с ней.

— Питер, — сказала она, — прежде чем ты сделаешь что-нибудь еще, заставь Ральфа надеть фуражку. Он выглядит просто ужасно, и я уверена, что его отдали бы под трибунал или что-то в этом роде, если бы кто-нибудь это увидел.

— Три года военной жизни разрушают любые

---

[123] Notes: 123

Добровольческий медицинский отряд.

[124] Notes: 124

Шепперсон Клод Аллин (1867–1921) — британский художник, иллюстратор и гравер, специализирующийся в основном на бытовых сценках и пейзажах.

иллюзии относительно военной дисциплины, — ответил Ральф, забираясь в повозку. — В наши дни единственный закоренелый милитарист — это только что призванный гражданский.

— Теперь он снова умничает, — засмеялась Мойра. — Я действительно думала, что ты лишился этой особенности, когда вернулся из Оксфорда. Помимо всего прочего, это очень дурной тон, когда ты находишься в компании глупцов.

— Нет уж, спасибо, — возразил Питер. — Я бы хотел, чтобы вы говорили за себя. Сейчас я учусь в шестом классе и пишу эссе по истории промышленности и всему такому прочему.

— Ты, кажется, относишься к своей истории с совершенно необоснованной гордостью, — сказала Мойра. — По всему, что я слышу, это звучит слабовато.

— Всякая гордость необоснованна, — сказал Ральф.

Питеру показалось, что он сделал паузу, раздумывая, не будет ли более впечатляюще звучать вариант: «Не бывает необоснованной гордости». Он давно миновал ту стадию, когда широкое обобщение могло сойти за эпиграмму.

— Афоризмы разочарованного человека, — сказала Мойра. — Еще одно замечание, подобное

этому, и мы с Ральфом выходим и идем пешком.

Балфри-Комб находился в полутора милях от Балфри и все еще сохранял деревенский вид. Балфри был небольшой городок с двумя или тремя улицами дешевых магазинов, банком и небольшим стекольным заводом — сердцем большого района трущоб, который постепенно распространял свои грязные щупальца вдоль дорог в…

Зарисовка

— О да, — сказал Лернштейн. — Будьте спокойны, когда-то у меня были идеалы, как и у всех нас.

Он встал из-за столика, накрытого к чаю, и принялся разглядывать мой наполовину законченный портрет. А я еще долго сидел, наслаждаясь его прекрасным китайским чаем, поданным в изысканном фарфоре с бело-голубым узором.

Его живописная студия, залитая золотистым послеполуденным светом, выглядела очень эффектно, и ее хозяин был весьма красив. Разумеется, он еврей, но его потрясающая внешность заставляет забыть о короткопалых руках и других признаках его прискорбного происхождения.

— Вероятно, вы хотели бы узнать что-нибудь о моей жизни, — сказал он. — В ней хватает интересных событий.

Он закурил еще одну сигарету, пододвинул сигаретницу — изящную вещицу с мавританской инкрустацией — так, чтобы она оказалась в пределах моей досягаемости, а затем, глубоко затянувшись, приступил к своему рассказу:

— Я начал жизнь на самом дне, как и большин-

ство моих сверстников. Мой отец был евреем, и жили мы в еврейском квартале на Коммершиал-роуд. Когда отец бывал трезв, он был очень добр ко мне и моим братьям. Моя мать для меня особо ничего не значила, но сейчас я понимаю, что она, конечно, была изнуренной непосильной работой и разочарованной в жизни женщиной, которая несла тяжкое бремя содержания мужа и большой семьи.

Сколько я себя помню, я всегда любил рисовать, в дело шли каждый клочок бумаги и каждый огрызок карандаша, которые я только мог найти, но мне вечно не хватало одних только линий — нужны были цвета и тона. А этого я не мог себе позволить. Цветные мелки были моей единственной утехой, и я таскал их из стола раввина, который управлял местной синагогой и к которому я ходил раз в неделю для религиозного обучения. Ибо мой отец, хоть сам и был совершенно безразличен к этому, всегда требовал, чтобы я ходил на занятия. Насколько мне помнится, раввин пользовался цветными мелками, чтобы рисовать карты расселения колен племени Израилева.

Однажды он поймал меня, когда я брал его мелки, но, к моему удивлению, вместо того чтобы

всыпать мне, как сделал бы наш рыжеволосый учитель в закрытой школе, начал расспрашивать о моих рисунках и наконец убедил меня позволить ему забрать некоторые из них, чтобы показать своим богатым друзьям. Дело в том, что сам он был сыном очень богатого человека и даже учился в университете, но пожертвовал всем этим, чтобы помогать своим соплеменникам, живущим в трущобах. Говорю вам, что раввины в еврейском квартале совершают такие же прекрасные акты самопожертвования, как и любой из ваших священников в Кеннингтоне, только они этим не хвастаются.

В общем, он показал мою работу своим друзьям в Вест-Энде, и это привело к тому, что спустя несколько дней мужчина в цилиндре и гетрах появился на нашем пороге и пожелал посмотреть на меня и на мои рисунки. Он раздал по полкроны всем моим братьям, мне же полкроны не досталось, на что я, помнится, ужасно обиделся, пока не услышал, что меня заберут отсюда и будут учить живописи.

Это и стало началом моей «карьеры». Эти евреи управляли моей жизнью в течение следующих пяти лет, и я рисовал так, как мне велели в школе при академии, куда меня отправили учиться. И

все были очень добры ко мне, я был представлен многим богатым людям — не только богатым евреям, но и людям вашего круга, которые тратят много денег на то, чтобы скучать, и которых авторы романов для низов среднего класса называют «обществом». Я начал постепенно блистать в обществе и превращался в симпатичного джентльменчика. Однако всякий раз, ощущая зернистость холста под своей кистью, я чувствовал неудовлетворение.

Когда мне исполнилось девятнадцать, мне выделили студию — конечно, не такую, как эта, но вполне приличный сарай с хорошим освещением — и сделали из меня светского портретиста. Какое-то время я писал портреты и льстил приходившим ко мне уродливым старухам. Но очень скоро я обнаружил, что больше не в силах это выносить. Я рисовал плохо, безвкусно, неискренне и знал, что способен на большее. Я увидел, что вся академическая концепция была ложной, — да-да, сегодня из моих уст это звучит забавно, не так ли? Но многие вещи куда более очевидны для нас, когда мы молоды.

Той осенью в Лондон приехали итальянские

футуристы, и Маринетти[125] прочитал свою эпохальную серию лекций на ломаном английском языке в галерее Доре[126]. Именно там, и особенно в танцевальных сценках Северини[127], я нашел то, что искали я и половина Челси.

Тогда я все время совершал какие-то импульсивные поступки, и вот, вернувшись домой и обнаружив в своей комнате багаж, который я упаковывал для поездки по Италии с евреями (они все еще управляли мной, хотя к тому времени я зарабатывал довольно прилично), я исполнился омерзения. Я написал им короткую и, боюсь, очень грубую записку и, хлопнув дверью своей студии, выбежал в ночь.

У меня не сохранилось четких воспоминаний о том, что случилось той ночью. Я пошел в кафе «Ро-

---

[125] Notes: 125

Маринетти Филиппо Томмазо (1876–1944) — итальянский писатель, теоретик искусства, основатель и глава футуристического движения.

[126] Notes: 126

Галерея Доре первоначально была открыта для выставки и популяризации работ французского художника Гюстава Доре (1832–1883). В начале XX века в галерее также проводились временные выставки работ современных художников.

[127] Notes: 127

Северини Джино — итальянский художник, график и скульптор. Начиная с 1910 года главной темой произведений Северини была ночная жизнь большого города, в которых можно заметить признаки футуристического направления, выражающиеся в динамике и резкости изображения («Голубая танцовщица», «Танец Пан-Пан в Монико»).

ял» и выпил абсенту. И вскоре я присоединился к компании за соседним столиком, и мы все вместе много пили и смеялись, как это свойственно англичанам, которые корчат из себя представителей богемы. И наконец все вывалились наружу, на прохладный воздух Риджент-стрит. С нами были и девушки, все коротко стриженные, хотя тогда это еще не вошло в моду. А вожаком нашей группы был красивый юноша с рыжевато-золотистыми волосами, которого мы все звали Рональдом. Я так и не узнал его настоящей фамилии, хотя встречался с ним постоянно в течение следующего года и даже делил с ним студию. Он писал яростные «абстракции» в горячих тонах во время коротких приступов бешеной энергии, сменявшихся затем вялостью и апатией. Мы были весьма дружны в течение того года, что я провел в нашем фальшивом Латинском квартале. Ибо после той ночи я покинул евреев и проводил время с молодыми студентами-искусствоведами и художниками-футуристами. Мы были вполне счастливы, и я всегда вспоминал бы тот год как лучший в моей жизни, если бы…

Что ж, в течение того года я писал так, как не писал никогда ни до, ни после. Я писал так, как — я точно это знал — должен был писать: без

условностей и ограничений. Я выставлялся в галерее Мансард и в Адельфи, а рецензии на мои работы появлялись в «Бласте» и в «Джипси»[128]. С головой погрузившись в работу, я был невероятно счастлив, а потом все испортила женщина.

Если не возражаете, я не стану об этом распространяться. Я был отчаянно влюблен, и Рональд все время твердил мне, чтобы я не валял дурака. Я его не слушал, и постепенно мои связи с друзьями стали слабеть и обрываться. Она была натурщицей, и ее образ и поныне остается для меня самой прекрасной вещью и самым большим укором… Что ж, как и предсказывал Рональд, произошел крах, и я разорвал все свои эскизы и доверху забил ими печку в студии. И я соскреб мастихином краску со своих холстов. И была у меня одна чудовищная ночь со всем, что к ней прилагается, — «и буйство пышных роз, и танцы до утра, покуда в памяти последний след не гаснет бледных лилий»[129]. Мы все были очень пьяны и очень шумны и отпускали раблезианские шутки до

[128] Notes: 128

«Бласте», «Джипси» — журналы, посвященные авангардистскому искусству, издававшиеся в начале XX столетия в Англии.

[129] Notes: 129

Строчка из поэмы «Кинара» английского поэта и писателя Эрнеста Доусона (1867–1900), это произведение было «гимном» декадентов.

самого утра. А затем в предрассветных сумерках я вернулся к респектабельности и евреям.

До сих пор он говорил очень серьезно, даже с горечью. Теперь же он повел своими широкими плечами, встряхиваясь, как собака, вскинул голову и, жестом велев мне вернуться в прежнюю позу, взял свою палитру.

— О да, они приняли меня с распростертыми объятиями. И Мэйфейр[130] признал меня модным увлечением этого же сезона. Прежняя жизнь продолжалась. Они сделали меня академиком и… счастливым человеком? Ну да. Почему бы и нет? Я неплохо устроил свою жизнь. Спросите любого из ваших друзей по клубу, они вам скажут то же самое. Но бывают такие моменты, когда я читаю отзывы о работах Рональда и слышу насмешки моих академических коллег над ними, и тогда я… Ну что ж, мы должны заняться этой проклятой картиной, пока еще светло.

Перевод Е. Калявиной

---

[130] Notes: 130

Мэйфейр — лондонский квартал, где проживали представители высшего общества.

Дом: Падение

Никогда еще за всю свою пеструю и, безусловно, не всегда блистательную историю школа не находилась в состоянии такой полной дезорганизации и прострации, как в пасхальный семестр 1917 года. Во Франции и Фландрии наши слабоохраняемые, недостаточно вооруженные укрепления были совершенно неспособны успешно противостоять угрозе немецкого натиска, каждая газета приносила новости о по-прежнему некомпетентном командовании и военных неудачах, с каждой почтой приходили сообщения о чьем-то убитом друге или родственнике. В отсутствие младших педагогов всеми школьными делами заправляли пожилые надзиратели — благожелательные, но, увы, совершенно некомпетентные. Молодые префекты, сознававшие, что через несколько недель, самое большее через несколько месяцев, они неизбежно будут призваны, возможно, убиты и почти наверняка искалечены, так же мало заботились о школьном распорядке, как и об учебе. По всей стране нервы у людей были напряжены до предела. Это следует иметь в виду, читая о событиях, которые не могли бы произойти ни в

какое иное время.

Каждый школьный дом, конечно, претендует на звание лучшего и, по всей вероятности, гипнотизирует сам себя, заставляя поверить в это, но имеется у нас один Дом, который являлся более уникальным, более высокомерно-уверенным в себе, более самодостаточным, чем любой другой. В этом Доме есть свой непомерно раздутый перечень правил, которые посторонние воспринимают с насмешкой или негодованием. Его обитатели изъясняются преимущественно на собственном сленге, имеют множество сложных ритуалов и отличаются прежде всего непоколебимым презрением к военной подготовке и всему, что с ней связано. Ораторское искусство, в котором изощрялись чины из военной инспекции, оставляло их равнодушными, и даже в эти дни, когда по всей стране господствовал милитаризм, когда на прославленных спортивных площадках колледжа Крайст-Черч в Оксфорде рыли окопы солдаты, они продолжали демонстрировать свое ожесточенное презрение. А потом появился Росс. Префект и превосходный спортсмен, блиставший по многим предметам в своем классическом шестом, в глазах соучеников он оставался совершенным ничтожеством, пока,

вернувшись в начале пасхального семестра, не оказался возведенным в звание главы своего Дома — ныне деморализованного и лишившегося прежнего чванства.

Ему пришлось взять все управление Домом в свои руки, и очень скоро он заявил о себе. Он прекратил поставки кондитерских изделий, организованные временным начальством; он отменил наряды на уборку клубных и концертных помещений — без какого-либо разрешения от сестры-хозяйки. Он поднял Дом почти что на прежнюю высоту и сам очень вырос во мнении своих соучеников, поскольку люди любят, когда все содержится в порядке, если этот порядок организован правильно.

Первые три недели все шло хорошо — даже слишком хорошо. Но как-то в понедельник вояки организовали смотр факультетских взводов. Росс произнес короткую резкую речь и, как и в большинстве своих выступлений, сказал гораздо больше, чем хотел:

— Смирно, и всем слушать меня. Все, что вы до сих пор делали на построениях, было совершенно чудовищным. Я в жизни не видел такого построения — просто какая-то жалкая кучка бойскаутов. Скажу вам вот что: если вы думаете, что

этот Дом всегда демонстрировал отвратительную расхлябанность и это оправдывает вашу нынешнюю отвратительную расхлябанность, то вы ошибаетесь так, как никогда в жизни. Я заставлю вас работать до седьмого пота, и вы, голубчики, пропотеете у меня до самых костей! Все ясно?

И он приказал взводу построиться.

Ученики воззрились на него с нескрываемым изумлением и отвращением и приступили к выполнению команд со своей обычной небрежностью.

На смотре по обмундированию, который состоялся в следующий вторник, Дом, как обычно, блистал потускневшими пуговицами, заляпанными грязью ботинками и несмазанными винтовками с заедавшими затворами. И весь следующий день взвод занимался устранением недостатков.

Так оно и продолжалось, и постепенно Дом начал уступать силе личности своего главы и даже достиг, хоть и не без угрюмого ворчания, определенных успехов, но через несколько дней после факультетских соревнований произошло неожиданное событие, которое изменило положение вещей.

Как-то раз днем Росс сидел в комнате старост

и читал, когда в помещение ворвался Стюарт, одетый в тренировочную форму, довольно грязный и, очевидно, только что вернувшийся с пробежки.

Стюарт был капитаном команды бегунов и, по мнению знатоков, находился в тройке фаворитов предстоящего забега на пять миль — и даже претендовал на первое место.

Он сел на подоконник и начал лениво откалупывать засохшую на коленях грязь. Затем он поднял глаза.

— Ро-о-осс, — сказал он, растягивая слова, как это всегда делали префекты и старосты. — Полагаю, ты осознаешь, что устроил всему Дому адскую жизнь со своей солдатчиной?

Росс ничего не ответил на это, но положил книгу на стол, аккуратно отметив место, где прервался. После паузы Стюарт продолжил:

— У Дома нет ни времени, ни желания заниматься вашей муштрой от заката до рассвета. Понятно, на наших футболистов не стоит и надеяться, но зато у нас чертовски хороший шанс в пятимильной гонке. И мы не собираемся его упускать, играя в солдатики.

Росс по-прежнему ничего не говорил, только уголки его рта подрагивали.

— Приведу тебе пример: сегодня я велел юному Мерривейлу отправляться на тренировку, а он ответил, что должен хорошенько отполировать свой штык и показать тебе, потому что вчера штык, видите ли, был ржавым. Я, конечно, сказал, что все с тобой улажу, но как я могу привести команду в приличную форму, если им постоянно будут мешать твои растреклятые штыки.

Росс наконец соизволил ответить:

— Мне жаль тебя разочаровывать, но штык Мерривейла должен быть отполирован, прежде чем он отправится на пробежку.

Стюарт был искренне поражен.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что считаешь свое чертово взводное построение важнее пятимильной гонки?! — воскликнул он.

— Ты изложил это довольно грубо, — протянул Росс, — но суть, я полагаю, ты уловил.

Тут Стюарт вышел из себя.

— Есть кое-что, о чем ты забыл, — сказал он. — Извещаю тебя официально, что я отказываюсь тренировать команду в условиях, когда ты все время ставишь мне палки в колеса. Кроме того, я сам староста и имею право не бежать, если я этого не хочу. Если ты не прекратишь свою солдатчину, я не буду принимать участие в забеге

на пять миль.

Стюарт, конечно, выложил этот козырь, вовсе не собираясь приводить ужасающую угрозу в действие, впрочем, и Росс, не будь он так зол, не стал бы ловить его на слове. Но сейчас он решил довести дело до конца.

— Что ж, в таком случае, полагаю, придется бежать Кавену — он же у нас первый запасной, верно?

Оба прекрасно понимали, что это решение станет катастрофой, но теперь ни один уже не мог отступить. Стюарт, обладавший большой склонностью к театральным эффектам, направился прямо в Совет и там при общем безмолвии вычеркнул себя из списка.

Новость распространилась по Дому, а затем и по школе со сверхзвуковой скоростью. Представители враждебных факультетов открыто ликовали, обитатели Дома были объяты скорбью. «Почему, — вопрошали они, — мы должны потерять кубок только потому, что наши крутыши поссорились?» Они разделились на фракции и беспрестанно спорили. Последние два года Росс не участвовал в факультетских забегах, и никто не знал о его способностях, но сразу после ссоры он начал усердно тренироваться, и вскоре народ

понял, что он намеревается выиграть кубок без Стюарта, который наблюдал за его тренировками с признательностью знатока — поскольку не мог отрицать, что Росс великолепный бегун. Дом устроился поудобнее, чтобы понаблюдать за пятимильной гонкой, после которой конфликт должен был завершиться.

Охваченный безмерным раскаянием Стюарт спустился к трибунам в великолепном пальто, чтобы увидеть финиш. Дом не победил.

Личность и воля могут сделать столько, сколько говорится в рекламе пельменей, но они не помогут в случае, если ты ускоришь темп на Коровьем холме, а потом вознамеришься возглавить гонку в спринте на четверть мили до Комбса. Тряпка, измочаленная в плотине Долины, — вот во что превратился Росс после всех своих тренировок.

Неделю спустя начался смотр факультетских взводов, и закутанный и очень бледный Росс спустился из лазарета, чтобы посмотреть. Он с горечью признавал свое поражение и задавался вопросом, как он сможет выдержать еще один год в атмосфере холодного превосходства Стюарта и яростной враждебности всего остального Дома.

И тут он увидел, что взвод Дома тренируется так, как они никогда не тренировались до того

или — боже упаси! — впоследствии. Общественное мнение — самая необъяснимая вещь в мире, и с неудачей Росса к нему внезапно пришла популярность, о которой он не мог бы и мечтать в случае победы. Дом по-своему великолепно показывал ему, что они изменили свое мнение. Пуговицы на мундирах сияли, винтовки были вычищены, и под началом Стюарта, взявшего на себя командование взводом, они тренировались с энтузиазмом, который в значительной степени компенсировал их былую пассивность.

Финал был бы великолепен, если бы Дому позволили выиграть взводный смотр, но это история из школьной жизни, и любой, кто знает наш Дом, поймет, что о подобном не могло быть и речи. Однако достаточно и того, что они стали третьими и что, когда Росс в тот вечер спускался по травянистому склону в часовню рука об руку со Стюартом, казалось, что скорее он простил Дом, чем они простили его. А в конце концов, это и есть величие.

Перевод Е. Калявиной

Оксфордские рассказы

Портрет молодого карьериста

Джереми появился в моей комнате в половине шестого в тот момент, когда я уже собрал мочалку, полотенце, халат и другие банные принадлежности. Я вышел из спальни и увидел, как он ищет что-нибудь, на чем можно оставить сообщение. Он как раз вплотную подобрался к моему альбому с набросками. Я ненавязчиво дал знать о своем присутствии.

В школе мы жили в одном корпусе; у него было то, что в Северном Оксфорде назвали бы «яркая индивидуальность». Это значит, что он довольно глуп, чрезвычайно доволен собой и крайне амбициозен. Джереми метит в президенты Совета.

Я сказал ему:

— Привет, Джереми. Боюсь, я как раз собирался принять ванную. Я всегда делаю это перед ужином, но если не потороплюсь, то сегодняшний вечер станет исключением. Ванную комнату закрывают в семь. Но ты оставайся и выпей немного хереса, идет?

— Спасибо, — сказал Джереми и сел.

Я взял графин и увидел, что он пуст. Утром в нем была почти целая бутылка.

— Джереми, мой треклятый слуга выпил весь херес. Прости.

— Забудь. Я просто выкурю сигарету и пойду.

Мои сигареты очень крупные и выкуриваются за четверть часа. Я отрекся от своих мечтаний о белом кафеле и клубах пара и взял сигарету.

— Не то чтобы я хотел сказать тебе что-то важное. Я просто проходил мимо твоего колледжа и подумал, что могу заскочить к тебе ненадолго. Так трудно придумать, чем занять себя до ужина, не правда ли?

— Я обычно принимаю ванну.

— У нас ванные комнаты уже закрыты.

Он вытянул ноги к камину. Джереми носил темно-коричневые замшевые ботинки отвратительного фасона, которые всегда выглядят мокрыми.

— Ой, я вспомнил, что хотел спросить у тебя. Я хочу встретиться с Ричардом Парсом. Мне кажется, это тот человек, с которым не мешает познакомиться.

— Любезный мошенник.

— Ты меня представишь?

— Знаешь, я сам едва с ним знаком.

Это была правда, и к тому же я терпеть не могу знакомить Джереми с людьми; обычно он тут же

начинает обращаться ко всем по имени.

— Чушь! Я постоянно вижу вас вместе. Я свободен перед ланчем во вторник. Могу и в пятницу, но вторник лучше.

На том и порешили.

Повисла пауза; я посмотрел на часы, Джереми не заметил, я посмотрел еще раз.

— Который час? — пробормотал Джереми. — Без двадцати трех минут, о боже. Отлично, еще уйма времени.

«Пред самомнением глупца немеют боги… и завидуют», — подумал я.

— В четверг я зачитаю речь.

— Хорошо.

— О Ближнем Востоке. Македония. Ну, знаешь, нефть.

— А-а.

— Думаю, это будет чертовски хорошая речь.

— Разумеется.

— Ивлин, ты не слушаешь. Как думаешь, в чем моя проблема как оратора? Сам я думаю об Оксфордском союзе как о…

Слепая ярость, огненный туман. Мы сцепились на ковре. Он оказался неожиданно слаб для своего веса. Джереми уклонился от первого удара кочергой, который пришелся ему в плечо; два

других угодили прямо в лоб. Содрогаясь, я поднялся, одолеваемый животным любопытством узнать, что же все-таки скрывает его проломленный череп. Но я удержался и накрыл ему лицо его же носовым платком.

За дверью я столкнулся со своим слугой. Я уже забыл про херес.

— Хант, — я практически вцепился в него, — на ковре в моей комнате лежит джентльмен.

— Да, сэр. Он пьян, сэр?

Я вспомнил о хересе.

— Собственно говоря, нет. Он мертв.

— Мертв, сэр?

— Да, я убил его.

— Не может быть, сэр!

— Хант, что нам делать с ним?

— Что ж, сэр, если он уже мертв, то нам мало что остается, верно? Помню джентльмена, который совершил самоубийство на этой лестнице. Яд. Кажется, это было в девяносто третьем или девяносто четвертом году. Приятный тихий джентльмен, когда был трезв. Однажды он сказал мне…

— Мне понравилась твоя речь, но я думаю, что она была немного «тяжеловесна». Как думаешь, что Бегнал имел в виду?

Это был голос Джереми. В голове у меня прояснилось. Мы все еще сидели у камина. Он по-прежнему говорил.

— …Скэйф сказал…

В семь часов Джереми поднялся.

— Не буду тебя задерживать, ты же собирался принять ванну. Не забудь спросить Ричарда про ланч во вторник, хорошо? Ой, Ивлин, если ты знаешь того, кто пишет для «Айсис» репортажи о Союзе, не мог бы ты попросить его в этот раз отозваться обо мне снисходительно?

Я попытался представить, что однажды буду гордиться знакомством с Джереми. А пока…

Перевод А. Лысиковой

Антоний, который искал утраченное

Революция пришла в Сан-Ромейро поздно и внезапно. Говорили, что провозгласил ее Казарин — журналист, получивший образование в Париже. Гонцы доставили ему вести, что венские студенты изгнали князя Меттерниха и, возможно, убили его, что Ломбардия охвачена восстанием, что папа бежал, а с ним все его кардиналы. Рыбаки с побережья принесли другие байки: о том, как чужеземцы пытали мужчин и женщин в Венеции, и об ужасах, творившихся в Неаполе. А еще о том, как после бегства папы из Рима все колонны собора Святого Петра содрогнулись. Многие крестьяне божились, что все это дело рук императора Наполеона, поскольку не знали, что он уже умер.

Так или этак, но революция нагрянула в Сан-Ромейро, и Казарин вместе с народом в самый разгар дня пришли к герцогскому дворцу и кричали. Казарин кричал о свободе, а народ кричал об отмене пошлины на оливки. Затем поползли слухи, что герцог вместе с семьей тайно покинул дворец. Поэтому народ разбил железные ворота, привезенные дедом герцога из самого Милана, и

ворвался во дворец. Там он нашел лишь горстку совсем молодых солдат и, поскольку те оказались не склонными к сопротивлению, убил их. А затем, раздухарившись от собственной удали, народ стал искать, чем бы еще заняться. Кто-то крикнул: «Айда в Крепость!» — потому что Крепость была тюрьмой и у каждого имелся близкий родственник, заключенный туда за какое-нибудь преступление или по глупости.

Тогда Казарин вспомнил, что вот уже десять лет в Крепости томится граф Антоний со своей госпожой. Но когда люди сломали замки и отворили темницы, то нашли там множество должников, воров и одну бедную помешанную, которая величала себя Царицей Небесной. И ни следа графа Антония или его госпожи.

И вот вам история Антония, коего друзья прозвали «Антоний, который искал утраченное». Казарин, получивший образование в Париже, составил ее отчасти из того, что знал сам, а отчасти из того, что рассказал ему тюремный надзиратель.

Он был видный, рослый мужчина, этот граф Антоний, был он хорош собой и рожден в благородном семействе. Батюшка его был в Италии важным человеком и сражался вместе с испанца-

ми против французов, а род свой он вел, говорят, не от кого иного, как от самого папы. От своих праотцев граф Антоний унаследовал поместья и красоту, но в сердце у Антония было нечто неведомое его предкам. И друзья звали его «Антоний, который искал утраченное», потому что он, казалось, постоянно искал в будущем то, что потеряно в прошлом.

И был обручен Антоний с госпожой Елизаветой, белолицей и нежной, и он не сводил с нее печальных удивленных глаз, ибо двигалась она грациозно. И в глазах обоих светилась величайшая любовь, какой не знали предки Антония.

Но в те времена Сан-Ромейро полнился шепотками. За высокими ставнями мужчины долго засиживались за бокалами вина, поминая «Свободу» и «Единство» и прочие глупые слова. Они давали друг другу клятвы и подписывали бумаги, будучи очень молодыми и слегка разгоряченными от вина. И все это казалось графу Антонию делом благородным.

Но шепотки становились все громче, и эхо их отозвалось во дворце. И вот так случилось, что однажды, вернувшись после визита к госпоже Елизавете, Антоний обнаружил, что у дома его поджидают люди из герцогской гвардии. Они

препроводили его в Крепость. Тогда госпожа Елизавета, любя его безмерно, в слезах стала умолять Герцога помиловать Антония. А когда Герцог остался глух к ее мольбам о свободе для Антония, она взмолилась, чтобы ее заключили вместе с ним, ибо, сказала она, нет темницы там, где есть Антоний, и нет свободы там, где его нет. Она ведь была еще девицей и изнемогала от любви. А Герцог, который, хотя и был в свое время великим любодеем, теперь вовсю предавался чревоугодию, испугался любви в глазах госпожи Елизаветы и выполнил ее желание. Посему Елизавету отвели в Крепость, к величайшему ее ликованию.

Все это Казарин видел собственными глазами до того, как уехал в Париж. А дальнейшую историю об Антонии и Елизавете Казарину успел поведать тюремщик, хромой и уродливый человек, — прежде чем его казнил народ Сан-Ромейро.

Антония и Елизавету заточили в темнице, вырезанной в сером камне глубоко под землей. Место было мрачное, вода монотонно сочилась с сырого потолка на сырой пол, мерзкие твари ползали по сырым стенам. У самой отдаленной от двери стены возвышалась над полом широкая

каменная ступень, покрытая соломой. Здесь села госпожа Елизавета, и, когда тюремщик принес им пищу, Антоний преклонил перед нею колена и прислуживал ей. А когда они закончили трапезу, то сплели руки и говорили друг с другом. И разговор их перемежался лобзаниями. Солома на каменном помосте стала им постелью, и на ней, среди мерзких ползучих тварей, сыграли они свою свадьбу. А тюремщик изнывал от зависти, что они так счастливы в столь отвратительном месте.

Так прошла неделя, и еще одна. И щеки госпожи Елизаветы побледнели, а волосы стали тусклыми и жесткими, и каштановые волосы графа Антония побелели и покрылись грязью, и стала долгой его борода. Но в глазах его всегда теплились любовь и поиск того, что было утрачено. Но тюремщик, который так им завидовал, заметил, что в глазах у госпожи Елизаветы больше нет любви, а только величайшее утомление.

Как-то раз, когда тюремщик принес им пищу, Антоний снова преклонил колена, чтобы прислуживать своей возлюбленной, как он делал это прежде. И часть хлеба, который принес тюремщик, оказалась гнилой, и госпожа Елизавета отломила хорошую часть своими грязными

руками и съела ее, а потом угрюмо свернулась на соломе калачиком, уставившись в стену. А Антоний съел то, что ему оставила госпожа Елизавета. И по прошествии недолгого времени эти двое, которые так любили друг друга, больше не делили ложе из соломы, и Антоний спал на сыром камне. Днем же они почти не говорили друг с другом и больше никогда не целовались. И тогда тюремщик увидел в глазах Антония дикую, растерянную печаль и попытки отыскать то, чего больше не было, а в глазах его возлюбленной росла ненависть.

Так зима сменила осень, начался новый год. Тюремщик был хром, лицо его было изрыто оспой, а рот кривился от смеха над убожеством вокруг. Он ежедневно приходил в темницу, и больше ни один мужчина не видел госпожу Елизавету, кроме Антония, ее бывшего возлюбленного. И по мере того как зима поворачивала к весне и ненависть усиливалась в глазах Елизаветы, все сильнее становилось в ней желание любви человека, который был для нее потерян. А Антоний, спавший на сырых камнях и питавшийся гнилым хлебом, был слишком слаб, чтобы выйти из своего угла, и лишь глаза его неотрывно следовали за Елизаветой, метавшейся по камере.

Однажды, когда тюремщик поставил перед ней еду, она спросила его:

— Тюремщик, скажи, я все еще красива?

А тюремщик ответил:

— Не так красивы, как в тот день, когда я увидел вас впервые, госпожа Елизавета. Ибо щеки ваши бледны, а волосы тусклые и жесткие, а ваша белая кожа покрыта грязью. Но вы все еще красивы.

— Долгие месяцы я не видела своего отражения. Дай мне взглянуть в твои глаза, чтобы увидеть, что я все еще красива.

И тюремщик приблизил свое рябое и искривленное насмешкой лицо к лицу госпожи Елизаветы, и глаза их наполнились желанием. И она запустила руки в его волосы и прижала свои груди к его груди, вот госпожа Елизавета, знавшая лишь белые руки Антония, полюбила этого тюремщика, который был уродлив и худороден. А Антоний, лежавший в своем углу под бременем лихорадки и большой цепи, которую он едва мог сдвинуть, не издал ни звука, но в глазах его была такая боль, какую редко увидишь в человеческом взоре.

И тюремщик сказал:

— Я пойду и принесу вина, и мы отпразднуем новую любовь, обретенную нами.

И они все говорили об этой новизне, как у них все устроится. И тюремщик пообещал, что она сможет покинуть камеру и жить с ним в его келье, где будет вода для нее, чтобы умыться, и чистая еда, и маленький внутренний дворик, где она сможет гулять и любоваться верхушками деревьев, которые видны оттуда. И она вскричала:

— О, любовь моя, возвращайся поскорее!

Тюремщик ушел, а она осталась с Антонием.

Антоний был слаб и обременен цепью, но боль заставила его приподняться и выбраться из угла. Ни слова не сказав, он подполз к Елизавете, своей бывшей возлюбленной, безмолвно, как мерзкие твари на стенах. И она вскочила в тревоге и попыталась убежать от него, но он схватил ее за щиколотку и повалил на пол. Руки у него были скованы тяжелой цепью, и он накинул эту цепь Елизавете на горло и коленями прижал концы, прикрепленные к кандалам на его запястьях, чтобы большие звенья вонзились ей в шею. А Елизавета, его бывшая возлюбленная, сопротивлялась, но боль придала ему сил, и он возобладал над ней. И руки ее ослабели и перестали бороться, и госпожа Елизавета умерла.

Так и застал их тюремщик, когда вернулся. Он зашелся криком, и бутыль с вином выскользнула

у него из руки и разбилась на мокром полу. Он подбежал к лежащей госпоже Елизавете, и положил руку ей на грудь, и понял, что она мертва. Тогда, не сказав ни слова, он оставил ее с Антонием, захлопнул большую дверь, запер на замок и выбросил ключ в крепостной ров. И он так и не вернулся за телом Елизаветы туда, где он познал любовь.

Все это он рассказал Казарину, получившему образование в Париже, перед тем как его казнил народ Сан-Ромейро.

Перевод Е. Калявиной

Эдвард великолепный

История про кровь и алкоголь, которая произошла в одном из колледжей Оксфорда

Эта история про Эдварда уже давно не дает мне покоя. Хотя с того позднего вечера, когда он отвлек меня от работы над эссе и разоткровенничался, выпив моего виски, прошло уже шесть недель, я поступил, как подобает мужчине, — никому ничего не сказал, ну или почти никому. Поскольку хороших журналистов хлебом не корми, дай только написать о несчастьях, выпавших на долю их друзей, я все больше жалел о том, что упускаю отличный материал для статьи. А после того как Энн в «обстоятельствах, о которых неудобно упоминать», рассказала мне много такого, о чем Эдвард и Поукс даже не догадываются, я чувствую, что больше не могу молчать. Я сделал все, что в моих силах, чтобы сохранить в тайне истинные имена участников событий. Смею надеяться, что хотя бы Эдвард останется неузнанным.

Чем больше я размышлял над характером Эдварда, тем невероятнее мне казалось то, что он сделал. Со стороны он не производил впечатле-

ния выдающегося студента. Почти каждый вечер в клубе «Карлтон» раздавался его голос:

— Китайский чай, подсушенный тост с маслом и бисквит для одного, пожалуйста!

Он носил твидовые или фланелевые костюмы и неизменный галстук Винчестерского колледжа. Любой инспектор университета, ни секунды не сомневаясь, признал бы в нем студента Оксфорда.

И все же Эдвард по-своему выделялся из числа тех, кто носит винчестерские галстуки и ходит в клуб «Карлтон». Несколько недель назад он убил своего профессора, мистера Кертиса. Мало кто за пределами колледжа подозревал о существовании последнего, поэтому весть о его внезапной смерти была воспринята спокойно. В конце концов, в общих интересах было не поднимать шума — единственный родственник мистера Кертиса, брат с обширной практикой в Пэнгборне, все понял, когда директор объяснил ему, что к чему. Мне кажется, в полиции вообще ничего не слышали об этом деле, а если и слышали, то быстро забыли. По словам Поукса, об истинности которых я судить не берусь, на Кокборна надавили, чтобы дело не дошло до «Айсис» (ученая степень Эдварда была под вопросом, и декан колледжа

взял дело под свой контроль, хотя, как я уже сказал, за правдивость того, что говорит Поукс, я не ручаюсь).

Я не знаю, за что Эдвард так люто ненавидел мистера Кертиса. Я не имел чести общаться с ним лично, но часто видел, как он прогуливался по двору один или с женой директора — Энн. Мистер Кертис казался мне довольно приятным человеком, особенно если принять во внимание, что он преподавал историю. Но как бы там ни было, ненависть Эдварда была безмерна, и в итоге он пришел к выводу, что их совместное существование невозможно. Такие мысли порой приходят на ум всем студентам, вот только, в отличие от других парней в винчестерских галстуках в клубе «Карлтон», он сразу понял: лучше всего покончить не с собой, а с другим. Большинство студентов с хронической бессонницей рано или поздно предпочтут убить себя, и лишь немногие — кого-то другого.

Тщательно спланированное, убийство это было совершено с откровенной простотой, присущей студенту кинематографии, который до второго провала на экзамене по истории (из-за неспособности рисовать карты) считался знатоком этого предмета.

Комната мистера Кертиса располагалась прямо над боковыми воротами. Они закрываются в девять. Ключ хранится у привратника. В кабинете казначея всегда лежит дубликат, и Эдвард понимал, что именно он ему и нужен. В обед Эдвард пришел к казначею. Ключи висели на гвозде рядом с рабочим столом, за которым сидел хозяин кабинета. Эдвард начал выдумывать какую-то историю о сгоревшем ковре — казначей разозлился, но с места не сдвинулся. Затем огонь перекинулся на диван — казначей встал, но из-за стола не вышел. Тогда Эдвард швырнул в огонь стул и предположил, что «после празднования победы на лодочных гонках все огнетушители пусты, сэр». Это было уже слишком, рассерженный казначей удалился решительным шагом; Эдвард схватил ключи и помчался в свою комнату, где поджег ковер, диван, стул и, на случай если казначей придет с проверкой, опорожнил огнетушители. Его слуга решил, что Эдвард пьян.

Затем Эдвард поспешил к мистеру Кертису и договорился встретиться с ним в десять; президенту Совета он послал записку с просьбой уделить ему время для личного разговора, такие встречи обычно назначались на четверг, и с чувством отлично выполненной работы он спокойно по-

обедал в клубе «Карлтон».

После обеда он сел на велосипед и по пыльной дороге прокатился до Абингтона, а там, пройдя мимо старинных антикварных лавок, зашел в самую неприметную из них и купил кинжал. Сел у живой изгороди и наточил его камнем, купленным в «Рэдли». Вернувшись со всем этим обратно, принял очень горячую ванну. С нескрываемым удовлетворением в полном одиночестве поужинал в «Джордже» — нужно было еще кое-что обдумать.

Тем вечером в Совете было непривычно людно, выступал какой-то очень известный политик из Лондона. Эдвард от себя лично задал вопросы о вооруженных силах, «тонкостях» отправки дипломатической почты, часах, газовых горелках на крышах и бюстах премьер-министров — не заметить его было невозможно. Без пяти минут десять он сказал тому, кто подсчитывал голоса, что скоро вернется, и вышел из зала. Все решили, что он пошел выпить кофе, пока буфет еще открыт. Велосипед Эдварда вместе с прочими теснился у ворот на Сент-Майкл-стрит, прямо под вывеской, которая запрещала велосипедам там находиться. Спустя восемь минут он вернулся, довольный собой, и почти сразу же его попросили

выступить. Хотя это скорее можно было назвать убедительным алиби, а не блестящим примером ораторского искусства, но к тому моменту слушателей и так почти не осталось. По дороге домой его душа ликовала. Это было превосходное убийство. Все случилось, как было задумано. Никем не замеченный, он прошел через боковые ворота и поднялся к мистеру Кертису. У того была привычка, подходящая скорее директору, нежели простому преподавателю: при появлении посетителя он какое-то время продолжал читать или дописывал пару слов, пытаясь тем самым подчеркнуть свое превосходство. Эдвард убил его, не дав закончить утонувшее в луже крови предложение. Возвращаясь домой, он прошел по Джордж-стрит до канала и выбросил кинжал. «Вечер выдался удачным», — решил Эдвард.

Гастингс, ночной портье, любил задерживать людей на крыльце разговорами. Многих эта привычка раздражала, но в тот вечер Эдварда переполняло добродушие, и он заговорил первым.

— Ужасно скучные дебаты в Совете, Гастингс.

— Согласен, сэр, а сами вы выступали?

— Пытался.

— Что ж, сэр, если вы жаждали шумихи, вам следовало бы остаться сегодня в колледже. Здесь

происходит что-то неописуемое. Не припомню такого за все годы службы.

— Гастингс, что произошло?

— Сэр, не спрашивайте! Я всегда знал, что его светлость плохо кончит.

— Скажи мне, что произошло, Гастингс.

— Ох, сэр, вы же знаете, каким бывает лорд Поукс, когда напьется. Его ничто не остановит. Вечером он вернулся ужасно пьяным. Он не заметил меня, когда я ему открыл, — просто пронесся мимо и упал на газон. А поднявшись, начал ругаться на чем свет стоит, говорил, что учителя не имеют права сажать тут траву, на которую падает джентльмен. Сказал, что убьет их всех.

— И что, Гастингс?

— Он убил, сэр.

— Что, всех?

— Нет, сэр, не всех! Только мистера Кертиса, сэр. Господин декан пошел искать лорда Поукса, чтобы уложить того в кровать, а нашел уже спящим на полу в комнате мистера Кертиса, а сам мистер Кертис, отмеченный столь высокой наградой, очень медленно истекал кровью, вы бы сказали «капля за каплей», сэр.

— Будь я проклят!

— Вот, господин декан именно так и сказал, сэр.

Он сейчас у господина директора.

Полночное небо наполнилось колокольным звоном.

— Пойду-ка я спать, Гастингс. Странное дело.

— Ваша правда, сэр. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Гастингс.

Эдвард лег в кровать с тревогой на сердце. Жаль, что во всем обвинят Поукса, правда очень жаль. Но чем глубже он проваливался в сон, тем больше убеждался, что это, возможно, лучший исход. Он подумал о Поуксе — печальная фигура. Его отца попросили покинуть дипломатический корпус после постыдного происшествия с младшей дочерью черногорского министра, затем он женился на кузине, обзавелся наследником и умер от белой горячки в сорок два года. Было очевидно, что Поукс-младший не обзаведется наследником и вряд ли доживет до сорока двух. Он почти всегда был полупьян. Затем мысли Эдварда обратились к упадку великих семей Италии времен Возрождения, и где-то далеко часы на башне Святой Марии пробили половину первого. Хороший вечер и сон…

На следующее утро все уже знали о случившемся. Мне новость принес мой слуга:

— Половина восьмого, сэр, и мистер Поукс убил

мистера Кертиса.

Мы с Поуксом столкнулись в ванной комнате, он был бледен и очень расстроен. Я спросил его об убийстве.

— Похоже, дело очень серьезное. Помню только, что разозлился из-за какого-то газона, а потом двое укладывали меня в постель. Веселого мало. Меня же не повесят?

Я предположил, что суд ограничится лечебницей для алкоголиков. Я искренне жалел Поукса, но меня не покидала мысль, что лучше бы его куда-нибудь упрятать. В конце концов, опасно жить рядом с человеком, совершившим такое, к тому же он частенько выпивает. Я решил позавтракать в чайной «Старый дуб», где повстречал Эдварда. Он был в отличном расположении духа, что незамедлительно вызвало мою неприязнь к столь неуместному за завтраком настроению, впрочем, его невероятно занимала история об этом убийстве, которая уже вовсю обсуждалась.

Эдвард знал, что днем я почти не бываю в своих комнатах, поэтому спросил, можно ли там позаниматься, — в его комнатах случился пожар. Я ответил, что как раз собирался провести все утро у себя, и посоветовал ему пойти в Совет. С чем и удалился.

Около одиннадцати я увидел, как боковая дверь кабинета директора отворилась и из нее вышел сияющий от радости Поукс. Я позвал его к себе, и он все мне рассказал. На Поукса разговор с директором определенно подействовал ободряюще.

Он пришел к директору, одолеваемый беспокойством, приличествующим молодому дворянину, который внезапно столкнулся с перспективой повешения. С одной стороны стола сидел сам директор, а напротив него — декан. Поуксу предложили присесть. Директор сказал:

— Я пригласил вас сегодня, лорд Поукс, по крайне печальному для нас обоих, но главное — для меня, поводу. Возможно, вам уже сообщили, что вчера ночью, находясь в состоянии алкогольного опьянения, вы зашли в комнату мистера Кертиса, вашего наставника, и закололи его ножом. Полагаю, вы не станете это отрицать?

Поукс молчал.

— Это было глупо, лорд Поукс, бессмысленно и глупо, но я не собираюсь быть к вам излишне строгим, — голос директора задрожал, — мальчик мой, вы же пятнадцатый лорд Поукс, и, как я уже говорил вам раньше, мы с вами в некотором смысле родственники. Ваша двоюродная бабушка, леди Эмили Крейн, вышла замуж за моего

дедушку. Учитывая ваше положение в обществе, колледж просто обязан со всей осторожностью отнестись к этому вопросу.

Поукс охотно закивал. В обществе лавочников и учителей его титул часто решал все проблемы.

— Мы с господином деканом долго беседовали и решили, что совершенно не обязательно ставить в известность органы власти, к тому же, как вы знаете, руководство университета всегда по мере своих сил сопротивлялось и препятствовало деятельности обычных судов. В данной ситуации это кажется нам особенно целесообразным, поскольку существует высокая вероятность того, что криминальный суд не вынесет столь желанного для нас оправдательного приговора. За прецедентом далеко ходить не нужно: в пятнадцатом веке один простолюдин из нашего колледжа отрубил голову казначею университета, правда, все произошло в открытом бою, и юноша перед этим сам был тяжело ранен, но в те времена нравы были суровее. Выдающийся ученый, чье место я, недостойный этой чести, занимаю сейчас, наложил на преступника штраф в размере двух пенсов, который тот должен был выплатить родственникам убитого.

Поукс просиял.

— Конечно, за прошедшие годы пенсы заметно подешевели, но мы с господином деканом произвели подсчет и решили, что вам надлежит выплатить штраф в размере тринадцати шиллингов. Стоит ли говорить, лорд Поукс, что произошедшее сильно нас огорчило. Мы верим и надеемся, что подобное больше не повторится. Скорее всего, колледж не сможет с тем же великодушием во второй раз закрыть глаза на подобное преступление. Вы свободны, лорд Поукс.

На этом разговор закончился, и окрыленный Поукс пошел праздновать счастливое избавление самым привычным для себя способом; и даже Эдвард в своей сгоревшей комнате чувствовал, что для него все кончилось благополучно.

Очень скоро в Сент-Эббсе нашелся пожилой беспутный доктор, деливший нищенское жилище с одним из служащих колледжа и перебивающийся случайными заработками в Северном Оксфорде; этого несчастного уговорили составить свидетельство о смерти, последовавшей от естественных причин. Похороны прошли быстро и почти без провожающих. Три дня директор корпел над эпитафией на древнегреческом, а на третий вечер уговорил декана перевести ее на латынь. Так кончилось это дело для Поукса

и Эдварда.

Думаю, нужно добавить еще кое-что. Возможно, это незначительный эпизод, но он объясняет многое из того, что на первый взгляд кажется невероятным. Директор рассказывает своей жене Энн много разных историй, и как-то раз в минуту откровенности она поведала мне, что в ночь, когда умер мистер Кертис, она в сильном волнении вбежала к директору, своему мужу, и закричала:

— Ну за что, за что, за что ты убил его? Я ведь даже не любила его!

Увидев в комнате декана, она замолчала. Декан, будучи джентльменом, встал и попытался уйти, но директор попросил его остаться. Тогда Энн упала на колени и призналась в самых немыслимых и ужасных отношениях, которые связывали ее с мистером Кертисом.

— Думаете, мы сможем сохранить это в тайне от следствия? — спросил директор.

Декан выразил сомнение.

И в этот момент директор в полной мере осознал нерушимую силу прецедентного права, вспомнил случай с головой казначея и ощутил небывалое прежде уважение к величию почти родственных ему семей.

— Мне кажется, именно тогда он все это и придумал, — сказала Энн и зажгла свет.

Перевод А. Лысиковой

Фрагменты: ужин с прошлым

Чуть ли не первым делом Тоби сообщил мне при встрече:

— Имоджен снова в Лондоне.

Даже Тоби, для которого эта новость не могла иметь такого значения, как для всех нас, она показалась единственно важной и срочной. Для меня же она стала чем-то большим, нежели радость или боль, хотя, конечно, была и тем и другим. Эта новость стала моим избавлением от недавних воспоминаний.

На какой-то миг бар, где мы с ним стояли, застыл в оцепенении. Поручни, растрескавшееся дерево, бледный человек за ними — утратили перспективу. «Если вам нравится наше пиво — скажите об этом своим друзьям, если нет — скажите об этом нам», — громоздилось будто высеченное в камне посвящение в сан царей-жрецов в незапамятные времена… Три года или чуть более, прошедшие с того мрачного апрельского вечера, бесславно канули в далекое прошлое, и ни звука не доносилось с улицы.

Потом, почти мгновенно, машина снова заработала, и я сказал, как будто ничто не вклинивалось

между его голосом и моим:

— Она была с ним?

Ведь до сих пор, три с лишним года спустя, мне нелегко было назвать его имя. Так чумазые слуги за глаза поминают хозяина — безлично. И конечно же, так я о нем и думал, имя было несущественно — лишь ярлык, помечавший событие. Даже Тоби кое-что понял, как и всякий, кто знал Имоджен. Ибо он соприкасался со многим, что было ему совершенно чуждо. Он был в Адельфи-Террас тем странным апрельским вечером, когда Хобан два или три часа кряду созерцал реку, едва ли проронив хоть слово.

Его ответ на мой вопрос пробрался сквозь бескрайнюю долину подобных мыслей: да, она была с ним, в такси. Тоби видел их с верхней площадки автобуса на Риджент-стрит.

Поэтому вполне естественно, что я отправился на поиски Хобана, которого даже и не думал искать, когда сошел на берег тем утром, — или это было три с половиной года назад? Таким образом я внезапно вернулся в прошлое. А когда разыскал Хобана, тот сказал:

— Стало быть ты тоже вернулся в Англию?

Так я и узнал, что и он видел Имоджен, а он немедленно зазвал меня на ужин, где я встречусь

со многими старыми друзьями, которых он соберет, дабы отпраздновать мое возвращение. Но и я, и все его гости знали, что это собрание не в мою честь, хотя за весь вечер никто и словом не обмолвился об Имоджен.

Но мысль о ней не покидала всех нас, с такой застенчивой учтивостью мы обращались с той, что была Королевой, ибо там собрались все, кто любил ее, и никто не осмеливался даже произнести ее имя.

Перевод Е. Калявиной

Покушение

О своем соседе Гай упомянул уже в первую неделю с начала семестра. Мы сидели у меня на подоконнике и смотрели на двор за окном, когда я заметил странного неуклюжего коротышку средних лет, который крадучись вышел из студенческого клуба. Он был плохо одет и довольно грязен и всматривался вперед на ходу.

— Этот странный тип, — сказал Гай, — живет в комнате напротив моей.

Мы решили, что для Гая это невыносимо нудное соседство, поскольку и раньше часто встречали таких чудны́х стариканов и знали, что ничего-то в них нет интересного, разве что хотелось спросить у них, праздного любопытства ради: что они забыли в Оксфорде? И почти всегда они с готовностью излагали свою историю о скаредной экономии и жажде знаний. Поэтому, когда назавтра вечером Гай снова заговорил о своем соседе, я был изрядно удивлен.

— А знаешь, он ведет совершенно невообразимую жизнь. Служитель говорит, что он никогда не выходит, чтобы поесть, к нему ни разу никто не наведывался. Он не знаком ни с кем из

других первокурсников и не ориентируется в Оксфорде. О половине здешних колледжей он вообще слыхом не слыхивал. Думаю, надо бы мне заглянуть к нему как-нибудь вечерком. Давай вместе сходим.

И вот однажды вечером, около половины одиннадцатого, мы с Гаем постучались в комнату напротив, где обитал этот странный человек. Никто на стук не ответил, и мы отворили дверь и вошли. В комнате царил мрак, и мы уже хотели было уйти, и тут Гай предложил:

— Давай взглянем на его комнату.

Я включил свет и ахнул от изумления. Коротышка сидел в кресле, сложив руки на коленях, и смотрел на нас в упор. Он резко прервал наши сбивчивые извинения:

— Что вам нужно? Я не желаю, чтобы меня беспокоили.

— Нас зовут Гай Легг и Барнс, — сказал я, — мы просто зашли навестить вас, но если вы заняты…

Мне было страшно неловко в присутствии этого типа, и я еще не опомнился от потрясения, которое испытал, когда увидел его, сидящего в полной темноте.

— Нет никакой надобности навещать меня. Я не хочу знать ни Барнса, ни Легга, ни кого-то еще.

Очутившись за дверью, я сказал:

— Черт подери! Надо же, из всех отвратительнейших типов…

Но Гай сжал мою руку и произнес:

— Дик, этот человек меня пугает.

Так все и началось.

Несколько дней спустя я, корпя над сочинением, услышал, как кто-то барабанит в наружную дубовую дверь.

— Подите прочь, я занят.

— Это я, Гай, можно войти?

— А, это ты. Извини, мне ужасно нужно позаниматься сегодня, ты ведь не против? Я должен сдать сочинение завтра к одиннадцати утра.

— Впусти меня, Дик. Я тебе не помешаю. Можно, я просто посижу тут и почитаю?

Я отворил дверь, и, когда он вошел, при свете лампы его лицо показалось мне бледным и встревоженным.

— Спасибо тебе огромное, Дик, спасибо, что впустил. Я просто не могу работать у себя в комнате.

Итак, я снова засел за сочинение и за два часа закончил его, а когда обернулся, то увидел, что Гай не занимается. Он просто сидел и неотрывно глядел в очаг.

— Ну вот, — сказал я. — Я закончил и теперь

собираюсь ложиться спать.

Он встал.

— Тогда… наверное, мне пора вернуться к себе. — И уже в дверях он прибавил: — Знаешь, Дик, этот сосед из комнаты напротив преследует меня. Никогда и никто не испытывал ко мне такой ненависти. Когда мы встречаемся на лестнице, он отшатывается и рычит, как зверь.

Я, сдерживая зевоту, посмеялся над его страхами и лег в кровать.

И всю следующую неделю Гай по вечерам приходил ко мне в комнату, а в воскресенье вечером он наконец попросил:

— Можно я останусь у тебя на всю ночь — просто посижу у камина, почитаю?

Я ответил ему, чтобы не валял дурака, — вид у него был крайне усталый. И тогда он признался:

— Дик, как же ты не понимаешь: я боюсь этого человека из комнаты напротив. Он хочет меня убить.

— Гай, — ответил я на это, — отправляйся в постель, не глупи. Ты явно перетрудился.

Но четверть часа спустя, почувствовав, что не могу просто лечь спать и бросить Гая в таком состоянии, я поднялся к нему в комнату. Проходя мимо двери странного типа, я невольно испы-

тал прилив страха. Я постучался в дверь Гая и услышал изнутри сдавленный вопль ужаса и шлепанье голых ступней по полу. Я повернул ручку, но дверь была заперта, и за ней слышалось дыхание Гая, — наверное, он навалился на дверь всем телом.

— Ты что, всегда запираешь спальню? — спросил я, и, услышав звук моего голоса, Гай шумно выдохнул от облегчения.

— Привет, Дик, ну и напугал же ты меня. Чего тебе надо?

Я вошел, и мы поговорили. Оказывается, теперь он все время запирается и спит при свете. Сперва он здорово струхнул, но через несколько минут стал успокаиваться, и вскоре я отправился к себе. Но, уходя, услышал, как он запер за мной дверь.

На следующий день он до самого вечера избегал меня, а вечером снова пришел и попросился поработать. Я спросил его:

— Послушай, Гай, выкладывай, что с тобой стряслось? — И немедленно пожалел об этом, потому что Гай выплеснул на меня свои невзгоды, будто только того и ждал:

— Дик, ты не представляешь, что я пережил за последние десять дней. Я живу там совершенно один, и только дверь разделяет меня и того безум-

ца. Он меня ненавидит, Дик, я знаю. Это не плоды моего воображения. Каждую ночь он подходит к моей двери и нажимает ручку, а потом шаркает к себе. Это невыносимо. Однажды я забуду запереться, и тогда один Бог знает, что этот тип со мной сделает!

Так это и продолжалось, но однажды я пришел к Гаю утром. Его в комнате не было, зато там был служитель, и я заметил, что он берет ключ от спальни Гая. Зная, что не имею права спрашивать, я все же не удержался:

— Привет, Рэмзи, а что это вы делаете с ключом мистера Легга?

Рэмзи своим видом продемонстрировал мне, как умеют только служители оксфордских общежитий, что я грубейшим образом преступил все мыслимые границы хороших манер, но все же ответил:

— Ключ понадобился джентльмену из соседней комнаты, сэр. Он потерял свой и хочет проверить, не подойдет ли этот.

— А мистер Легг позволил вам взять его ключ?

— Нет, сэр, но я не думал, что должен спрашивать его позволения.

— В таком случае немедленно верните ключ на место и ничего не трогайте, что бы там ни

утверждал джентльмен из соседней комнаты.

Конечно, я не имел никакого права говорить такое служителю, но я здорово испугался. Внезапно меня осенило, что страхи Гая были небеспричинны. Тем же вечером я зашел к нему, и мы решили заниматься в его комнате. Мой друг обрадовался моему желанию остаться с ним.

— Только запри дверь, Дик, — попросил он.

Мы занимались до одиннадцати, а потом оба навострили уши: кто-то шаркал по коридору к нашей двери. Затем кто-то тихонько постучал. Гай побледнел как полотно и начал задыхаться.

— Видишь, я тебе не врал. Он пришел за мной. Не впускай его, Дик, Богом молю.

Стук повторился.

— Гай, — сказал я. — Я открою дверь. Возьми себя в руки, дружище, вдвоем мы способны защититься от кого угодно, как ты не понимаешь? Мы должны открыть дверь.

— Дик, ради всего святого, не надо! Я не вынесу этого!

Но я решительно направился к двери спальни и распахнул ее. Теперь лишь наружная дубовая дверь отделяла нас от человека за ней, но внезапно лицо Гая исказила чудовищная гримаса ненависти, и он прохрипел:

— Значит, вы с ним сговорились. Ты собираешься предать меня, вручить меня этому дьяволу. Он подкупил и тебя, как прежде подкупил Рэмзи. В этом колледже он всех до одного купил или запугал, и я не в силах противостоять всем!

Голос его внезапно ослаб до слепого отчаяния, он бросился в спальню и захлопнул дверь за собой.

Я помешкал меж двух дверей, а затем взял в руку тяжелый подсвечник и открыл входную дверь.

На пороге, часто мигая от яркого света свечи, стоял тот странный человек.

— Так вы тоже здесь, Барнс, — медленно произнес он. — Но это замечательно. То, что я хотел сказать Леггу, касается и вас. Я приношу свои глубочайшие извинения за то, что был груб с вами в тот вечер, когда вы пришли навестить меня. У меня тогда нервы сдали. Но где же Легг?

Из спальни послышались надрывные рыдания — дикие, чудовищные завывания человека, потерявшего рассудок.

Перевод Е. Калявиной

Неакадемический экзерсис: О сущности

Полчаса спустя я высказал то, о чем размышлял с тех пор, как все это началось:

— Билли, это безумная затея. Если ты согласишься, я готов отменить пари.

Но он ответил непреклонно:

— Прости, друг, но я не собираюсь упускать возможность заработать пятерку.

Опять повисло молчание, пока Андерсон не произнес, оторвав взгляд от руля:

— Слушай, Билли, давай остановимся, заглянем в паб, а потом разойдемся по домам. Я могу одолжить тебе пятерку и больше. Вернешь, когда захочешь.

Но Билли был полон решимости:

— Нет, Дик, я и так уже достаточно задолжал. Пора мне хоть раз в жизни честно заработать на пропитание.

Так что Андерсон поехал дальше, и вскоре мы увидели то угрюмое место, которое Крейн избрал для проведения нашего эксперимента. Я заметил, что Билли начал терять самообладание, поскольк-

ку он дрожал в своем необъятном пальто, а ноги его были совершенно неподвижны и что было сил прижаты друг к другу.

— Билли, — сказал я. — Нам нет никакой необходимости продолжать. Только зря потратим время. Ты выиграл пари — это очевидно.

И, думаю, он уступил бы — ведь он был сущим ребенком, — но голос Крейна ответил за него:

— Чепуха. Еще ничего не начиналось. Донн поставил на то, что у него хватит духу пройти через всю церемонию посвящения в оборотни. Просто прибыть на место — не значит выиграть. Он еще даже не знает, что именно он должен сделать. Я уже дважды это проделывал — один раз в Нигерии, с мужчиной сорока лет, но у него не хватило выдержки дойти до конца, а второй — в Уэльсе, с храбрейшим существом, преданной женщиной. Но и она не смогла. А Донн может, потому что он молод и не так много видел в жизни, чтобы его можно было легко напугать.

Но Билли боялся, боялся ужасно, как и Андерсон, и я сам. По этой причине мы и позволили Крейну, знавшему о нашем страхе, одержать над нами верх. И он победно усмехнулся, точно театральный Сатана при лунном свете.

Странно это было — вот так поддаться Крейну,

который в колледже считался этаким сомнительным недоразумением. Но тогда вся эта экспедиция была странной, ведь Крейн был стариком. Тридцать три года — немыслимый возраст для неопытных юнцов двадцати одного года, а Билли вообще едва исполнилось девятнадцать.

Началось все довольно весело на Сент-Олдейтс. Билли спросил: «Интересно, а какова на вкус человеческая плоть и какие напитки полагается подавать к ней?» И когда я совершенно бездумно ляпнул: «Крепкие, конечно!» — все дружно рассмеялись, что свидетельствовало о нашем потрясающе хорошем настроении.

Но, очутившись в машине Андерсона под этой огромной луной, мы не на шутку встревожились, а когда Крейн сказал в своей зловещей манере: «Кстати, Донн, ты должен знать кое-что, если вдруг потеряешь нас. Когда ты захочешь вернуть себе человеческий облик, все, что нужно сделать, — пролить немного собственной крови и снять кушак», — мы с Андерсоном содрогнулись. В словах «человеческий облик» прозвучала легкая насмешка, и мы возмутились, что он так разговаривает с Билли. Но куда сильнее нас потрясло то, как шутка внезапно превратилась в реальность. Тогда я впервые испытал страх тем

вечером, и чем дальше мы ехали, тем сильнее и неотвязнее он становился, а на унылой, залитой яркой луной пустоши я ощутил совсем уж тошнотворный ужас и взмолился:

— Билли, ради бога, давай вернемся.

Но Крейн спокойно сказал:

— Билли, ты готов? Первым делом ты должен снять с себя одежду — да-да, всю.

И Билли, не глядя на нас, дрожащими руками начал расстегивать пуговицы. Стоя рядом с ворохом одежды, совершенно белый при лунном свете, он сказал, стуча зубами:

— Надеюсь, я скоро обрасту волчьей шкурой, чертовски холодно.

Но это жалкая шутка не удалась, заставив нас всех трястись — всех, кроме Крейна, который тем временем наливал что-то в кружку из фляжки.

— Ты должен выпить это — все в порядке, оно не отравлено. Я сам его заварил — в нем корешки и прочее.

И обряд начался. Билли было велено начертить вокруг себя на земле круг, и тот молча повиновался. Ему дали еще какое-то зелье.

— Окропи руки, веки, пупок и ступни. Всего каплю-другую. Хорошо.

Я дрожал всем телом и не осмеливался даже

взглянуть на Андерсона, потому что знал: он тоже дрожит. Крейн невозмутимо продолжал:

— А теперь настала менее приятная часть. Боюсь, тебе придется отведать человеческой крови. — Он обратился к нам, будто фокусник, просящий у публики часы взаймы: — Кто-нибудь из вас готов добровольно пожертвовать?

Мы с Андерсоном содрогнулись еще пуще — от ужаса.

— Слушай, Крейн, это отвратительно.

— Ты не можешь продолжать это, Крейн.

Но Крейн сказал:

— Ну, Донн, что будем делать?

И Билли спокойно ответил:

— Продолжай, Крейн.

Он впервые заговорил с тех пор, как начертил круг, и теперь он стоял совершенно невозмутимо, а вид у него был невероятно беззащитный.

— Что ж, раз никто из твоих друзей не желает быть добровольцем, видимо, я должен предложить тебе свою кровь.

Но нас обоих внезапно осенила мысль, что это нужно предотвратить любой ценой. Я осознавал непосредственную и непреодолимую опасность и буквально примерз к месту. Андерсон двинулся вперед.

— Если Билли решил продолжить, пусть лучше возьмет мою.

И Крейн легко согласился:

— Как пожелаешь, дружище. Не заходи внутрь круга и режь поглубже, ему понадобится немало. Вот и все, о чем я тебя прошу.

Но и он, и я, и сам Андерсон знали, что он прошел некую странную проверку.

Андерсон закатал рукав и сделал надрез, а Билли без колебаний приник губами к ране. Через несколько мгновений Крейн сказал:

— Этого достаточно.

Тогда Андерсон крепко перевязал руку платком, а Билли распрямился. Тонкая струйка крови стекала у него по подбородку. Его заставили повторить какие-то сумбурные заклинания на неизвестном языке. А затем Крейн вынул меховую ленту.

— Кушак, — сказал он. — Обвяжись им, Донн. А теперь ты должен преклонить колени и прочитать Pater noster[131] задом наперед. Лучше повторяй за мной.

А дальше случилось то, чего я, наверное, никогда в жизни не забуду. Билли не стал опускаться

---

[131] Notes: 131

Господня молитва на латинском языке (от *лат.* Pater noster — «Отче наш»).

на колени, он встал на четвереньки, как животное, и запрокинул голову. Его русые волосы колыхались в лунном свете, а на лице появилось выражение освобождения и дикости, губы растянулись и обнажили зубы. Я стоял там, охваченный ужасом, и видел все своими глазами.

— Amen, Saeculorum Saecula in gloria[132].

Существо внутри круга сделало глубокий вдох. Теперь я не осмелюсь даже подумать, что это был за звук. Я решительно отказываюсь считать, что это мог быть не голос Билли, что внутри круга был не Билли, — его лицо ужасно исказилось причудливой игрой лунного света. Даже тогда, в минуту ужаса, я не позволил себе подумать так, но какое-то звериное предчувствие неведомого подсказало мне, что этот звук надо прекратить, если все мы хотим остаться в здравом уме, ибо с того момента, как мы его услышали, наша жизнь должна полностью перемениться. Андерсон тоже это понял, и, поскольку он всегда действовал быстрее меня, он шагнул внутрь круга, пока я стоял, примерзнув к месту от ужаса. Он был сильный парень и выволок Билли за пределы нацарапанной окружности, сорвал с него кушак.

---

[132] Notes: 132
Аминь, во славе во веки веков *(лат.)*.

Билли рухнул кулем и разбил локоть о камень, капля крови просочилась в землю. Затем он встал и, нянча ушибленный локоть, сказал:

— Дик, ты свихнулся? Зачем ты это сделал, скажи на милость? Я из-за тебя так больно ударился!

А потом он внезапно повернулся к нему лицом и разразился истерическими рыданиями, упал на землю и лежал, содрогаясь всем телом, а мы втроем смотрели на него. Крейн, разумеется, заговорил первым*.

* Окончание отсутствует из-за слепого скудоумия редактора и печатника.

Перевод Е. Калявиной

Национальная игра

Брат спросил меня за завтраком:

— Сколько ранов ты набрал, когда в последний раз играл в крикет?

И я честно ответил:

— Пятьдесят.

Я хорошо помню этот случай, ибо именно так и было. В школе — ах! — теперь уже много лет назад — я был лишен привилегий шестого класса за непунктуальность или еще какое-то мелкое нарушение, и крикетный капитан моего дома — юнец, на сочувствие которого я едва ли когда-либо мог рассчитывать, — воспользовался моим унижением и поставил меня во главе игры, вполне уместно названной «Игрой отбросов». Я мрачно негодовал из-за такого разделения, но, между прочим, день оказался не так уж плох, как я ожидал. Прибыл только двадцать один мальчик, так что противостоять мне было некому. Я решил играть за обе команды, пока они отбивали. Таким образом я обеспечил себе отдых и час или около того увлеченно предавался чтению, войдя первым и не сумев пережить первый овер. Когда по самым разным причинам одна из ко-

манд полностью выбыла — судьей всегда был следующий бэтсмен, с нетерпением ожидающий своего иннингса, а посему обычно он весьма охотно откликался на самую нелепую жалобу, — я пристегнул пару щитков, принесенных новым мальчиком, хотя на них горячо претендовал уикет-кипер, и вышел отбивать. Вторая команда подавала не так хорошо, и, пропустив мяч-другой, я внезапно, к своему величайшему изумлению, ударил по нему с большой силой. Придя в восторг, я отбил еще раз, и еще. Филдинг был весьма нерешительный, раны накапливались. Я спросил у маркера, сколько я набрал, и тот ответил:

— Тридцать шесть.

Время от времени я менял боулеров, будучи по-прежнему капитаном одной из команд, и демонстративно осуждал тех, кто расслаблялся на поле. Вскоре я заметил у обеих сторон беспокойство и частое поглядывание на часы. «Эта игра не кончится, — положил я, — пока я не наберу пятьдесят». И практически тут же раздался крик: «Пятьдесят!» — и под бурные аплодисменты я позволил игре завершиться.

Такова история моего единственного спортивного достижения. Дослушав ее, брат сказал:

— Что ж, тогда надо бы тебе сыграть сегодня.

Андерсон совершенно расклеился. Я везу команду в одну деревню в Хертфордшире — забыл название.

Я подумал о том, как много я слышал о славном деревенском крикете и о жизни, которой я никогда не видывал, и опрометчиво согласился.

— Наш поезд отправляется с вокзала Кингс-Кросс в девять двадцать. Такси прибудет через пять минут. Скорее собирай вещи.

В четверть десятого мы уже были на станции, и где-то около одиннадцати прибыл последний член нашей команды. Мы узнали, что деревня, в которой нам предстояло играть, называлась Торбридж. В половине первого мы с многочисленным багажом столпились на платформе Торбридж. Снаружи стояли два наемных «форда», и нам с тем парнем, что явился на вокзал последним, удалось отыскать водителей в «Лошади и телеге». Они были по большей части трезвы. Казалось, теперь все пойдет хорошо. Мой брат сказал:

— Отвезите нас на поле для крикета.

— Нету у нас поля для крикета, — грубо, — или как, а, Билл?

— Я слыхал, что в крикет вроде играют на выгоне у Бисли.

— Не-а, там в футбол гоняют.

— А-а-а, — очень лукаво, — но это ж зимой тока. А в крикет, мож, как раз летом и играют.

— А я слыхал, они вроде в этом году под сенокос то поле пустили.

— Что ж, значится, так.

— Нет, у нас нет крикетного поля, мистер.

А потом я увидел указатель. На одной его ветке было написано:

> Лоу-Торбридж, Грейт-Торбридж, Торбридж Сент-Суизин.

Другая гласила:

> Торбридж-Хит, Саут-Торбридж, Торбридж-Виллидж.

А третья сообщала лишь:

> Станция Торбридж.

И указывала прямо на меня.

Мы подбросили монетку и, вопреки мнению большинства, решили попытать счастья в Торбридж-Виллидж. Там мы сделали привал в питейном заведении и навели справки. Нет, никто не слышал ни о каких матчах. Говорили, что

в Торбридж-Суизин был какой-то фестиваль или праздник, но сдается, это была выставка цветов. Мы продолжили скитания и в каждой пивной принимали по полпинты на грудь. Наконец через три четверти часа в таверне «Вепрь и молот», что в Торбридж-Хите, мы нашли одиннадцать безутешных посетителей. Они ожидали, что с ними будет играть команда «Преподобный мистер Бандлз». Может, они вместо этого сыграют с нами? Еще по пинте на всех по кругу, и все устроилось. Было уже около двух, и мы решили заодно и подкрепиться. Без четверти три очень сонная команда соперников выползла на поле. В четверть пятого, когда мы прервались на чай, счет был тридцать два — семь, двадцать из которых мой брат заработал в двух оверах, а потом случился кот. Я заработал всего один ран — позорище! Я отбил с большой силой и попал мячом себе по большому пальцу ноги, от которого мяч отскочил прямо в центр питча.

— Есть, один! — крикнул рослый парень на другом конце поля.

Мы хотели боулинг. И с большим трудом я дохромал до другого края. Я был рад, что следующий мяч подавал он. Один человек делал всю работу за команду соперников — коротышка с очень

загорелыми руками и щетинистыми усами.

Без четверти пять мы вышли на поле, а в семь, когда, падая от усталости, мы вернулись в павильон, только одна калитка была сбита за сто двадцать. И загорелый был по-прежнему в игре. Даже в день моего триумфа я не выходил на поле, а тот вечер, со сломанным пальцем на ноге, я провел и вовсе бесславно. Со временем у боулера вошло в привычку немедленно перемещать меня, как только мяч ударит рядом со мной, и ставить на мое место другого. И за это я был ему благодарен.

В сарае на краю поля не было никакой возможности помыться. Всем нам пришлось переодеваться в одной комнатенке, у каждого был целый ворох одежды. Мы перепутали свои носки, запонки и даже жилеты. Все это очень напоминало школу. И напоследок, когда мы переоделись, чувствуя себя липкими и уставшими, от веселого капитана с загорелыми руками мы узнали, что в Торбридж-Хите нет такси и нет телефона, чтобы кого-нибудь вызвать. До станции Торбридж три мили пешком, а последний поезд отправляется в половине девятого. На обед времени нет, и сумки у нас очень тяжелые.

Последняя беда настигла нас, когда казалось,

что все позади: мы уже подъезжали к Кингс-Кросс, когда вдруг обнаружилось, что где-то суматохе переодеваний я потерял обратный билет. Моему бедному брату пришлось заплатить — у меня денег не было. Заплатив, он обнаружил, что теперь у него не осталось денег на такси. Нам пришлось добираться домой на метро и пешком. Путешествовать в метро с тяжелым багажом — дело не из легких. А когда мы вернулись домой, я сделал для себя такой вывод: сегодня я изнурил себя до крайности. Я утратил всякий интерес к чему и кому бы то ни было. Все мои конечности страдали и ныли. Распухший большой палец на ноге болел нестерпимо. Я прошел пешком несколько миль. Я простоял несколько часов. Я выпил несколько пинт пива сомнительного качества. Я потратил почти два фунта. На эти деньги я мог бы отменно пообедать и сходить в театр. Я мог бы заработать эти деньги, приятно проведя утро за писательством или рисованием.

Но брат утверждал, что это был великий день. Деревенский крикет, мол, — он всегда такой.

Перевод Е. Калявиной